

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

На правах рукописи

Потапова Наталья Анатольевна

”ХАРБИНСКАЯ” ОПЕРАЦИЯ НКВД СССР 1937–1938 гг.:
МЕХАНИЗМЫ, ЦЕЛЕВЫЕ ГРУППЫ И МАСШТАБЫ РЕПРЕССИЙ

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
Аблажей Наталья Николаевна

Новосибирск – 2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Механизмы проведения «харбинской» операции НКВД.....	43
1.1 «Национальные» операции периода Большого террора.....	43
1.2 Механизм репрессий «харбинской» операции	54
1.3 Внесудебность и ее роль в репрессии.....	68
Глава 2 Жертвы «харбинской» операции.....	82
2.1 «Харбинцы».....	82
2.2 Китайцы.	93
2.3 Корейцы.	108
2.4 Другие.	118
Глава 3 Масштабы репрессий.....	130
3.1 Динамика арестов и вынесения приговоров по приказу № 00593.....	130
3.2 Численность жертв «харбинской» операции.....	142
3.3 Доля «харбинской» операции в «смешанной» карательной акции.....	158
Заключение.....	166
Список использованных источников и литературы.....	174
Приложение А Приказ № 00593 и закрытое письмо к нему.....	191
Приложение Б Статистические сведения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР 1937–1938 гг. по «харбинской» операции.....	214

Введение

Актуальность темы. Социально-экономические преобразования, проводившиеся в СССР в 1920–1930-е гг., сопровождались государственными репрессиями и принуждениями. Особого размаха и жестокости чистки достигли в период Большого террора. Согласно данным НКВД, в это время преследованиям подверглось около 1,4 млн чел., в том числе около 700 тыс. чел. было приговорено к расстрелу¹.

На рубеже 1980–1990-х гг. стал возрастать интерес к теме Большого террора. Этому способствовали процессы реабилитации жертв политических репрессий, а также открытие и введение в научный оборот архивных документов ранее находившихся под грифом «совершенно секретно». Проблематика Большого террора оказалась в центре научного внимания. В существующих работах по массовым репрессиям 1937–1938 гг. главное место занимает сам феномен Большого террора, его причины, масштабы, последствия и т.д. В то же время «национальные» операции (в частности «харбинская») как вторая по численности репрессивная акция Большого террора до настоящего момента исследованы крайне фрагментарно. Серьезное и многостороннее изучение истории «национальных» карательных акций вызвано необходимостью понять их причины, методы и последствия, а также преодолеть тоталитарные тенденции, существующие в современном обществе. Поэтому очень важным моментом является выработка научного знания по данной проблематике, что, в свою очередь, требует получения доступа к делопроизводственной документации НКВД СССР.

Актуальность данной научной проблемы определяется необходимостью анализа «харбинской» операции, вскрытия причин и условий, вызвавших карательную акцию, механизмов ее проведения, уточнения репрессированных групп населения, а также установления численности жертв по приказу № 00593.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. В. Данилова, П. Маннинг. Л.: Виолы; М., 1999–2006. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. М., 2006. С. 163.

Законодательно-нормативные акты и оперативные приказы НКВД СССР 1937–1938 гг. не позволяют проследить объекты «харбинской» карательной акции, поэтому для их конкретизации как на общесоюзном, так и на региональном уровне необходимо привлечение новых делопроизводственных документов НКВД СССР, в том числе материалов внесудебных инстанций и «альбомов». В связи с этим актуальным является исследование реализации «харбинской» операции в регионах СССР, включающее выявление технологий ее проведения в республиках, краях и областях Советского Союза, установление региональных особенностей в определении групп населения, попавших в приказ № 00593, решение вопроса о том, насколько реальные жертвы террора совпадали с декларируемыми, и т.д.

Важным моментом в изучении «харбинской» операции является то, что некоторые выводы, полученные в результате изучения этой карательной акции, можно перенести на другие репрессивные мероприятия против «инонационалов» и «инограждан», в том числе выводы о механизмах их проведения, о роли Москвы и регионов в организации «линейных» репрессий, о разграничении карательных полномочий между центральным аппаратом НКВД СССР и территориальными чекистскими органами и т.д. Полученные результаты существенно расширят представления об организации и проведении серии «национальных» операций.

Степень изученности темы. Периоду массовых карательных акций 1937–1938 гг. посвящен значительный объем литературы отечественных и зарубежных авторов, основанной на различных по объему и полноте документах. Полный обзор историографии этой тематики может являться предметом отдельного исследования¹. Рассмотрим лишь основные работы историков о причинах, формах и масштабах репрессий 1937–1938 гг., а во второй части обзора внимание сконцентрируем непосредственно на исследованиях по проблеме «национальных» операций, в том числе «харбинской». Работы из первой части обзора затрагивают проблему «национальных» операций, однако в них центральное место отводится

¹ См., например: Ким Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск, 2018.

феномену Большого террора, т.е. через осмысление массовых операций («кулацкой» и серии «национальных») ученые пытаются понять причины террора, механизмы отбора жертв чисток 1937–1938 гг., ответственность центра и регионов за организацию и проведение карательной политики.

В отечественной и зарубежной историографии Большого террора можно выделить два периода: советский – 1960–1980-е гг. и постсоветский – начало 1990-х – до настоящего времени. В первый период возможности изучения массовых репрессий 1937–1938 гг. были очень ограничены из-за отсутствия источниковой базы. Тем не менее в это время историки обозначали черты террора, появились первые подходы и оценки. Данная тема, базовая для западной советологии, с началом 1990-х гг. стала ведущим направлением как в отечественной историографии, так и в историографии постсоветских стран. Ключевым событием для выделения второго этапа изучения Большого террора послужила «архивная революция», благодаря которой исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным документам, в том числе ведомственному, внесудебному, учетному делопроизводству НКВД СССР, что значительно расширило источниковую базу исследований и способствовало более глубокому изучению карательной политики и механизмов репрессий. Благодаря «архивной» революции исследователи смогли в рамках Большого террора выделить три ключевых направления карательной политики: «кулацкая» операция, серия «национальных» операций и репрессии против партийно-государственной, культурной и научной элит.

В первых работах, посвященных Большому террору, авторы возлагали ответственность за развязывание репрессий на И.В. Сталина, который таким образом пытался расширить и укрепить собственную власть. С. Коэн¹, Р. Медведев², Р. Конквест³, Д. Волкогонов⁴, Ф. Волков⁵, В. Роговин⁶ объясняли репрессии волей вождя и его стремлением к диктатуре. Британский историк Р.

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938 гг. М., 1988.

² Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

³ Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.

⁴ Волкогонов Д.В. Сталин. Политический портрет. М., 1992.

⁵ Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992.

⁶ Роговин В.З. 1937. М., 1996.

Конквест в 1968 г. выпустил книгу «Большой террор: сталинские чистки 30-х гг.», после ее выхода вслед за автором массовые репрессии 1937–1938 гг. стали называть не иначе как «Большой террор». Исследователь использовал небольшой объем доступных источников, в том числе официальные публикации протоколов судов, письменные и устные воспоминания современников репрессий. По мнению Р. Конквеста, И.В. Сталин был организатором репрессий, а НКВД – исполнителем воли вождя. Историк Р.А. Медведев был первым отечественным исследователем, который приступил к изучению проблемы массовых репрессий 1937–1938 гг. Автор в русле традиции, начало которой было положено на XX и XXII съездах партии, изучал и оценивал сталинскую политику как противоречившую социализму.

С середины 1960-х гг. англо-американская историография предложила новый взгляд на события 1937–1938 гг. в СССР. У истоков ревизионистского направления стоит американский историк А. Гетти, который перекладывает ответственность за организацию и проведение массовых репрессий 1937–1938 гг. на региональных руководителей. Автор опровергает мнение о централизованном планировании операций НКВД 1937–1938 гг. и приводит аргументы в пользу того, что центр не управлял проведением карательных акций, вышедших из-под контроля и превратившихся в хаос¹.

«Архивная» революция немного изменила позицию ревизионистов в вопросе о виновниках Большого террора. Теперь на основании новых документов они признают главную и координирующую роль И.В. Сталина в репрессивной политике СССР, однако продолжают настаивать на том, что террор вышел из-под контроля центра, а в событиях 1937–1938 гг. были заинтересованы региональные руководители и/или сотрудники карательных органов. А. Гетти утверждает, что на процессы Большого террора оказали влияние традиции партийной дисциплины, общий менталитет, личные интересы партийной элиты, политические связи и столкновения в номенклатуре, в различных группах внутри партии, страхи элиты. Ревизионисты, доказывая определяющую роль регионов в

¹ Getty J.A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. Cambridge, 1987.

проведении массовых операций 1937–1938 гг., обращают внимание на отличия первоначальных лимитов и сроков «кулацкой» операции от ее итогов. Подчеркивается, что операция длилась не четыре месяца, как изначально предписывалось центром, а 15, в республиках, краях и областях первоначальные лимиты были превышены в несколько раз. Не осталось без внимания и то, что выбор жертв массовых операций оставался в компетенции территориальных НКВД. «Сталинские центральные власти не имели понятия, кто в итоге будет убит... Массовые операции были чем-то вроде слепой пальбы по толпе»¹. Российский исследователь Л.А. Наумов замечает, что в некоторых регионах первоначальные лимиты были превышены, а в некоторых остались прежними. Историк объясняет такой факт потерей контроля центрального аппарата НКВД над республиканскими, областными, краевыми².

Еще один представитель ревизионистской теории, американский историк П. Холквист, считает, что репрессии в СССР проводились с целью создания «идеализированного образа более совершенного и чистого общества». Депортации, лагеря и казни нужны были для того, чтобы изолировать и уничтожить «социально вредные элементы», расчистив обществу путь к коммунизму³.

Российский исследователь Ю.Н. Жуков не только соглашается с мнением о первостепенной вине партийных и государственных деятелей в организации и проведении массовых репрессий 1937–1938 гг., но и связывает конституционную реформу 1936 г. в СССР с Большим террором. Исследователь считает, что карательные акции конца лета и осени 1937 г. следует рассматривать «как акт» устрашения с целью «обеспечить бюрократии победу на выборах» в Верховный Совет СССР⁴. В более поздней своей работе историк пришел к выводу, что репрессии И.В. Сталину были навязаны членами ЦК ВКП(б), первыми

¹ Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s. // *Russian Review*. 2002. № 1. P. 113–139.

² Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010.

³ Holquist P. State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *Stalinism the Essential Readings*. Bodmin, Cornwall, 2003. P. 129–156.

⁴ Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 3–26; Он же. *Иной Сталин*. М., 2005.

секретарями крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, главами общесоюзных и республиканских ведомств, опасавшихся выборов в Верховный Совет по новой Конституции¹.

Французский исследователь Н. Верт называет репрессии 1937–1938 гг. масштабной операцией по социальной инженерии и социальному «очищению». Это массовое преступление, по мнению историка, имело определенные властью группы жертв, свои цели, «лимиты на казнь» и т.д. Н. Верт видит главную цель Большого террора в окончательном устранении всех «элементов», которые руководители партии и органов госбезопасности считали «чуждыми» или «вредными» для строящегося «нового общества»². Автор отмечает, что государственный террор следует считать не «сталинским», а деянием общества в целом.

Американский советолог Р. Маннинг считает, что демократизация оставалась официальным направлением сталинской власти вплоть до осени 1937 г., данное мнение исследовательница подтверждает принятием новой конституции 1936 г. Среди главных причин Большого террора историк называет паническую реакцию И.В. Сталина на обострение экономических проблем, сопряженных со внешнеполитическими угрозами³. Похожей точки зрения придерживается американская исследовательница Ш. Фицпатрик, которая рассматривает Большой террор как «социальную патологию», обусловленную социально-психологическим состоянием населения СССР. Ключевую роль в нем сыграли не указания сталинской верхушки, а региональные кланы, опасавшиеся за свою неэффективную власть⁴.

Ведущие российские исследователи, в их числе О.В. Хлевнюк⁵, Н.В. Петров⁶, В. Хаустов⁷, считают, что террор не мог выйти из-под контроля И.В.

¹ Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина. М., 2010.

² Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

³ Маннинг Р. Бельский район, 1937. Смоленск, 1998.

⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

⁵ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Он же. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

⁶ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М., 2009.

⁷ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.

Сталина. Историки связывают Большой террор с ухудшением международной обстановки и появлением реальной угрозы войны, причины репрессий они видят в попытке обезопасить страну от появления пятой колонны. Суть данной концепции состоит в том, что в условиях осложнения международной обстановки, гражданской войны в Испании и роста военной угрозы со стороны Германии советское руководство во главе с И.В. Сталиным боялось измен среди высокопоставленных лиц и обычного населения. В борьбе за укрепление власти уничтожению подвергались все «потенциальные изменники». Именно ликвидацией пятой колонны оправдывали события 1937–1938 гг. соратники вождя – В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев. «1937 год был необходим... Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны», – говорил В.М. Молотов в начале 1970-х гг.¹

Объясняя Большой террор внешними причинами, историки пытаются разобраться и во внутренних мотивах массовых репрессий 1937–1938 гг. Н. Петров и М. Янсен подчеркивают, что уничтожение «чуждых» элементов, не принявших социализм, ускорило «процесс стирания граней между классами». Большой террор должен был уничтожить «классовых врагов» до выборов в Верховный Совет по новой Конституции, так как они могли извлечь выгоду из свободы, предоставляемой выборами².

О. Хлевнюк, Н. Петров, В. Хаустов склонны полагать, что весь ход массовых операций жестко контролировался Москвой и лично И.В. Сталиным. По их мнению, Большой террор начался и завершился по предписанию Москвы, лимиты на аресты и расстрелы по «кулацкой» операции утверждались высшим партийным руководством. Авторы показывают, что карательным акциям намеренно был придан характер кампанейщины, что привело к огромному числу жертв. О. Хлевнюк отмечает, что центр подстегивал регионы к увеличению размаха репрессий и кампанейщины, наделив их полномочиями повышать лимиты по «кулацкой» операции. Историк также отмечает, что в проведении

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

² Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М., 2009.

карательной акции по приказу № 00447 имели место региональные особенности, которые объясняются «стихийностью» и «инициативой», запланированной и исходившей из самого приказа.

Американский исследователь Д.Р. Ширер показывает, что «очистка общества» от неблагонадежных элементов наблюдалась еще в начале 1930-х гг., однако в 1937 г. из-за представлений о существовании в СССР пятой колонны террор достиг невиданных масштабов. Исследователь видит причину насильственной политики 1937–1938 гг. в убежденности советских руководителей в том, что «традиционными врагами» (оппозиционерами и иностранными агентами) будет создана пятая колонна, и в этом их поддержат недовольные советским режимом широкие слои населения. Именно поэтому Большой террор ударил в первую очередь по сельскому населению, а не по городским «маргиналам», как в предыдущие годы. По мнению исследователя, репрессии являлись основой отношения сталинского режима к советским гражданам, способом насаждения нужного для него общественного порядка и формирования советского общества¹.

Не все исследователи Большого террора причину репрессий 1937–1938 гг. видят во внешнеполитических факторах. Многие полагают, что в ходе карательных акций 1937–1938 гг. руководство СССР пыталось трансформировать советское общество, очистив его от «неблагожелательных элементов». Немецкие историки М. Юнге и Р. Биннер отмечают, что в 1920-е гг. в СССР преступников перековывали через труд. Со второй половины 1930-х гг. власть постепенно стала приходить к выводу, что врагов «либо совсем нельзя интегрировать в советское общество, либо это можно сделать только путем чрезмерных усилий», т.е. с этого времени террор стал превращаться в «инструмент социальной технологии». Также исследователи видят причину массовых репрессий 1937–1938 гг. в увеличении социальной напряженности после принятия Конституции 1936 г.,

¹ Ширер Д.Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М., 2014.

провозгласившей равные права всех граждан¹. М. Юнге и Р. Биннер полагают, что органы НКВД располагали широкими полномочиями. По их мнению, в период Большого террора обычные инструменты и механизмы государственного контроля за деятельностью карательных органов были ограничены или вообще не применялись. Контроль центра над регионами историки видят в регулярных, подробных отчетах территориальных НКВД, а также в издании оперативных документов (приказов, циркуляров и директив), выделении лимитов и др. Исследователи называют положение НКВД «контролируемым обособлением»². О тотальном контроле над чекистами говорит и российский исследователь О.Б. Мозохин³.

Сходной точки зрения придерживался отечественный историк В.П. Данилов. Исследователь находил в документах упоминания о сопротивлении некоторых региональных руководителей политике репрессий. Ход «кулацкой» операции в регионах и центре, был, по мнению историка, хаотичным. Исследователь подчеркивал, что величина лимитов не играла никакой роли: они могли корректироваться как угодно и с самого начала не имели ничего общего с реальностью⁴.

Статья нидерландского исследователя М. Эльмана нацелена на изучение карательных полномочий центра и регионов. Автор соглашается, что приказ № 00447 появился по инициативе советского руководства, однако подчеркивает, что при проведении «кулацкой» операции у территориальных НКВД были широкие полномочия. Исследователь акцентирует внимание на том, что центральные власти находились под влиянием сведений о ходе массовых операций, поступавших из республик, краев и областей. Территориальные руководители

¹ Биннер Р., Юнге М. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

² Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

³ Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011.

⁴ Данилов В.П. Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 5, кн. 1: 1937. М., 2004.

оказывали воздействие на выбор целевых групп репрессий, количество жертв карательных акций, сроки операции и др.¹

Существуют работы, в которых предпринята попытка проанализировать отношения советского руководства, НКВД и регионов в годы Большого террора с позиции различных социально-экономических теорий. Например, британский исследователь Н. Барон на примере истории Карелии в 1920–1930-е гг. анализирует взаимоотношения центра и периферии, опираясь на теорию пространства французского философа и социолога А. Лефевра. По мнению Барона, некоторые исследователи ошибочно принимают «региональный обструкционизм, протекционизм, корыстность и безапелляционность» за проявление оппозиции или автономии. Исследователь полагает, что это было естественным «периферийным сопротивлением» при вмешательстве центра, и это сопротивление влияло на ход репрессий в регионах и Москве².

С точки зрения экономиста пытается взглянуть на террор П. Грегори. В нескольких статьях³ и книге⁴ этот американский автор строит модель «рационального диктатора», т.е. диктатора, который принимает решение, исходя из собственных расчетов и выгоды, а не вследствие эмоций, жестокости или паранойи. Взаимоотношения между И.В. Сталиным и НКВД он объясняет через модель «принципал-агент», которая подразумевает, что тот, кто отдает приказы, и тот, кто их выполняет, преследуют разные цели. П. Грегори объясняет отсутствие письменных утверждений новых лимитов по приказу № 00447 стремлением И.В. Сталина в свойственной ему манере переложить ответственность за проведение массовых репрессий на карательные органы.

Первые работы, посвященные непосредственно «национальным» операциям, появились во второй половине 1990-х гг. В начале 1990-х гг. российским исследователям А.Б. Рогинскому, Н.Г. Охотину, О.А. Горланову

¹ Ellman M. Regional influences on the Formulation and Implementation of NKVD order 00447 // *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62, № 6, August. P. 915-931.

² Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011.

³ Gregory P. Simplified methods and efficiency: Stalin's terror managers // *Journal of Comparative Economics*. 2009. № 37. P. 207-216; Gregory P.R., Schröder P.J.H., Sonin K. Rational dictators and the killing of innocents: Data from Stalin's archives // *Journal of Comparative Economics*. 2011. № 34. P. 34-42.

⁴ Gregory P. *Terror by Quota. State Security from Lenin to Stalin (An Archival Study)*. New Haven: Yale University Press, 2009.

удалось получить доступ к материалам ведомственной статистики НКВД СССР, хранящимся в ЦА ФСБ России. Используя эти данные, ученые начали работу над созданием сборника документов по статистическим аспектам массовых операций 1937–1938 гг., которую не удалось завершить. Однако на основании делопроизводственной документации НКВД СССР историки из международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» смогли показать механизмы и масштабы проведения «польской» и «немецкой» карательных акций. Алгоритм изучения массовых акций против «националов» был предложен Н.В. Петровым и А.Б. Рогинским, которые пришли к выводу, что приказ № 00485 («польский») стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на новый в практике НКВД процессуальный порядок осуждения – «альбомный». Авторы исследуют целевые установки «национальных» операций, механизмы их проведения, а также соотношение между «линейными» карательными акциями и другими массовыми операциями 1937–1938 гг. Историки показывают масштабы «польской» операции, делая заключение, что данная чистка стала главной в статистике НКВД СССР¹.

В статье «Из истории “немецкой операции” НКВД 1937–1938 гг.» Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский показывают особенности второй по численности жертв «национальной» операции – «немецкой», проводившейся на основании приказа № 00439. Здесь авторы вводят в научный оборот не только общесоюзную статистику, но и региональную. Ими было выделено три направления репрессивной политики 1937–1938 гг. в отношении немецкого населения, а именно: административное выдавливание последних с территории СССР, изоляция германских диппредставительств и непосредственно аресты и осуждения. Причины «национальных» операций исследователи из «Мемориала» видят не в этнических чистках, они считают, что поводом для репрессий выступала «связь с границей». Кроме этого, в работе определяются целевые

¹Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

категории приказа № 00439, в их числе бывшие германские военнопленные, политэмигранты, перебежчики из Германии, «контрреволюционные активы» немецких национальных районов, бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте, служащие диппредставительств, бывшие российские военнопленные и служащие немецких предприятий, жены осужденных по «немецкой» операции и заключенные, отбывавшие срок за шпионаж в пользу Германии¹.

В работах Л.П. Белковец², В.И. Бруля³, В.В. Ченцова⁴, А.А. Германа⁵ представлена история реализации «немецкой» операции в отдельных регионах СССР, в частности в Западной Сибири, на Урале и в Украине, ее связи с предшествующими репрессиями против немецкого населения. Исследователи, опираясь на архивно-следственные дела, вспоминают большое внимание уделяют в своих работах не механизмам проведения «немецкой» «национальной» операции и ее масштабам, а скорее методам ведения «следствия». Саму чистку немецкого населения они рассматривают как один из этапов репрессивной политики в отношении представителей этой этнической группы.

Особенности проведения «немецкой» операции в Москве и Московской области отражены в работе А.Ю. Ватлина. Автор на материалах архивно-следственных дел, хранящихся в Государственном архиве РФ, рассматривает репрессии против немцев с 1936 по 1941 г. На примере немцев в СССР автор прослеживает трансформацию советского общества в 1920–1930-е гг. с целью создания «нового советского человека» единого образца. А.Ю. Ватлин выделяет три этапа достижения поставленной цели: теоретическая постановка вопроса, привлечение низовых инициатив в качестве «творческого» ответа на запрос власти и непосредственно устранение «чуждых элементов» через репрессии. Автор считает, что руководство СССР пошло по пути уничтожения

¹ Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.

² Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х – 1930-е годы. М., 1995.

³ Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха (Алт. край), 1995.

⁴ Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998.

⁵ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007.

«инонационалов» и «инограждан». Непосредственно самой «немецкой» операции НКВД 1937–1938 гг. в работе отведено немного места. Карательную акцию по приказу № 00439 исследователь рассматривает как один из периодов в растянутой по времени «немецкой» операции НКВД¹.

Российский исследователь С.А. Кропачев на основании ведомственных материалов НКВД и партийных документов, опубликованных в сборнике документов «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД»², рассматривает «национальные» карательные акции как одну из важнейших составляющих репрессивной политики, связанную с активизацией в СССР борьбы с «национализмом», что, по его мнению, выразилось в усилении репрессий против национальных меньшинств. Автор отмечает, что именно в период Большого террора меняется политика государства в отношении отдельных этнических групп, что было обусловлено внешне- и внутривнутриполитическими факторами. К первым относятся обострение международной обстановки, усиление напряженности в отношениях Советского Союза с соседними государствами, именно поэтому репрессии были направлены на поляков, немцев, харбинцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар и македонцев. К внутренним факторам С.А. Кропачев относит изменение общей стратегии национальной политики, так как «коренизация» не отвечала новой тенденции к усилению централизации государственной власти. При переходе к развернутому строительству социализма должна была наступить и новая стадия национальной политики³.

Российский исследователь И.Г. Джуха занимается изучением «греческой» операции. В своих работах он анализирует причины чисток в отношении греков, рассматривает судьбы репрессированных. Непосредственно карательную акцию против греков 1937–1938 гг. историк относит ко второму этапу репрессий против греческого населения. Первый – связывает с раскулачиванием в 1929–1935 гг., а

¹ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937 – 1938. М., 2004.

³ Кропачев С.А. «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/kubanmemo.ru>.

третий – с массовой депортацией 1940-х гг. Автор полагает, что причина «национальных» операций сводится к тому, что И.В. Сталин испытывал большие затруднения в решении национального вопроса, так как этнические сообщества, «связанные круговой порукой», слабо поддавались контролю. Также И.Г. Джуха связывает репрессии против греков в СССР с ухудшением советско-греческих отношений¹.

С начала 2000-х гг. усилиями международного исследовательского коллектива под руководством немецких историков М. Юнге и Р. Биннера на основе ведомственного делопроизводства НКВД СССР разного уровня, материалов внесудебных инстанций 1937–1938 гг., а также архивно-следственных дел всесторонне изучается «кулацкая» операция, проводившаяся на основании приказа № 00447. К настоящему времени опубликована серия документальных и монографических изданий, вышедших в России, Украине, Грузии и Германии. Историками был предложен алгоритм исследования самой массовой карательной акции «по вертикали и горизонтали» через изучение репрессий в отношении отдельных целевых групп и в региональном аспекте, а также было сделано заключение об обоюдной ответственности за террор власти и общества. Особенности проведения «кулацкой» операции были показаны на примере некоторых регионов России², Украины³, Грузии⁴.

В одной из последних работ «Большевистский порядок в Грузии» на примере закавказской республики исследуются все три главные операции НКВД Большого террора: операция по приказу № 00447, операция по «национальным» линиям и социальная чистка. На основании архивно-следственных дел и материалов внесудебных инстанций описываются особенности проведения в Грузии карательных акций. На примере «линейных» операций показан жесткий контроль московского центра над территориальными НКВД. Отдельная глава

¹ Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006.

² Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

³ Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010.

⁴ Большевистский порядок в Грузии: в 2 т. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М., 2015.

посвящена «национальным» операциям, в том числе «харбинской», где авторы сборника отвергают активно дискутируемый в историографии тезис об этнизации сталинизма. Исследователи убедительно доказывают, что причиной репрессий по «национальным» операциям выступала не этническая принадлежность арестованного, а его социальный статус и «антисоветское» поведение¹.

Концепцию об этнизации сталинизма выдвинул немецкий историк Й. Баберовски на основе изучения политики сталинского режима в Азербайджане. Он считает, что «большевистское руководство воспринимало окружающую действительность как арену межэтнических конфликтов». Поэтому национальность оценивается автором как важнейший компонент того образа врага, который был присущ сталинской власти. В отношении массовых репрессий 1937–1938 гг. Й. Баберовски констатирует, что «этническая чистка занимала центральное место в системе сталинского террора». Позднее, изучив операцию по приказу № 00447, он заметил, что этнические чистки имели место только в 1938 г., а в 1937 г. репрессии проводились по социальному признаку².

Скептически к выводам Й. Баберовски относится российский исследователь А.И. Савин. Проанализировав архивно-следственные дела жертв массовых операций НКВД в Алтайском крае и Омской области, он приходит к выводу, что деление Большого террора на год социальный и год этнический является «умозрительной логической конструкцией», которая «не находит своего однозначного подтверждения в источниках». А.И. Савин говорит о тенденции этнизации сталинизма, которая была непоследовательной, неустойчивой по времени, переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым, политическим мотивам репрессий. Приводя аргументы «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма на примере «немецкой» операции НКВД СССР, ученый приходит к заключению, что решающим критерием для

¹ Там же. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч.

² Baberowski J., Doering-Manteuffel A. The Quest for Order and the Pursuit of Terror. National Socialist Germany and the Stalinist Soviet Union as Multiethnic Empires // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, S. Fitzpatrick. Cambridge, 2009.

репрессий по национальному признаку являлось «враждебное» социальное прошлое¹.

Американский историк П. Хагенлох, как и многие другие исследователи, склонен считать, что аресты в рамках массовых операций были своего рода «социальной инженерией», однако такая характеристика выбора жертв террора, по мнению автора, подходит только для первого этапа проведения карательных акций. Исследователь отмечает, что в течение нескольких месяцев были репрессированы все те, кто находился у НКВД под наблюдением как бывшие «кулаки» и другие антисоветские элементы, а затем сотрудники карательных органов перешли к более «случайным» арестам по «кулацкой» операции и серии «национальных» акций².

В книге российского историка А.Г. Теплякова один из разделов посвящен расправе над «инонационалами» и «иногражданами» в Сибири. Он не приводит точной статистики репрессированных по «национальным» операциям в Сибири, а сами карательные акции рассматривает на основе ведомственной документации НКВД через показ кадровой истории и внутренней жизни ОГПУ-НКВД, агентурно-оперативной работы чекистов и их роли в массовых репрессивных кампаниях³.

Одна из глав диссертационного исследования российского историка Г.Д. Ждановой, на основе которого была написана монография «Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.», посвящена проведению «кулацкой» операции и серии «национальных» операций в Алтайском крае. На основании архивно-следственных дел и материалов внесудебных инстанций автор делает заключение о том, что репрессии являлись инструментом очищения общества от социально чуждых элементов и устранения политических противников большевиков, к которым в разные периоды относились те или иные группы населения. Анализируя состав жертв репрессивной политики на протяжении 1920–1930-х гг.,

¹ Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

² Hagenloh P. Stalin's police: public order and mass repressions in the USSR, 1926–1941. Washington D.C., Baltimore, 2009.

³ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.

Г.Д. Жданова приходит к выводу о том, что Большой террор стал логическим завершением всех предыдущих репрессивных акций. По мнению исследователя, идея построения «чистого» общества путем искоренения «социально чуждых» и политически «враждебных» элементов являлась приоритетной для советской власти. Автор относит к основным группа риска Большого террора «бывших людей», имевших социально чуждое происхождение (кулаки, выходцы из дворян и помещиков, священники, торговцы и т.д.); лиц, имевших в биографии «темные» пятна (служба в белой армии, судимости, участие в антисоветских крестьянских мятежах); а также членов (в том числе бывших) иных политических партий и представителей оппозиции в партии большевиков. Г.Д. Жданова отмечает, что все эти категории граждан с 1920-х гг. попадали в группу риска. Большой террор расширил этот список, прибавив к нему «инонационалов». Историк видит цель репрессий в построении бесклассового общества советского образца (социальная инженерия), а достигалась она решением ситуативной задачи модернизации (в рамках политики коллективизации и индустриализации), а также задач, обусловленных военной угрозой (ликвидация пятой колонны). Важной заслугой автора является то, что она одна из первых историков для иллюстрации особенностей проведения «национальных» операций на Алтае использовала решения Комиссии НКВД и Прокурора СССР, которые позволили ей не только точно определить масштаб репрессий в регионе, но и составить социальный портрет репрессированных¹.

На проведение «харбинской» операции наряду с «польской», «немецкой» и другими карательными акциями одними из первых обратили внимание историки из «Мемориала»², однако специальное исследование так и не было проведено. Н.Н. Аблажей на материалах архивно-следственных дел и данных Книг памяти определила проблему, показав общесоюзные особенности проведения «харбинской» операции. Автор обратила внимание на то, что по приказу № 00593

¹ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015.

² Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43; Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.

были осуждены не только бывшие служащие КВЖД, но и реэмигранты из Китая, а также перебежчики. Кроме того, исследователь считает, что основанием для расстрела или заключения являлась принадлежность «харбинцев» к определенной категории населения, по которой было принято репрессивное решение. Автор обратила внимание, что количество репрессированных по приказу № 00593 почти в два раза превысило количество советских граждан, въехавших в СССР после продажи КВЖД, объясняя это включением в рамки «харбинской» операции реэмигрантов и перебежчиков 1920–1930-х гг. Также одну из причин проведения карательной акции по приказу № 00593 Н.Н. Аблажей видит в «связи с заграницей»¹.

Ведущий российский историк В.Н. Хаустов склонен выделять так называемую японскую операцию НКВД СССР 1937–1938 гг. Он полагает, что карательная акция включала в себя аресты «харбинцев», депортацию корейского населения из Дальневосточного края, а также репрессивные акции, в том числе выселение из страны и расстрел или заключение в отношении китайцев. Данную операцию автор выделяет на основании обвинения этих категорий в «японском» шпионаже. Однако репрессии против самих японцев в рамках выделенной им «японской» операции исследователь затрагивает крайне фрагментарно, упомянув лишь, что в отношении последних советское руководство действовало достаточно осторожно².

Одним из первых обратил внимание на репрессии против китайцев в рамках «харбинской» операции российский исследователь В.Г. Дацышен³. Его ученик С.М. Силонов на материалах архивно-следственных дел, хранящихся в архивах УФСБ по Красноярскому краю, Томской, Кемеровской, Новосибирской областям, Республике Хакасия, рассматривает репрессии в отношении интернированных китайцев в СССР. Автор заключает, что все интернированные китайцы, не репатриированные до 1937 г., попали под действие приказа № 00593. С.М.

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; Она же. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

² Хаустов В.Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М., 2015. С. 106–118.

³ Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

Силонов утверждает, что история интернированных китайцев, нашедших спасение на территории СССР в 1932–1934 гг., в 1938 г. завершилась их физическим уничтожением¹. Еще один российский историк Е.Н. Чернолуцкая на основании данных архивно-следственных дел чекистов Дальнего Востока смогла выявить особенности и масштабы так называемых китайских операций в Дальневосточном крае. Однако отсутствие материалов внесудебных инстанций не позволило ей показать, что «китайские операции» на Дальнем Востоке были вписаны в рамки приказа № 00593². Г.Д. Жданова, исходя из материалов внесудебных инстанций, отмечает, что по «харбинской» операции в Алтайском крае прошло около 40 % китайцев и корейцев от общего числа осужденных по приказу № 00593³. Данное исследование одно из немногих, которое указывает на то, что корейское население стало целевой категорией «харбинской» карательной акции, несмотря на то, что тема преследований против корейцев в СССР периода Большого террора достаточно хорошо освещена в литературе⁴.

Таким образом, в целом Большому террору в отечественной и зарубежной историографии посвящено значительное количество работ. Наиболее дискуссионные проблемы касаются вопросов о том, кто был направляющей силой репрессий и каковы были полномочия НКВД в проведении массовых карательных акций. Касаясь причин Большого террора большинство авторов сходятся во мнении, что они были связаны со страхом советского руководства перед появлением пятой колонны, желанием И.В. Сталина жесткими методами осуществить модернизацию СССР и физически уничтожить население, которое не вписывалось в новое «социалистическое общество». Среди массовых операций Большого террора в центре внимания находится «кулацкая» карательная акция. Благодаря коллективу исследователей во главе с немецким историком М. Юнге показаны не только механизмы проведения операции по приказу № 00447, но и технологии отбора жертв чистки и, что не менее важно, региональные

¹ Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск, 2015.

² Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток, 2011.

³ Жданов Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015.

⁴ Сон Ж. Российские корейцы: всевластие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М., 2013.

особенности реализации этой репрессии. «Национальные» операции до настоящего времени остаются малоизученными. Из более чем десятка известных «национальных» операций НКВД в поле зрения специалистов попали только четыре: «польская», «немецкая», «харбинская» и «греческая». Несмотря на свою научную значимость, работы, посвященные перечисленным выше «линейным» карательным акциям, не отражают целого ряда проблем, в том числе не дают полного представления о механизмах проведения «национальных» операций, группах населения, попавших под репрессию, региональных особенностях и т.д. Следует заметить, что в настоящее время имеются работы, посвященные региональным особенностям политических репрессий, в которых «национальные» операции рассматриваются в контексте чисток 1920–1930-х гг. Исследования посвящены преследованиям против поляков, немцев в Западной Сибири, на Урале, в Украине и Московской области. Однако основная проблема данных работ заключается в весьма ограниченном использовании материалов ведомственных архивов, а в некоторых работах документы НКВД СССР вообще не задействованы. Главную группу источников для создания подобных работ составили архивно-следственные дела, которые лишь фрагментарно отражают механизмы и масштабы репрессий. Материалы внесудебных инстанций, особенно решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а также Особого совещания при НКВД, не были задействованы даже в работах «мемориальцев». С протоколами «двойки» по Алтайскому краю знакомилась Г.Д. Жданова¹, а по Грузинской ССР – М. Юнге с коллективом исследователей². Поэтому исследование «харбинской» операции представляется достаточно перспективным и определяет новизну данного исследования.

Объектом данного исследования выступает «харбинская» операция НКВД периода Большого террора, проводившаяся на основании приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г. с октября 1937 г. по середину ноября 1938 г., **предметом** –

¹ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015.

² Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М., 2015.

деятельность НКВД по организации «национальных» операций на примере «харбинской» карательной акции.

Цель работы состоит в реконструкции «харбинской» репрессивной операции периода Большого террора через изучение механизмов организации и проведения отдельно взятой карательной акции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Установить причины «национальных» операций периода Большого террора.
2. Определить место «харбинской» операции в серии массовых карательных акций.
3. Раскрыть роль внесудебных инстанций в «национальных» операциях.
4. Реконструировать ход следственных мероприятий от ареста до исполнения приговора.
5. Рассмотреть общесоюзную и региональную специфику «харбинской» карательной акции.
6. Выявить целевые категории (группы населения), попавшие под репрессии по приказу № 00593.
7. Уточнить численность репрессированных по «харбинской» операции, сопоставив данные ведомственной статистики НКВД СССР и внесудебных инстанций.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию всего СССР, существовавшего в формате 11 республик, однако основной акцент сделан на Украинской, Грузинской, Армянской, Казахской, Узбекской ССР, среди российских регионов – территории Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Хронологические рамки работы охватывают период с 19 сентября 1937 г. до 17 ноября 1938 г. Нижняя хронологическая рамка обусловлена утверждением Политбюро ЦК ВКП(б) проекта оперативного приказа № 00593 и закрытого письма к нему, хотя в работе фрагментарно представлены события первой половины 1930-х гг., что обусловлено необходимостью охарактеризовать

подготовительный этап репрессий. Верхняя граница определяется завершением массовых операций Большого террора с выходом совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

Методологическую основу работы составляют общенаучные и специальные исторические принципы и подходы. В рамках системного подхода в качестве системы рассматривается карательная политика государственной власти и органов НКВД в условиях периода Большого террора. Системный подход дает возможность рассматривать явления и процессы дифференцированно и в то же время как целостную систему с соответствующей структурой, совокупностью элементов и типов их взаимодействия.

Одним из наиболее значимых в исторической науке является принцип историзма, предполагающий изучение явления в контексте исторического процесса и не допускающий привнесения в это изучение духа, свойств, понятий другого времени в качестве критерия понимания и оценки. Историзм основывается на трех главных принципах: «различие между прошлым и настоящим, соблюдение исторического контекста и восприятие истории как процесса»¹. Следуя принципу историзма, «харбинская» операция НКВД СССР рассматривается в контексте конкретно-исторических событий в СССР и регионах.

В работе применены специальные методы исторического исследования. Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности процессов Большого террора. Историко-сравнительный метод дает возможность провести сравнение между «национальными» операциями, регионами для выявления особенностей проведения карательной акции, а также между различными категориями (группами населения) репрессированных по приказу № 00593. Историко-типологический метод используется в исследовании для выделения целевых категорий «харбинской» операции. Диахронный метод (периодизации) позволил обозначить основные этапы в проведении карательной

¹Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 36.

акции по приказу № 00593, обнаружить изменения в ее социально-политическом векторе, а также выявить приоритеты, имевшие место на протяжении всего ее периода проведения. Статистические методы использовались при обработке информации, содержащейся в разработанной нами базе данных.

На основании 590 протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР по «харбинской» операции нами была создана электронная база данных с использованием программы Microsoft Excel, входящей в стандартный набор прикладных программ пакета Microsoft Office. База содержит 20 полей, охватывающих данные, содержащиеся в каждом протоколе, а именно: номер протокола, дата утверждения, территориальный орган НКВД или ДТО, представивший «альбом», республика, город, всего включенных в список протокола, из них приговоренных к расстрелу, к десяти, восьми, пяти, трем годам исправительно-трудовых лагерей, к ссылке или высылке, всего осуждено, передано на следствие, на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в военные трибуналы, суды, под гласный надзор, всего отложено, освобождены. База дает возможность проиллюстрировать общесоюзный масштаб репрессий по приказу № 00593, а также региональную статистику проведения «харбинской» операции, численность репрессированных территориальными органами НКВД (УНКВД) и ДТО ГУГБ НКВД, динамику вынесения приговоров.

Также начата работа по составлению персональной базы данных на репрессированных по «харбинской» операции, включенных в протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР. На данном этапе в базу вошли Алтайский край, Московская, Сталинградская области, Украинская и Грузинская ССР. База содержит следующие сведения: номер протокола, дата его утверждения, ФИО репрессированного, дата и место его рождения, приговор.

Понятийный аппарат является неотъемлемой частью методологии. Одними из основных в данной работе являются термины: Большой террор, «национальные» операции, «харбинцы», «харбинская» операция. В современной историографии понятие «*Большой террор*» применяют для описания наиболее масштабных политических репрессий, проводившихся внесудебными

инстанциями в СССР в июле 1937 г. – ноябре 1938 г. Впервые термин был введен в научный оборот британским историком Р. Конквестом в 1968 г. *«Национальные» операции* – серия карательных акций, проводившихся органами НКВД СССР наряду с «кулацкой» операцией и репрессиями против советской элиты. Были направлены на физическое уничтожение национальных меньшинств и групп населения, признанных «шпионами иностранных разведок», в первую очередь поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, болгар, македонцев, греков, румын, иранцев, афганцев, китайцев, «харбинцев» и др. *«Харбинцами»*, или *«КВЖДинцами»*, в СССР называли все русскоязычное население, в том числе бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, проживавшее какое-то время в Китае. Именно эта группа населения в первую очередь стала главной целевой категорией «харбинской» операции. *«Харбинская» операция* – одна из серии «национальных» карательных акций, проводившаяся на основании приказа НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. и направленная на борьбу с «японскими шпионами».

Источниковая база. Для решения поставленных задач использовался широкий круг источников различных видов:

- законодательно-нормативные документы государственной и партийной власти;
- делопроизводственная документация органов власти;
- делопроизводственная документация НКВД СССР;
- база данных «Жертвы политического террора».

К группе законодательно-нормативных документов государственной и партийной власти относятся Конституция 1936 г., уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В Конституции были зафиксированы основные принципы советского судопроизводства¹. Положения Конституции детализировались и уточнялись в инструкциях о выборах в Советы². Законодательство, регламентировавшее судебную практику, представлено

¹ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.

² СУ РСФСР. 1922. № 51; № 71; 1925. № 79; 1926. № 75; 1930. № 54; СЗ СССР. 1934. № 50.

Уголовными кодексами 1922 и 1926 гг. и Уголовно-процессуальным кодексом 1923 г., в которые вносились изменения, касавшиеся составов контрреволюционных преступлений и их подсудности. Изучение советского законодательства дает возможность определить структуру и функции органов правоохранительной системы, выявить, какие действия рассматривались как контрреволюционные преступления и т.д.

Делопроизводственная документация органов власти представлена материалами (стенограммой) февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., опубликованными в журнале «Вопросы истории»¹, а также рядом постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), принятых в 1937–1938 гг. и касающихся проведения, продления, завершения массовых операций Большого террора. Документы февральско-мартовского пленума состоят из нескольких частей. Во-первых, направленный текст стенограммы заседаний, сохранившийся практически полностью. Во-вторых, стенографическая запись с собственноручной правкой выступавших. С точки зрения ценности данного памятника нужно отметить, что партийные материалы имеют особое значение, так как в силу специфики государственного режима они выступали в качестве генеральных руководящих документов. Материалы февральско-мартовского пленума дают некоторое представление о причинах «национальных» операций НКВД, о том, как накануне Большого террора высшее руководство страны воспринимало «инонационалов» и «инограждан». В работе также задействованы постановления Политбюро ЦК ВКП(б) с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г., в том числе постановления об утверждении проектов оперативных приказов НКВД по массовым операциям 1937–1938 гг., о продлении репрессий, принимаемые на протяжении 1937–1938 гг., об окончании массовых операций и т.д. Значительная часть документов, показывающих роль высшей партийной власти в организации и проведении карательных акций, введена в научный оборот².

¹ Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2–3.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004; Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; Через трупы врага на благо

Особенно широко в работе использовалась делопроизводственная документация НКВД СССР.

В России до настоящего времени документы НКВД в основном хранятся в ведомственных архивах ФСБ (бывших КГБ), за исключением некоторых регионов, в их числе Алтайский край, где материалы внесудебных инстанций и прекращенные архивно-следственные дела были переданы на государственное хранение. К настоящему времени исследователи имеют доступ только к рассекреченным чекистским документам 1930-х гг., однако список таких документов, как правило, отсутствует. Помимо российских архивных фондов, в работе были задействованы документы из государственных и ведомственных архивов Украины, Грузии, Армении. Широкий доступ к документам советских спецслужб в Украине (открыто более 99 % архивных фондов) позволил не только увидеть республиканскую специфику «харбинской» операции, но и сделать некоторые заключения о проведении этой общесоюзной репрессивной акции.

В исследовании использовались следующие виды делопроизводственной документации:

- учетная документация НКВД СССР (архивно-следственные дела и «альбомы»);
- материалы внесудебных инстанций НКВД СССР (протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, Особого совещания при НКВД СССР и Особых троек НКВД);
- отчетная документация НКВД СССР (промежуточная и итоговая);
- оперативные приказы, директивы, телеграммы НКВД СССР и т.д.

Учетная документация НКВД СССР представлена архивно-следственными делами и «альбомами». Архивно-следственные дела являются одним из базовых источников изучения репрессированных групп населения, которые были арестованы или находились под следствием, однако в России исследователям

народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010; Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т./ сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М., 2015.

доступны исключительно материалы на реабилитированных лиц. Во время работы над исследованием автором был изучен весь массив дел по «харбинской» операции, хранящихся в Отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края, около 700, 30 дел – в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины, 100 – в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины, 50 – в архиве Департамента внутренних дел Восточно-Казахстанской области, 15 – в Национальном архиве Армении, 5 – в архиве МВД Грузии.

Архивно-следственное дело – это комплексный источник, содержащий многочисленные типы материалов. В целом дела содержат следующие группы документов (согласно классификации С.В. Журавлева¹): 1) документы о задержании и аресте; 2) документы о ходе следствия; 3) итоговые материалы следствия; 4) материалы, приобщенные к следствию; 5) материалы по реабилитации. Особый интерес (применительно к данному исследованию) представляют анкеты, содержащие биографические данные обвиняемых. Нередко сведения этих первичных документов изменялись в последующих документах следствия, в первую очередь в обвинительном заключении, в нужном для следствия направлении. Сотрудники карательных органов сознательно искажали социальное происхождение, политическое прошлое, род занятий, знакомства и другие актуальные для следствия характеристики. На основе анкет арестованных, протоколов допросов, обвинительных заключений частично воссоздается механизм проведения «харбинской» операции на региональном уровне, определяются полномочия территориальных органов НКВД, а также обозначаются целевые категории приказа № 00593 не только по этническому признаку, но и по социальному.

Данные протоколов допросов и обвинительных заключений коррелируются с закрытым письмом к «харбинскому» приказу, именно поэтому эти следственные материалы однотипны во всех регионах СССР. В делах на арестованных по

¹ Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: история, методология, практика. М., 2004. С. 170–197.

«харбинской» операции имеется не более трех протоколов допроса, в том числе один из них составлялся непосредственно во время заполнения анкеты, так как в период массовых репрессий 1937–1938 гг. протоколировались только те допросы, на которых подследственные давали «признательные показания». В более 90 % случаев арестованный признавал себя «японским» шпионом, однако встречаются дела и «альбомные» справки (речь о них пойдет ниже) на лиц, не подписавших никаких обвинений против себя.

Следственные дела «харбинцев» различаются по объему – в зависимости от принципа их комплектования. Индивидуальные дела невелики, они содержат 10–15 страниц, тогда как коллективные могут содержать несколько томов. В 95 % случаев встречаются именно коллективные. В документах архивно-следственных дел имеется большое количество ошибок, в том числе описки, исправления, искажения имен, фамилий, географических названий и т.д. Разного рода неточности встречаются в ордерах на арест, протоколах допроса, обвинительных заключениях.

Судебно-следственные дела завершаются документами по реабилитации осужденных: заявления репрессированных или их родственников о пересмотре дела, протесты органов прокуратуры на решения внесудебных органов, протоколы допросов свидетелей, представителей административных органов и органов власти, а также сотрудников советских спецслужб, ведших соответствующее дело или причастных к нему. Особое внимание отводилось материалам по проверке социально-политического прошлого обвиняемых и протоколам допросов следователей республиканских, краевых областных органов НКВД, в которых они давали показания о методах проведения следственных мероприятий, предписаниях центра и указаниях территориальных НКВД по репрессиям в отношении тех или иных групп населения.

В делах 1937–1938 гг. присутствует выписка из протоколов внесудебных инстанций о выбранной мере наказания, на основании которой можно определить, по какой массовой операции Большого террора заводилось конкретное следственное дело. Так как в «японском шпионаже» обвиняли не

только тех, кто арестовывался по приказу № 00593, но и тех, кто подвергался репрессиям из числа советской элиты, и даже тех, кто проходил по «кулацкой» операции, то данная выписка необходима для корректного причисления осужденного к той или иной карательной акции.

Еще одним важным источником учетной документации НКВД СССР для изучения «харбинской» операции являются «альбомы». После завершения следствия территориальные органы НКВД СССР на каждого арестованного составляли на отдельном листе формата А4 справки, в которых слева указывали фамилию, имя и отчество обвиняемого, краткие биографические сведения (дата и место рождения, национальность, род занятий, социальное происхождение), № следственного дела, место временного содержания и дату ареста, а справа – суть обвинения, признание арестованным вины или ее отрицание, наличие изобличающих его показаний других репрессированных или свидетелей. Такие справки сшивались в «альбом» для отправки в Центральный аппарат НКВД СССР для утверждения по факту уже вынесенных приговоров. На каждой справке стояла подпись начальника территориального НКВД и местного прокурора. «Альбомы» сопровождался списком репрессированных с разделением их на первую (ВМН) и вторую (ИТЛ) категории. Следует пояснить, что в нашей работе использовались как «альбомы», хранящиеся в региональных ведомственных архивах (копии), так и «альбомы», которые посылались в Москву на рассмотрение и утверждение (оригиналы). На оригиналах на справках черным карандашом соответствующими буквами и цифрами помечали меру наказания (Р (расстрелять), 10, 8, 5, 3, Д (доследовать), ВК (Военная коллегия Верховного суда СССР), суд, ВТ (военный трибунал), ссылка¹, высылка²). Справки с пометами «10», «8», «5», «3», «ссылка», «высылка» из «альбома» изъяты (они находятся в приложении к протоколам Особого совещания при НКВД СССР). Некоторые «альбомы», например дальневосточные, составлены в ином виде. ФИО арестованных с краткими анкетными данными и сутью обвинения размещали не

¹ Здесь и далее: ссылка – выселение осужденного из постоянного или временного места жительства на окраины в пределах страны.

² Здесь и далее: высылка – выселение осужденного из постоянного или временного места жительства за пределы страны.

на отдельной странице, а друг за другом, в очень сжатом и компактном виде. На каждого арестованного отводилось не больше 5 строк. В таких случаях строчки на лиц, осужденных по второй категории, вырезали.

Нами был обработан весь массив «альбомов» по «харбинской» операции для всех республик, областей и краев СССР. Массив справок по «харбинской» операции позволил не только выделить репрессивные линии (целевые категории), но и определить количество осужденных по приказу № 00593, также подобного рода учетная документация позволяет делать выводы о разграничении полномочий центра и периферии.

Материалы внесудебных инстанций представлены протоколами

- Комиссии НКВД и Прокурора СССР;
- Особого совещания при НКВД СССР;
- Особых троек.

На рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР в период проведения «национальных» операций передавали «альбомные» справки на лиц, осужденных на лагерное заключение, ссылку или высылку из страны. На основе справок формировался протокол заседания ОСО, где указывались номер протокола, дата заседания, имена присутствующих (председатель, члены и секретарь), ФИО репрессированных с датой и местом рождения, а также утвержденный приговор (от 3 до 10 лет лагерного заключения, ссылка, высылка). По «национальным» операциям этот внесудебный орган оформил порядка 2 тыс. протоколов, в которых арестованные по разным карательным акциям перечислены единым списком.

Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР включают в себя списки лиц, прошедших через Особое совещание, лиц, приговоренных к расстрелу или другим видам наказания, а также отражают передачу дел по подсудности на следствие. Для «национальных» операций заводились протоколы на основании данных одного «альбома» или сразу нескольких. В протоколах обязательно указывался номер оперативного приказа, в рамках которого осуждались арестованные. Нумерация протоколов велась в рамках операции по

каждому оперативному приказу и в валовом порядке по мере поступления материалов из республик, краев и областей. В рамках «харбинской» операции двойка подписала 590 протоколов (с № 1 по № 590). В территориальное управление НКВД, по материалам которого был составлен протокол, направлялась копии, заверенные подписью сотрудника ГУГБ и печатью НКВД СССР. Все протоколы однотипны. В них указан номер протокола, дата, должности и фамилии лиц, присутствовавших на заседании (нарком внутренних дел СССР и прокурор СССР или их заместители), далее идут вводная часть («слушали: материалы на обвиняемых, представленные ... (территориальный орган НКВД) в порядке приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г.»), постановляющая часть (список репрессированных и утвержденные приговоры), в конце протокола – должности и фамилии присутствовавших на заседании, а также печать НКВД СССР и подпись сотрудника для особых поручений восьмого отдела ГУГБ НКВД СССР С.И. Кремнева. Постановляющая часть протокола разбита на две колонки. Содержание левой колонки менялось на протяжении всего периода проведения «национальных» операций. До середины октября 1937 г. в протоколах указывали только фамилию, имя и отчество осужденного, после этой даты к анкетным сведениям репрессированного добавили год и место рождения, с середины мая 1938 г. – подданство. Справа, напротив фамилии каждого обвиняемого, указывали репрессивное решение (прописными буквами), в том числе: расстрелять, заключить в исправтрудлагерь на ... лет, дело доследовать, предать суду Военной Коллегии Верховного суда СССР, дело передать в суд и т.д. Содержание правой колонки тоже изменялось. До конца октября 1937 г. вместо «исправтрудлагерь» указывалось «заключить в концлагерь».

Следует обратить внимание, что нами были изучены как протоколы, направленные после их утверждения в регионы, т.е. копии, так и оригиналы, оставшиеся в центральном аппарате НКВД СССР. Разница между ними существует, и выражается она в рукописных пометках, которые имеются только в протоколах, хранящихся в региональных ведомственных и государственных архивах. Чаще всего вписано полностью или сокращенно место жительства

осужденного на момент ареста – Бийск, Барнаул, Славгород, Ойротия, Харьков, Одесса, Аджария и т.д., т.е. таким образом определялось, кто проводил арест отдельно взятого человека (областной или районный отдел НКВД). В некоторых случаях указывалась национальность осужденного, особенно это характерно для Армении и Грузии. Иногда, когда Комиссия НКВД и Прокурора СССР не выносила приговор, в копиях протоколов указывалась дальнейшая судьба арестованного (дело прекращено, осужден другим органом, умер, выслан из страны и т.д.). Кроме того, подлинники протоколов подписаны наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским.

Весь массив решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР по регионам Советского Союза нами обработан (*Приложение Б*). Данные протоколов дают богатый материал для изучения «харбинской» операции. В них указан не только орган, представивший список репрессированных (территориальные органы НКВД или ДТО ГУГБ НКВД), но и республики, края и области, приславшие списки, что позволяет детально воспроизвести региональную статистику чисток по приказу № 00593. Кроме того, на их основании можно проследить динамику утверждения приговоров, работу Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а также сосчитать количество приговоров о расстреле, лагерном заключении (от 3 до 10 лет), ссылке, высылке из страны, сколько дел было передано на доследование, на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в военные трибуналы, суды, под гласный надзор. К протоколу прилагалась краткая справка-инструкция, которая обобщала статистические данные, а также указывала на ошибки, обнаруженные в «альбоме», в частности неверное написание ФИО репрессированного, повторное включение уже осужденных лиц и т.д. В целом протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР в своей массе уникальным источником по изучению «национальных» операций Большого террора, позволяющий восстановить механизм обработки «альбомов» в Центральном аппарате НКВД СССР, технологию составления и утверждения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, разграничить репрессивные полномочия «двойки» и Особого совещания при НКВД СССР. А изучение копий и оригиналов

протоколов позволяет уточнить деятельность территориальных органов НКВД СССР.

С сентября 1938 г. репрессивные решения по «национальным» операциям выносили Особые тройки. Протоколы оформлены единообразно: номер протокола, дата заседания, состав тройки, справа – «слушали», слева – «постановили». В левой колонке указывали номер следственного дела, название районного, областного отдела НКВД или ДТО ГУГБ НКВД, оформившего дело, фамилию, имя и отчество обвиняемого, краткие биографические сведения, суть обвинения, признал себя виновным или отрицает свою вину, наличие изобличающих его показаний других обвиняемых или свидетелей, место временного содержания и дату ареста, т.е. все то же самое, что и в «альбомной» справке. В правой колонке прописывали утвержденный приговор. Протоколы заверены подписями председателя, членов и секретаря Особой тройки. В протоколах имеются рукописные пометки. Иногда от руки подчеркнуты «компрометирующие» факты биографии обвиняемых («харбинец», китаец, кореец, служил в белой армии, раскулачен, казак, судим, перебежчик). Встречались протоколы, где напечатанный на машинке приговор был зачеркнут, а от руки вписана другая, более мягкая мера наказания. Последнее репрессивное решение соответствовало действительности. Нами были обработаны протоколы Особых троек по Алтайскому, Красноярскому краям, Новосибирской, Читинской, Омской, Киевской, Восточно-Казахстанской областям, Армянской, Грузинской, Украинской ССР.

В работе также широко представлена отчетная документация НКВД СССР, включающая промежуточную и итоговую отчетность. К последней относится многостраничный отчет НКВД об итогах «национальных» операций на 15 ноября 1938 г. Он представлен многочисленными статистическими справками о результатах работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР и Особых троек. В справке о количестве осужденных центром (Комиссией НКВД и Прокурора СССР) в крайнем левом столбце перечислены республики, АССР, края и области, правее, напротив каждого региона, даны общие количественные показатели

рассмотренных дел по «харбинской» операции, из них: дела на лиц, приговоренных к ВМН, 10, 8, 5 годам лишения свободы, ссылке, высылке; возвращенные на доследование; переданные в ВК, ВТ и суды. В конце таблицы традиционно итоговые цифры по СССР. Справка о количестве осужденных Особыми тройками по приказу № 00606 представлена также в виде таблицы. В левой колонке представлены репрессивные линии, под каждой из которых даны строки по первой и второй категории. Следующая колонка содержит данные об общем количестве осужденных для каждого региона СССР. Республики, АССР, края и области перечислены вверху таблицы. Еще одна справка о количестве дел, рассмотренных центром и Особыми тройками НКВД (УНКВД) по «польской», «немецкой», «харбинской» и другим операциям за время с 25.08.1937 по 15.11.1938 гг., содержит итоговые цифры по всем «национальным» карательным акциям. Также в отчете имеется справка о национальном составе осужденных Особыми тройками по «линейным» карательным акциям. Данные справки о количестве дел, рассмотренных Комиссией НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593, подтверждаются сведениями, полученными при обработке протоколов «двойки», за исключением двух регионов, однако разница объясняется, вероятно, отсутствием 20 решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. В целом отчет НКВД СССР от 15 ноября дает богатый статистический материал как в общесоюзном, так и в региональном масштабе.

Также в работе использовалась промежуточная отчетная документация НКВД СССР регионального уровня, в том числе докладные записки на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова о ходе «национальных» операций. Такие доклады отправлялись до нескольких раз в неделю и содержали сведения о вскрытых и ликвидированных «контрреволюционных» организациях и группах, о численности репрессированных в промышленных и сельскохозяйственных сферах, о количестве арестованных по «национальным» операциям с начала проведения карательных акций. Еще одним видом *промежуточной отчетности* стали шифротелеграммы по «харбинской» операции, направляемые Н.И. Ежову из республик, краев и областей каждые пять дней, январские и апрельские отчеты о

результатах «национальных» операций. Главная проблема такого рода документов состоит в том, что они предоставляют лишь отрывочные периодические статистические сведения, не показывая итоговую картину репрессий. Однако без них также невозможно всецело и всесторонне изучать механизмы проведения «харбинской» операции. Кроме того, при сравнении республиканской, краевой, областной отчетной документации вырисовываются региональные особенности репрессий.

Наиболее актуальным для нашей работы представляется обнаруженный в ЦА ФСБ *февральский 1938 г. отчет* о количественных результатах «харбинской» операции, который является *промежуточным отчетом*, подготовленным центром на основании данных из регионов. В нем приведены сведения не об общем числе осужденных по приказу № 00593, а о количестве арестованных в регионах с разбивкой на целевые категории: «харбинцы», китайцы и корейцы. И хотя его данные для нескольких территорий не совпадают с протокольными и «альбомными» данными, его привлечение к работе крайне важно, так как он создает общую картину репрессий против «националов» в рамках приказа № 00593.

Еще одной группой делопроизводственной документации НКВД СССР являются *оперативные приказы НКВД СССР 1937–1938 гг.* В документальных изданиях последних полутора десятилетий в научный оборот введен огромный массив материалов по «национальным» операциям из ведомственных архивов ФСБ¹. Это позволяет восстановить ход репрессивной политики в отношении «националов», выявить число запущенных «линейных» операций, частично восстановить технологии проведения карательных акций. Однако непосредственно приказ НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. и закрытое письмо к нему не опубликованы (*Приложение А*). ЦА ФСБ продлил срок хранения документа под грифом «секретно» еще на 50 лет. Однако копия письма

¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 т. М., 2004; Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справочник. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., 2005; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. М., 2001.

хранится в ОГА СБУ, где оно было рассекречено в 2011 г. В ходе работы был обнаружен ряд чекистских документов, напрямую связанных с проведением «национальных» операций, но не введенных в научный оборот. В эту же группу входит также ряд инструкций, телеграмм, разъясняющих процедуру проведения «национальных» операций, подписанных наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым, а также сообщающих о выполнении приказов.

Еще к одной группе источников относится база данных «Жертвы политического террора в СССР», которая является самой масштабной попыткой объединения сведений о репрессированных на территории СССР, которая была предпринята историко-просветительским, правозащитным и благотворительным обществом «Мемориал». База включает в себя биографическую информацию почти о 3 млн репрессированных за весь период существования СССР. В основе издания лежат сотни томов «Книг памяти» различных регионов бывшего СССР. Основная часть биографических справок – около 2 млн – составлена на лиц, арестованных по политическим статьям карательными органами и приговоренных различными судебными и внесудебными инстанциями. Еще около 1 млн справок содержат сведения о лицах, репрессированных в «административном» порядке (высланные в ходе «раскулачивания» крестьяне, депортированные народы). Собранные в базе сведения составляют около 20 % от общего числа жертв преследований в Советском Союзе¹. Биографические справки составлены по 20 критериям поиска, в том числе ФИО репрессированного, год рождения, национальность, место рождения и место жительства, образование, партийность, место работы, даты ареста и вынесения приговоров, осудивший орган и статья, сведения о реабилитации и т.д. Материалы о репрессированных по «харбинской» операции, содержащиеся в базе, позволили частично дополнить информацию из личных дел относительно национальности, времени ареста, меры наказания.

В целом комплекс названных источников и материалов при условии критического подхода позволяет воссоздать механизмы проведения «харбинской»

¹ См. Приложение к диску «Жертвы политического террора в СССР».

операции, определить численность репрессированных, назвать целевые категории репрессии, решить поставленные в исследовании цели и задачи.

Теория тоталитаризма является одной из **теоретических** баз исследования. Тоталитаризм – социально-экономический строй, своего рода формация, при тоталитарном политическом режиме. Неотъемлемой частью режима является насилие, которое выступает в качестве главного инструмента подавления внутренних конфликтов, подлежащее контролю со стороны центра. Насилие как средство террора определяется историческим и культурным контекстом, является неотъемлемой частью правовой системы СССР и служит инструментом дисциплинирования общества ради формирования «нового человека», вписывающегося в новые производственные отношения.

Актуальным для нашего исследования является утверждение «социальных» историков (Ш. Фицпатрик, Л. Виола, М. Ферро и др.) о невозможности существования сталинизма без поддержки «снизу», со стороны социальных слоев и групп, которые были заинтересованы в системе¹. Пространство репрессий давало «маленьким» людям возможности для самореализации. С этой точки зрения, население выступало не только объектом, но и активным субъектом политики правящего режима, в том числе ее репрессивной составляющей. Репрессии против «чужих» воспринимались значительной частью населения сочувственно, в данном случае пропаганда и террор также работали на режим.

Определенное влияние на данное исследование оказала теория модернизации. В рамках данной теории террор выступает одним из инструментов социальной и экономической модернизации.

Еще одной теоретической основой исследования стала концепция охранительности. Массовые карательные акции в СССР функционально и содержательно связаны именно с феноменом охранительности как системной характеристики сталинского режима. С этой точки зрения репрессии

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы. Деревня. М., 2008.

рассматриваются как охранно-силовой способ, обеспечивающий безопасность государству.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первое комплексное исследование по «харбинской» операции НКВД СССР на материалах всех регионов СССР. Привлечение нового корпуса массовых источников, в том числе материалов внесудебных инстанций НКВД СССР и «альбомов», дает возможность выделить целевые категории (группы населения) по приказу № 00593, составить представление о механизмах проведения «харбинской» карательной акции, выявить региональные особенности ее проведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. До весны 1938 г. поводом для репрессий по «национальным» операциям являлась не этничность и не иногражданский статус, а «связь с границей». С весны 1938 г. наметилась тенденция этнизации «национальных» операций.

2. «Харбинская» операция стала единственной репрессивной акцией из числа «национальных», внутри которой реализовывались общесоюзные и региональные карательные направления. Выделение таких направлений или линий производится на основании целевых категорий, включенных в приказ № 00593.

3. Реализация общесоюзных и региональных линий (направлений) по приказу № 00593 предопределялась наличием диаспор и нетитульных наций, а также текущими задачами республик, краев или областей по очищению территорий от «опасных» элементов.

4. «Китайская» операция, выделяемая многими исследователями в отдельную карательную акцию, по решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР стала частью «харбинской».

5. Часть депортированных в Казахстан и Узбекистан корейцев, китайцев, «харбинцев» повторно подверглись там репрессиям по приказу № 00593.

6. «Харбинская» карательная акция являлась «национальной» операцией Большого террора, так как распространялся «альбомный» порядок осуждения и по ней массово репрессировали представителей национальных меньшинств.

Степень достоверности результатов проведенных исследований

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается корректным использованием методов анализа исторических источников, в том числе составлением электронных баз данных на основе материалов внесудебных инстанций НКВД СССР. Изучение «харбинской» операции НКВД СССР проводилось на материалах фондов ведомственных и государственных архивов Новосибирской, Омской, Читинской областей, Красноярского и Алтайского краев, Украины, Грузии, Армении, а также ЦА ФСБ РФ.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в научной и образовательной сфере, при написании обобщающих работ, разработке и чтении курсов по отечественной истории, а также спецкурсов по истории репрессивной политики СССР в период Большого террора. Данное исследование вносит вклад в изучение Большого террора, восполняя недостающие сведения о механизмах проведения крупной массовой операции 1937–1938 гг.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на региональном семинаре «Репрессированная сибирская провинция» (Новосибирск, 2016), круглом столе «Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) – начало “Большого террора”: сибирский аспект» (Новосибирск, 2017), всероссийской научной молодежной конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2017), международной конференции «Политические репрессии на Южном Кавказе от советизации до 1950-х гг.: история, повседневность, память» (Ереван, 2017), VIII международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск, 2018), международной научно-практической конференции «Харбин – город дружбы России и Китая» (Харбин, 2018), XVII международной научно-практической

конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» (Усть-Каменогорск, 2018).

Публикации по теме диссертации. Результаты исследования представлены в 12 публикациях, в том числе 4 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 1 статья в российском научном журнале, входящем в Web of Science).

Глава 1 Механизмы проведения «харбинской» операции НКВД

1.1 «Национальные» операции периода Большого террора

Термин «массовые операции» в документах НКВД появился в конце 1930-х годов. Он обозначал карательные акции, которые проводили в масштабах всего Советского Союза в 1937–1938 гг. К таковым относились «кулацкая» операция, нацеленная на борьбу с «бывшими», и серия «национальных» операций, направленных на изъятие «иногражданского» и «инонационального» элемента. Главная цель «линейных» операций заключалась в борьбе с «диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран». Еще одним ключевым направлением репрессивной политики периода Большого террора стали преследования представителей партийно-государственной, культурной и научной элиты.

Идеологическое обоснование Большого террора дал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. В докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» И.В. Сталин призвал «выявлять и уничтожать» «вредителей», «диверсантов» и «агентов» из числа «бывших» и «чуждых». По мнению советского лидера, все перебравшиеся из-за границы – реальные или потенциальные враги, независимо от мотивов, способа и времени появления в СССР. Классовая принадлежность или политическое прошлое таких лиц не имеют никакого значения, они должны рассматриваться как представители (и, стало быть, агенты) враждебных государств. Из выступления И.В. Сталина следовало, что эти государства хотят уничтожить и ослабить Советский Союз. Для достижения своих целей они ведут против СССР непрерывную подрывную работу, т.е. фактически находятся по отношению к нему в состоянии необъявленной (до времени) войны. Соответственно и с агентами их следует поступать по нормам войны¹.

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 95–109.

В марте 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов дал указание перестроить работу НКВД СССР таким образом, чтобы «быть способными к активному наступлению против всех врагов советского строя», отметив «возможность военного нападения фашистских государств» и «лихорадочную деятельность разведок». В мае 1937 г. территориальные НКВД на закрытых заседаниях обсуждали распоряжение некоего «особого совещания ЦК ВКП(б)», в котором говорилось об очистке страны от «японо-германо-троцкистско-бухаринской агентуры»¹. Массовые аресты различных «диверсионно-повстанческих», «вредительских» и «кулацких группировок» стартовали еще в апреле 1937 г.² В середине июля 1937 г. Н.И. Ежов на совещании НКВД проинформировал о предстоящих массовых арестах поляков, немцев и «харбинцев»³. Территориальным карательным органам предписывалось в рамках подготовительных мероприятий провести изучение своих учетов, просмотреть показания сексотов, справок «спецчастей» предприятий,строек, государственных учреждений. Полученным материалам был придан статус формальных данных для подготовки к аресту всех «неблагонадежных». Кроме того, весной 1937 г. начальники областных и краевых управлений стали официальными уполномоченными ЦК ВКП(б), что давало им право проводить неограниченные аресты в пределах подведомственной им территории⁴. В это же время стартовали массовые аресты по обвинению в участии в «диверсионно-повстанческих», «вредительских» и «кулацких» группировках⁵. Еще один важный этап в проведении карательных акций заключался в подготовке советского общества к массовым репрессиям при помощи искусственного раскручивания шпиономании. С марта 1937 г. в советской печати стали появляться статьи о шпионско-диверсионной работе иностранных разведок в СССР. В апреле 1937 г. на страницах журнала «Спутник агитатора» появилась публикация, посвященная «японским» церковным шпионам, проводившим «вербовочную работу» еще в

¹ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

² Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 332.

³ Тепляков А.Г. Машина террора. М., 2008. С. 366.

⁴ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

⁵ ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

начале XX столетия¹. Через несколько дней газета «Правда» напечатала статью о деятельности «японской» разведки на Дальнем Востоке, в которой сообщалось о массовых арестах шпионов и диверсантов, переброшенных из-за границы, о ликвидации вооруженных группировок, перешедших на территорию Советского Союза по заданиям иностранных разведывательных органов и т.д. Агенты «японской» разведки якобы занимались сбором сведений о расположении войсковых частей, аэродромов, промышленных предприятий, о состоянии дорог и т.д. Главная цель их деятельности сводилась к подготовке японо-советской войны. Автор статьи напоминал, что шпионы собирают нужные им сведения путем внешнего наблюдения. «Разъезжая по железным дорогам, посещая общественные места, они подслушивают и выуживают интересующие их сведения, заводят нужные им знакомства и используют болтливость отдельных советских граждан, которым по характеру их работы известны сведения, составляющие государственную тайну»². Через пару дней, 26 апреля в газете «Известия» была опубликована еще одна статья, посвященная «японскому» шпионажу. Главная идея новой агитационной работы заключалась в том, чтобы донести до советских читателей, что подготовкой разведывательных кадров для переброски в СССР занимаются все ведомства Японии, включая министерство земледелия и министерство народного просвещения, при этом такая работа ведется с начала XX века³. В тот же день «Комсомольская правда» в статье «Агенты капитана Обара» повествует о шпионской деятельности в Забайкалье, проводимой японской военной миссией, главный штаб которой находится в Маньчжурии⁴. В мае 1937 г., незадолго до начала массовых репрессий, газета «Правда» публикует большую статью «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», в которой приводятся конкретные примеры вербовки советских людей разведками капиталистических стран, в том числе Японии⁵. Первоначальный вариант статьи имел название «О некоторых

¹ Спутник агитатора. 1937. 14 апреля.

² Правда. 1937. 23 апреля.

³ Известия. 1937. 26 апреля.

⁴ Комсомольская правда. 1937. 26 апреля.

⁵ Правда. 1937. 4 мая.

методах и приемах работы иностранных разведок», однако И.В. Сталин изменил заголовок, сделав его более жестким. Кроме того, вождь лично вписал в работу почти страницу текста, иллюстрирующего методы вербовки: «Советский работник, находившийся в Японии, встречался в ресторане с некой “аристократкой”. Во время одной из встреч в ресторане появился японец в военной форме. Он заявил, что является мужем этой женщины, и поднял скандал. В это время появился другой японец и помог замять дело после того, как советский гражданин дал письменное обязательство информировать его о делах в СССР. “Примиритель” оказался агентом японской разведки, а советский гражданин стал шпионом»¹.

В конце каждой статьи, опубликованной на страницах советской печати весной–летом 1937 г., размещались призывы к усилению бдительности, к борьбе с иностранными разведками, к разоблачению врагов и т.д. Некий итог многолетней деятельности агентурной сети Японии на территории СССР подвела статья «Подрывная работа японской разведки», вышедшая в двух номерах газеты «Правда»². Количество и порядок выхода публикаций, их широкое обсуждение на партийных собраниях и собраниях трудовых коллективов привели к тому, что все советское общество было охвачено шпиономанией.

На волне шпиономании летом 1937 г. стартуют первые массовые операции НКВД, в том числе «кулацкая» от 30 июля 1937 г. и «польская» от 11 августа 1937 г. По мнению М. Юнге, с выходом приказа № 00447 («кулацкая» операция) террор в СССР стал «Большим»³. Репрессии в стране санкционировало Политбюро ЦК ВКП(б), где нарком внутренних дел Н.И. Ежов представлял готовые тексты оперативных приказов⁴. За июль 1937 г. – ноябрь 1938 г. высшую партийную санкцию получили «немецкий» (№ 00439 от 15 июля 1937 г.), «польский» (№ 00485 от 11 августа 1937 г.) и «харбинский» (№ 00593 от 20

¹ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 225–226.

² Правда. 1937. 9–10 июля.

³ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. 352 с.

⁴ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/324 от 20 июля 1937 г., № П51/564 от 9 августа 1937 г., № П53/107 от 19 сентября 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/document> (дата обращения: 03.10.2017).

сентября 1937 г.) приказы, «латышский» (№ 49990 от 30 ноября 1937 г.), «иранский» (№ 202 от 29 января 1938 г.), «афганский» (№ 226 от 16 февраля 1938 г.) меморандумы и директива по «греческой» операции (№ 50215 от 11 декабря 1937 г.).

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. утвердило проведение «румынской», «финской», «эстонской», «болгарской», «македонской», «китайской» операций¹. Однако первый протокол по «румынской» карательной акции на арестованных УНКВД Молдавской АССР был утвержден Комиссией НКВД и Прокурора СССР еще в начале октября 1937 г.², на задержанных УНКВД по Ленинградской области в рамках «финской» операции – в начале ноября 1937 г.³ Так называемая китайская операция стала частью репрессий по приказу № 00593⁴. Фактически решение Политбюро только переводило уже идущие преследования регионального масштаба в общесоюзный формат. Кроме того, несмотря на утверждение новых репрессий, «болгарская» и «македонская» линии карательными органами как отдельные операции не проводились.

«Национальные» операции планировалось провести за три месяца, завершив их к концу 1937 г., но сроки неоднократно сдвигались. Только в середине ноября 1938 г. вышло совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» о прекращении всех массовых операций, а последовавший за ним приказ НКВД № 00762 отменил все оперативные приказы и директивы. В течение всего времени проведения массовых репрессий 1937–1938 гг. Политбюро ВКП(б) и НКВД СССР постоянно активизировали и усиливали идущие в стране преследования при помощи вновь издаваемых оперативных документов, которые, как правило, дублировали друг друга. В январе и мае 1938 г. вышли постановления, продлевающие аресты и осуждения по признаку национальной принадлежности. Данные решения не

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

² УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9558. Л. 2–7.

³ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9749. Л. 1–14.

⁴ См. подробнее: Глава 2, параграф 2.2.

только увеличивали сроки проведения массовых операций по всей стране, но и давали новый импульс карательным акциям. Кроме того, за период 1937–1938 гг. был издан ряд оперативных приказов, повторяющих целевые категории уже идущих карательных операций. Приказ № 00693 от 23 октября 1937 г. предписывал арестовывать перебежчиков. На жен и детей арестованных «националов» распространялось действие приказа № 00486 от 15 августа 1937 г. о репрессиях в отношении семей «изменников родины» и т.д.

В начале января 1938 г. органы НКВД запустили так называемую смешанную террористическую акцию¹. Оперативного документа, давшего старт новым преследованиям, нами выявлено не было. В «альбомах» также отсутствуют указания на соответствующую директиву НКВД. Однако целевые категории карательной акции совпадают со списком иностранных подданных, указанных в циркуляре НКВД «Об иностранцах» от 22 августа 1937 г. Документ предписывал отказывать гражданам Германии, Польши, Японии, Италии, Австрии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Кубы, Латвии, Литвы, Маньчжоу-Го, Мексики, Румынии, Финляндии, Швейцарии, Эстонии, Югославии, Англии, Франции, США, Испании, Турции, Чехословакии, Ирана, Афганистана, Греции в продлении видов на жительство². Циркуляр не исключал проведение арестов среди иностранных граждан. Главным образом в рамках «смешанной» операции репрессировали советских граждан, однако небольшой сегмент (около 20 %) приходился на иностранцев. Мы не утверждаем, что «смешанная» операция была запущена циркуляром «Об иностранцах», однако в документе точно названы страны, в пользу которых, по мнению НКВД, осуществлялся «шпионаж» арестованными. Главной особенностью «смешанной» операции стало то, что в ней не было магистрального для карательной акции обвинения в шпионаже. В обвинительной части протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР причина осуждения значилась как «шпионская и диверсионная деятельность в пользу иностранных государств», хотя в «альбомных» справках причина репрессии

¹ См. подробнее: Глава 3, параграф 3.3.

² ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 207.

присутствовала. Собственно, из-за объединения разных операций в одну данная карательная акция и получила такое название. В период работы Особой тройки (осень 1938 г.) «смешанная» операция распалась на отдельные карательные операции, в том числе «болгарскую», «бессарабскую», «итальянскую» и др. (в зависимости от региона).

Репрессии по «национальным» операциям сопровождались закрытием консульских и дипломатических представительств в СССР. Вышедший в конце октября очередной оперативный приказ НКВД СССР № 00698 предписывал проводить преследования в отношении служащих консульств Германии, Японии, Италии и Польши¹. Постепенно этот список расширился. В 1937–1938 гг. сократилось число консульств Китая, Маньчжоу-Го и т.д. Уже бывших работников диппредставительств подвергали арестам и осуждениям по соответствующей «линейной» карательной акции. Часть так называемых консульских дел была передана на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

В историографии вопрос о количестве «национальных» операций периода Большого террора до сих пор обсуждается. Анализ протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР показал, что в общесоюзном масштабе проводилось десять карательных акций: «польская», «немецкая», «харбинская», «латышская», «греческая», «афганская», «иранская», «эстонская», «финская», «румынская». Однако в некоторых регионах СССР «национальных» линий было больше, например «американская», «английская», «французская» и другие операции. Так, в Украинской ССР была проведена «чешская» карательная акция, которая не определялась как общесоюзная². В Грузинской ССР явно обозначилась «турецкая» линия. Из 213 чел., включенных в «смешанную» операцию, около 43 % являлись турками³. Поэтому региональные «национальные» операции, по

¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 10. Л. 81–82.

² Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой, М., 2010. Т. 2: 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности». С. 150.

³ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.

решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР, вошли в так называемые смешанные протоколы (или разные). Эта операция стала одиннадцатой в серии «линейных» репрессий.

Приказ № 00485 запускать не только аресты и осуждения по «польской» операции, но и вводил в практику НКВД новый порядок осуждения – «альбомный». Вывод Н.В. Петрова и А.Б. Рогинского о том, что «польский» приказ стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям подтверждается материалами внесудебных инстанций. Все последующие оперативные документы по «линейным» операциям повторяют структуру и логику приказа № 00485. В преамбуле к ним содержится «обоснование» репрессии – утверждение об активизации в СССР разведывательных органов соответствующей иностранной державы и о перерастании этой деятельности из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. «Польский» приказ обозначал целевые группы (перебежчики, политэмигранты, работники диппредставительств и т.д.), подлежащие «чисткам», и приоритетные сферы массовых репрессий (органы НКВД, ряды Красной армии, военная и оборонная промышленность), регламентировал сроки проведения операции и формы отчетности по ней¹.

Приказом № 00485 руководствовались сотрудники НКВД при вынесении следственных решений по «немецкой» операции, однако включали дела по «германскому» шпионажу в отдельный список, так как специального документа о начале репрессий издано не было, а вышедший в июле 1937 г. приказ № 00439 касался только германских граждан. Его действие рассчитано было на пять дней. Поэтому репрессии по «немецкой» линии шли в рамках оперативного документа № 00439, но по сценарию, заданному «польской» карательной акцией. Эта тенденция сохранялась и для последующих «национальных» операций. «Харбинская» карательная акция, так же как и другие «национальные» операции, проводилась согласно правилам, установленным приказом № 00485, сохраняя

¹ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

«альбомный» порядок осуждения, формы отчетности и т.д. Однако в ряду «линейных» репрессий она занимает особое место. На первый взгляд приказ № 00593 не был национально окрашен, в отличие от «польского», «немецкого», «греческого», «иранского», «афганского» и т.д. Целевыми категориями репрессий должны были стать преимущественно русские, а именно «харбинцы» (бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая), обвиненные в «японском» шпионаже. Эти особенности выделяют «харбинскую» карательную акцию в ряду других «национальных» операций и делают ее нестандартной.

Главная причина их проведения подавалась руководством страны как уничтожение пятой колонны в условиях надвигающейся войны, поэтому в список «предателей» были включены все те, кто имел любую «связь с границей». Целевыми категориями «национальных» операций стали военнопленные, политэмигранты, перебежчики, работники диппредставительств, белоэмигранты, этапированные в СССР, служащие иностранных предприятий. «Подозреваемыми» в шпионаже становились те, кто родился, учился, работал за границей, бывал в командировках или в гостях, поддерживал контакты с иностранными родственниками, друзьями или коллегами, общался с подданными других стран, находившимися в СССР, в том числе с дипломатами, послами, консулами, работал на иностранных предприятиях и т.д. Подобный вывод подтверждается анализом «альбомов» по «харбинской», «польской», «немецкой», «смешанным» и другим операциям. Критерием «преступности» в первую очередь выступала не этничность, а рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание любой связи с ней. Именно эту составляющую территориальные органы НКВД пытались отразить в «альбомных» справках, в противном случае «альбомы» возвращали на исследование.

«Национальные» операции не были этническими чистками. Еще раз этот тезис подтверждается шифртелеграммой начальника УНКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриева, который 21 марта 1938 г. докладывает заместителю народного комиссара внутренних дел М.И. Фриновскому о ходе карательных акций:

- по немецкой «линии» арестовано 4142 человека, из них 390 немцев;
- по польской — 4218 человек, из них 390 поляков;
- по «харбинской» — 1249 человек, из них 42 «харбинца»;
- по латвийской — 237 человек, из них 12 латышей;
- по румынской — 1 румын и 96 русских;
- по финской операции репрессировано 5 русских, 8 евреев и 2 прочих¹.

К весне 1938 г. «национальные» операции заняли главное место в репрессивной политике СССР, так как лимиты по «кулацкой» операции к этому времени многими регионами были выполнены. Теперь главный удар территориальные органы НКВД (УНКВД) нанесли по «неблагонадежным» группам, обозначенным в «линейных» приказах. На весну 1938 г. приходится пик их арестов. С этого времени действительно наметилась тенденция этнизации «национальных» операций, так как число репрессированных национальных меньшинств возрастает. Согласно отчету НКВД СССР, Особые тройки по «польской» операции осудили около 55 % поляков, «немецкой» — около 67 % немцев, «румынской» — около 12 % румын, «финской» — около 75 % финнов, «латышской» — около 64 % латышей, «эстонской» — около 81 % эстонцев, «греческой» — около 93 % греков, «иранской» — около 42 % иранцев, «афганской» — около 16 % афганцев². Даже к завершению Большого террора «национальные» карательные акции не стали этническими чистками. Треть (около 35 %) репрессированных осенью 1938 г. принадлежали к титульным нациям, это прежде всего русские, украинцы и белорусы.

В целом этничность, «связь с границей», социальный статус и «антисоветское» поведение увеличивали «шансы» подвергнуться репрессиям. К таким факторам относилось и место работы. Карательные акции в первую очередь прошли по государственным сферам, связанным с обороноспособностью страны: Красная армия, аппарат НКВД, оборонная, машиностроительная, угольная,

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 639.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 22.

нефтяная, химическая промышленность, черная и цветная металлургия, железнодорожный транспорт.

Репрессии по «национальным» операциям в каждой республике, области, каждом крае имели свою специфику и, как нам представляется, были непосредственно связаны с географическим положением региона. Особенно это отразилось на приграничных районах. Так, например, в УССР масштабные карательные акции были проведены по приказам № 00485, 00439, а также по «румынской» линии. По «польской» и «немецкой» операциям в Украинской ССР до сентября 1938 г. прошло около 50 и 74 % соответственно от общего числа осужденных по этим массовым операциям¹. По «румынской» операции около 83 % репрессированных было арестовано в УССР². «Греческая» карательная акция массово прошла в Краснодарском крае (41 %) и Донецкой области (31 %), «эстонская» и «финская» – в Ленинградской области (56 и 39 % соответственно). Репрессии по приказу № 226 прошли в Туркменской (12 %) и Таджикской (88 %) республиках. Массовая борьба с китайцами (80 %) велась на Дальнем Востоке.

Чистку усиливали кампании по выселению из СССР «неблагонадежных элементов». «Национальные» операции НКВД СССР сопровождались депортационными мероприятиями, особенно в приграничных районах, для форсированного очищения территорий. Так, «иранской» операции предшествовала высылка из Азербайджана «неблагонадежных элементов» из числа иранцев.. После депортации дальневосточных корейцев начались репрессии этой категории населения и т.д.

Таким образом, «национальным» операциям предшествовал долгий подготовительный этап, выражавшийся не только в реорганизации аппарата НКВД, но и в подготовке советского общества к массовым арестам. Единичные репрессии в отношении целевых категорий «национальных» операций имели место на протяжении 1920–1930-х годов, однако апогея они достигли в период Большого террора. Карательные репрессии против «неблагонадежных» групп

¹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 197. Л. 117.

² Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6.

были проведены «по линиям» практически всех стран «враждебного окружения», однако критерием «преступности» в первую очередь выступала не этничность, а рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание любой связи с ней. В список «предателей» были включены все те, кто имел любую «связь с границей». Поэтому операция по приказу № 00593 стоит в ряду «линейных» карательных акций, несмотря на то, что она была направлена в первую очередь против русских. Социальный статус репрессированных (статус перебежчиков, политэмигрантов, белоэмигрантов, «бывших» и т.д.) для чекистов выступал определяющим фактором чистки, а «связь с границей» выступала в качестве повода для репрессии. Главная причина «национальных» репрессий заключалась в уничтожении пятой колонны в условиях надвигающейся войны.

1.2 Механизм репрессий «харбинской» операции

Для изучения механизмов репрессий по приказу № 00593 следует проследить историю возникновения самого карательного решения и директивных документов, регламентирующих подготовку и проведение «харбинской» операции, вышедших как до начала акции, так и после нее. Рассмотрение алгоритма ее реализации следует начать с Политбюро ЦК ВКП(б), так как именно этот высший властный орган советского режима в составе первых лиц партии и государства – И.В. Сталина и В.М. Молотова – выступал инициатором массовых убийств и заключений в лагеря. Подготовка и реализация акции с начала до конца определялась множеством приказов, циркуляров, меморандумов, директив Политбюро и руководства НКВД. Эти указания, связанные с кампанией преследований, детально регламентировали все важные вопросы проведения массовых операций, в том числе «харбинской». Опубликованные протоколы заседания Политбюро 1930-х гг. показывают, насколько тщательно руководящий

орган ВКП(б) занимался вопросами террора¹. Помимо рассмотрения действий вертикали террора, проведение «харбинской» карательной акции следует анализировать на уровне республик, краев и областей, так как именно здесь проводились массовые аресты.

Проведению «национальных» карательных акций 1937–1938 гг. предшествовала долгая подготовительная работа. Одним из направлений такой подготовки стало постепенное введение оперативного учета всех въезжающих на территорию СССР. Кроме того, целевые категории «национальных» приказов подвергались единичным репрессиям на протяжении 1920–1930-х гг., однако в период Большого террора чистка приобрела тотальный характер.

Первые преследования в отношении реэмигрантов из Китая и бывших служащих КВЖД, вернувшихся в Советский Союз после советско-китайского конфликта, относятся к рубежу 1920–1930-х годов. С обострением внешнеполитической обстановки репрессии в отношении названных категорий возрастают. Оккупация Японией Северо-Восточного Китая вызвала в СССР волну шпиономании в отношении бывших работников КВЖД. Уже июньская ориентировка 1933 г. заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова, в которой говорилось о возможной войне с Японией, предписывала осуществлять оперативный учет всех лиц, прибывших из Маньчжурии (главным образом находившихся в Харбине и в аппарате КВЖД), обеспечив их соответствующим «агентурным освещением», за исключением членов ВКП(б), не вызывающих подозрений. Ориентировка выделяла контингенты, завербованные японской разведкой, которые теперь также должны были подвергаться учету. К ним относились (помимо служащих КВЖД и эмигрантов в Китае) японцы, корейцы, китайцы, буряты, монголы, татары, проживающие в ДВК, а также сотрудники консульств. Чекистам рекомендовалось выявлять существующие среди них контрреволюционные группировки и выяснять характер их связей с

¹ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2: 1930–1939. Каталог / отв. ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 874–1007.

японской разведкой в период пребывания за границей¹. Начиная с 1933 г. учет лиц, въезжающих в страну, становится тотальным. Подучетным населением становились перебежчики, реэмигранты, политэмигранты, работники иностранных концессий, военнопленные и др.

С 1934 г. по лето 1937 г. Особый отдел ГУГБ НКВД направлял в республиканские НКВД, областные и краевые УНКВД ориентировки о ликвидации в Москве «диверсионно-террористических и разведывательных организаций» японской разведки, состоящих преимущественно из реэмигрантов из Китая. В оперативных документах приводились примеры подготовки шпионов и диверсантов, иллюстрировалась их провокаторская деятельность на территории СССР². Назывались различные молодежные организации («Христианский союз молодых людей», «Черное Кольцо», «Союз Мушкетеров» и др.), учебные курсы и школы (автотракторная школа «Интернационал»), в которых, по мнению НКВД, готовились диверсанты, террористы, разведчики для последующей их переброски в СССР³. Военная промышленность, транспорт, гражданская и военная авиация, ряды Красной армии были определены ориентировками как основные места проникновения «шпионов»⁴. Именно здесь чекисты ликвидировали «диверсионные группы». Кроме Москвы и Московской области «японских» шпионов арестовывали на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири⁵. Ориентировки сопровождались протоколами допросов и/или обвинительными заключениями по «раскрытым» делам. Таким образом, «харбинцы» подвергались арестам и обвинениям в «японском» шпионаже еще задолго до начала массовых репрессий. Похожие ориентировки приходили из Москвы по «польским», «немецким» и другим «линиям». Присланные документы служили пособием при ведении следствия, а также вестником предстоящих репрессий против обозначенных целевых категорий.

¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1–21.

² ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 144. Л. 1.

³ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 273. Л. 2.

⁴ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 1088. Л. 1.

⁵ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 99. Л. 18

В феврале 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьев утвердил циркулярное письмо, предписывающее всем начальникам экономических отделов НКВД (УНКВД) произвести полный и тщательный учет всех кадров, могущих быть использованными в «разрушительных целях» японской разведки в народном хозяйстве. При этом по сравнению с директивой 1933 г. подучетный контингент расширялся. Теперь к «японским» шпионам (помимо бывших сотрудников КВЖД и лиц, проживавших на оккупированной японцами территории) отнесли ездивших в Японию или Маньчжурию.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 сентября 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов выступил с проектом закрытого письма № 60268 «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев», в котором сообщалось о направлениях и масштабах «японской разведки» на территории Советского Союза, и предложил к утверждению проект приказа НКВД СССР № 00593. Закрытое письмо являлось обоснованием начала массовой карательной акции против «харбинцев», а приказ – инструментом ее проведения¹.

Содержание письма коррелировалось с сюжетом статьи «Подрывная работа японской разведки», помещенной в газете «Правда» 9–10 июля 1937 г. В письме характеризовалась «террористическая, диверсионная и шпионская деятельность японской разведки», якобы осуществлявшаяся бывшими служащими КВЖД и реэмигрантами из Китая, корейцами, китайцами и монголами на территории СССР; приводились «приемы вербовки», «каналы переброски» и примеры конкретной «подрывной» деятельности. Однако в отличие от письма, в котором «японскими шпионами» были названы в первую очередь бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая, статья в ряды «разведчиков и диверсантов» ставила корейцев и китайцев, а также определяла Монголию, наряду с Китаем, местом дислокации «шпионов», откуда совершалась их переброска на территорию СССР. Публикация вышла в свет без указания автора. Но согласно

¹ См. текст закрытого письма и приказа № 00593 в Приложении А.

записке Н.И. Ежова И.В. Сталину от 5 июля 1937 г. статья была написана сотрудником особого бюро НКВД СССР. Данное письмо подтверждает, что лидер государства ознакомился с текстом статьи и дал согласие на ее печать.

Оперативные документы по «харбинской» карательной акции были разосланы 20 сентября 1937 г. всем начальникам республиканских НКВД, областных и краевых УНКВД. К операции по ликвидации «диверсионно-шпионских и террористических кадров «харбинцев» на транспорте и в промышленности» следовало приступить 1 октября 1937 г. В ходе карательной акции рекомендовано было подвергать арестам: 1) избличенных и подозреваемых в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности; 2) резмигрантов и белогвардейцев; 3) бывших членов антисоветских политических партий, участников троцкистских и правых формирований; 4) участников фашистских организаций; 5) служивших в китайской полиции и войсках; 6) работающих в иностранных фирмах, прежде всего японских; 7) окончивших в Харбине курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»; 8) владельцев и совладельцев различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.); 9) нелегально въехавших в СССР, а также принимавших китайское подданство; 10) бывших контрабандистов, уголовников, торговцев опиумом, морфием; 11) участников контрреволюционных сектантских группировок¹. Как видим, среди перечисленных целевых категорий приказа № 00593 нет упоминаний о национальных меньшинствах.

В первую очередь надлежало провести аресты в аппарате НКВД, в рядах Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах других заводов, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности, во вторую очередь – арестовать всех остальных «харбинцев», работающих в советских учреждениях, совхозах и колхозах. Приказ № 00593 предписывал форсировать проведение репрессий против бывших служащих КВЖД и эмигрантов из Китая. К

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 гг. М., 2004. С. 366–368.

25 декабря 1937 г. карательную акцию необходимо было завершить. Арестованных «харбинцев» рекомендовалось разбить на две категории. К первой относились изобличенные в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежали расстрелу. Ко второй — все остальные, менее активные «харбинцы», которые подлежали заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет¹. На каком основании относить арестованных к первой или второй категории, приказ не разъяснял, но предписывал выносить приговор после завершения форсированного следствия наркомам республик, начальникам УНКВД областей или краев, начальникам ДТО ГУГБ НКВД совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги. В целом приказ № 00593 состоял из двух частей. В первой освещено состояние учетно-оперативной работы по «харбинцам» и названы целевые категории, попадавшие под репрессии, а вторая дублирует «польский» приказ с перечислением мер по борьбе со «шпионажем» и инструкций по ведению следствия.

Вместе с приказом 20 сентября 1937 г. в регионы была выслана сопроводительная записка. Только для «польского» и «харбинского» приказа ведомством были подготовлены обширные сопроводительные письма: «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» и «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев».

Закрытое письмо и приказ № 00593 от 20 сентября 1937 г. — единый оперативный документ НКВД СССР. Бумаги по «харбинской» операции, получившие высшую партийную санкцию, разосланные 20 сентября 1937 г. по республикам, областям и краям Советского Союза, были завизированы не только Ежовым, но и секретарем третьего отдела Главного управления государственной безопасности НКВД Поляковым. Отметим, что «польские» материалы были подписаны, помимо Ежова, оперсекретарем ГУГБ НКВД СССР Ульмером.

¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 32–35.

«Польской» операцией занимался весь аппарат ГУГБ, а «харбинской» – лишь его третий отдел, специализирующийся на противодействии спецслужбам восточных стран. Уже это показывает, что первоначально «харбинской» операции отводилась только второстепенная роль.

Нельзя не обратить внимания на схожесть «польского» и «харбинского» письма. В вводной части приводилась история «возникновения» диверсионно-шпионской сети польской и японской разведок соответственно, затем перечислялись целевые категории «завербованных» для реализации агентурных заданий, далее подробно расписывалась террористическая, диверсионная и шпионская деятельность иностранных агентур, приводились типичные «приемы вербовки» и «каналы переброски» в СССР, примеры «подрывной деятельности». Кроме того, в письмах указывались не только отрасли промышленности, где рекомендовалось провести аресты в первую очередь, но и регионы Советского Союза, в которых работа иностранных разведок, по мнению центрального аппарата НКВД, велась особенно активно. Согласно закрытым письмам, «польские шпионы» разместились в Белорусской и Украинской ССР, а «японские» – на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и Московской области. Особое внимание уделялось сетевому принципу организации иностранных разведок. Логика центрального аппарата НКВД сводилась к тому, что деятельность «шпионов» направлялась иностранными организациями, главные штабы которых находились в Польше или Китае, а многочисленные подразделения, работающие под руководством таких штабов, «возникали» в промышленности и сельском хозяйстве страны. Разница была в том, что «польская разведывательная деятельность» осуществлялась только Польской военной организацией вместе со Вторым (разведывательным) отделом Польского генштаба, а «японская» – японской дипмиссией, полицией и некоторыми русскими эмигрантскими организациями, находящимися на территории марионеточного государства Маньчжоу-Го¹.

¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 85–119.

Необходимость одновременного издания приказа и закрытого письма была продиктована особенностями «польской» и «харбинской» операций. Изданный 30 июля 1937 г. приказ № 00447 вышел без сопроводительного письма, так как ему предшествовала подготовка по учету подлежащих аресту контингентов, в результате чего целевые группы «кулацкой» операции были не новы для сотрудников НКВД. Категории, подлежавшие репрессиям по первым «линейным» карательным акциям, оказывались не очевидны для чекистов. Поэтому центральному аппарату НКВД необходимо было обосновать для территориальных органов необходимость массовых арестов «неблагонадежных» групп «национальных» операций, обозначив технологию выделения целевых категорий данных специфических карательных акций.

Пять глав письма выстроены в хронологическом порядке: от появления российских эмигрантов в Китае в начале 1920-х годов до продажи КВЖД в 1935 г. Логика чекистов сводилась к тому, что в течение 15 лет Япония на территории Китая осуществляла кампанию по массовой вербовке, подготовке и переброске в СССР японских «шпионов» из числа русских. Важнейшее место в письме отводится белоэмигрантским организациям, которые, по мнению чекистов, были созданы для обучения «агентурной деятельности» враждебно настроенных по отношению к советской власти русских, а также дается подробная инструкция, основанная на характеристике уже раскрытых дел. Таким образом, письмо для региональных органов НКВД служило пособием при ведении следствия, поскольку в нем были указаны эмигрантские организации в Китае, о которых региональные, областные и краевые чекисты могли и не знать, а также даны примеры составления групповых и индивидуальных дел на арестованных по приказу № 00593. Кроме того «харбинское» письмо являлось трафаретом при составлении протоколов допросов: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов, встречающиеся в разных регионах Советского Союза, однотипны. При этом сам допрос строился по сценарию заданному структурой письма. На первом этапе следователь выяснял время и причины прибытия в СССР. Затем арестованный неизбежно указывал на

эмигрантские центры и организации, членом которых он являлся в период пребывания в Китае, раскрывал обстоятельства «вербовки» и переезда в СССР, называл список лиц, вовлеченных в «агентурную деятельность», а в конце допроса описывал свою подрывную работу на территории Советского Союза (поджоги мостов, вредительство в сельском хозяйстве, порча железнодорожного полотна и т.д.). Таким образом, условно протокол допроса состоял из пяти частей, которые даже по объему совпадали с закрытым письмом: меньше всего места отводилось вопросам о методах вербовки агентуры, больше – подрывной работе.

Приказ № 00593 обязывал руководителей УНКВД каждые пять дней отправлять отчет о проведении операции в НКВД СССР. На основе этих телеграмм в восьмом отделе ГУГБ НКВД СССР готовились сводные доклады. В дополнение к статистическим показателям Москва требовала от руководителей местных управлений НКВД предоставлять сведения о «политических настроениях населения», об отношении населения к операции. Н.И. Ежов также требовал направлять ему информацию о количестве выявленных «контрреволюционных групп» и изъятого у них оружия.

Сами сотрудники НКВД относили «харбинскую» операцию к числу «национальных», исходя из того, что поводом для преследований выступало обвинение в «связи с границей». Массовые аресты по «харбинской» операции начались 1 октября 1937 г. и проводились на основании имеющихся учетных справок, которые наряду с постановлением и ордером на арест подписывались не только начальниками отделений и отделов Управлений государственной безопасности (УГБ) УНКВД, но и прокурором. Задержания осуществлялись на основании постановлений и ордеров на арест, подписанных, как правило, начальниками отделений и отделов УГБ УНКВД. Функции прокуратуры ограничивались визированием постановлений на массовые аресты. На следствие отводилось не более месяца, после чего составлялось обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения. Роль прокуратуры в реализации «национальных» операций была сведена к минимуму, а полномочия НКВД были неограниченными.

Дела на «харбинцев» сотрудники НКВД заводи́ли еще летом 1937 г., т.е. до принятия приказа № 00593¹. Поэтому уже две недели спустя после начала операции в Москву поступили первые списки арестованных, обвиняемых в «японском» шпионаже, а первый протокол Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписала в конце сентября 1937 г.²

Помимо следователя, обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения и определялась инстанция (судебная или внесудебная), которая будет выносить окончательный приговор, подписывали начальники отделений и отделов. После этого предлагаемую меру наказания утверждал начальник НКВД (УНКВД). На основании следственных материалов составлялись краткие справки на каждого арестованного с указанием биографических данных и сведений, характеризующих степень «виновности». Справки с предъявленным обвинением сшивались в «альбом», отдельно по «польской», «немецкой», «харбинской» и другим операциям. «Альбом» сопровождался списком указанных в нем лиц с отнесением к первой или второй категории. Каждая «альбомная» справка была подписана начальником НКВД (УНКВД) и прокурором (своеобразная территориальная «двойка»). После этого документы отправляли в Москву для утверждения приговоров Комиссией НКВД и Прокурора СССР. Такой порядок осуждения получил название «альбомного». Согласно приказу № 00593 НКВД СССР, «альбомы» должны были составляться и направляться в центральный аппарат еженедельно, однако на деле это требование не выполнялось.

Следуя директивным инструкциям, в первую очередь закрытому письму № 60268 от 20 сентября 1937 г., карательные органы выявляли «шпионов», «диверсантов», «террористов», «участников контрреволюционных фашистских формирований» и прочих «контрреволюционный элемент». Так, согласно докладной записке начальника УНКВД УССР по Днепропетровской области от 3 января 1938 г., за первые полгода проведения операции аресту подверглись 200 выходцев из Харбина. Как «завербованные» Японией прошли 165 чел., среди

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5858, 4950.

² Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828.

которых: «шпионов» – 65, «диверсантов» – 34, «террористов» – 27, «участников контрреволюционных фашистских формирований» – 19 и прочих «контрреволюционеров» – 20, остальным инкриминировали троцкизм¹. Такого рода перечень обвинений воспроизводился и в других республиках, областях и краях страны².

Как нам представляется, в репрессиях по «кулацкой» операции, серии «национальных» операций и чисток советской элиты не было четких границ в определении целевых категорий, что давало возможность проводить дополнительные аресты и осуждения. Автором установлено, что «харбинцы» как бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая прошли не только по приказу № 00593, но и по другим массовым операциям, в том числе по «кулацкой» карательной акции и в рамках чисток советской элиты. Региональные сотрудники НКВД имели широкие полномочия в проведении репрессий. Помимо отнесения арестованных к одной из массовых операций сотрудники НКВД определяли инстанцию (судебная или внесудебная), которая будет выносить окончательный приговор. Это давало местным чекистам широкие полномочия в увеличении количества репрессированных, так как «кулацкая» и «национальные» акции, а также чистки советской элиты шли параллельно друг другу. При этом Москва не давала четких инструкций по распределению контингента между судебными и внесудебными инстанциями. Несомненно, центральный аппарат НКВД контролировал региональные органы в вопросе распределения репрессированных контингентов по массовым операциям и, соответственно, по карательным инстанциям, так как списки арестованных, подлежащие рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР и «двойкой», направлялись на утверждение в центральный аппарат НКВД. Комиссия НКВД и Прокурора СССР не всегда утверждала предложенную региональными карательными органами меру наказания, в некоторых случаях «двойка» предписывала передать дело на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, Военного трибунала

¹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 284. Л. 83.

² Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 191.

или суда, изменить расстрел на лагерное заключение. Похожая ситуация сложилась и со списками репрессированной советской элиты. В исключительных моментах дела передавались на рассмотрение в «альбомном» порядке, т.е. в компетенцию «двойки»¹.

Несмотря на широкие права региональных органов НКВД, Москва несколькими способами осуществляла контроль за действиями местных чекистов. Первый способ заключался в информировании центрального аппарата о ходе операций каждые пять дней. В таких шифртелеграммах территориальные карательные органы сообщали общую численность арестованных с начала проведения операции, количество задержанных за пять дней и т.д. Докладные записки, подготовленные региональными органами НКВД для центрального аппарата, стали еще одним способом контроля. В таких документах подробно сообщалось о ходе карательной акции, а именно: о количестве арестованных, раскрытых групповых делах, прилагались протоколы допросов, а также справки на лиц, выявленных в ходе допроса обвиняемого в «японском шпионаже», и т.д. Записки направлялись в столицу до нескольких раз в неделю. «Альбомные» списки, направляемые в НКВД СССР, также служили для проверки. Кроме того, в январе, апреле, июне, ноябре по требованию Москвы были подготовлены сводные отчеты об итогах массовых операций 1937–1938 гг.

На начальном этапе Большого террора, основываясь на приказе № 00593 и закрытом письме о деятельности «харбинцев», которые указывали на будто бы существующую в стране разветвленную диверсионную сеть японских шпионов, сотрудники НКВД строили дела не индивидуальные, а групповые, искусственно создавая шпионские, диверсионные и контрреволюционные организации. Все «подразделения» были связаны между собой, не случайно протоколы допросов «харбинцев» отсылают оперативных сотрудников НКВД к руководителям подразделений, а те в свою очередь «раскрывают» весь состав организации. Рассекречивание и уничтожение одной организации необратимо вело к раскрытию другой. Как правило, такие «подразделения» могли включать в себя

¹ Архив МВД Грузии. Ф. 12. Д. 88.

до нескольких десятков человек. Так, на промышленных предприятиях Барнаула зимой 1938 г. была рассекречена террористическая организация из 80 чел. во главе с бывшим торговцем П.В. Свицерским¹. На основании его «признательного заключения» к весне 1938 г. в промышленности города была вскрыта и уничтожена еще одна контрреволюционная повстанческо-диверсионная группа во главе с «харбинцем»². Согласно ряду докладных записок, например, на Южной железной дороге сотрудниками ДТО ГУГБ были «вскрыты» группы «Восток» и «Самурай», в Киевской области – «Мурашка», «Семья», «Азиаты» и т.д.³ В Красноярском крае было вскрыто и ликвидировано 26 «шпионо-диверсионных» организаций и т.д. Однако в январе 1938 г., с началом нового витка репрессий, фальсификация крупномасштабных дел была завершена. Объяснить это можно тем, что Москва требовала от региональных чекистов оперативной работы, которая должна была выражаться в ускоренном проведении следствия и в увеличении числа репрессируемых. Каждые пять дней начальники управлений НКВД отчитывались перед центральным аппаратом о ходе массовых операций. В таких отчетах главным показателем «работы» являлось количество раскрытых и ликвидируемых организаций.

Уже в 1939 г. под руководством нового наркома внутренних дел Л.П. Берии началась проверка деятельности органов НКВД за период Большого террора. Материалы проверки вскрывали неприглядную картину массовых фальсификаций работников НКВД. Факты фальсификации подтверждаются заявлениями о пересмотре дел, которые были направлены в Прокуратуру СССР в 1939–1941 гг. осужденными на заключение в ИТЛ или родственниками расстрелянных. Из заявлений следует, что имели место подтасовка фактов, привлечение к делу лжесвидетелей. Как правило, сотрудник УНКВД составлял протоколы допросов по заданному начальством трафарету: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов однотипны.

¹ ОСД ГААК. Ф. Р.-2. Оп. 7. Д. 5112. Т. 1–12.

² ОСД ГААК. Ф. Р.-2. Оп. 7. Д. 4294.

³ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 284. Л. 1–25.

Таким образом, в целевые категории «национальных» операций были включены все те, кто имел любую «связь с границей». Поэтому «харбинская» карательная акция является одной из «национальных» операций Большого террора: поводом для репрессий по приказу № 00593 выступала «связь с японским государством». «Харбинцы» как бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая стали целевыми категориями всех массовых операций Большого террора. Однако принцип отнесения их карательными органами к той или другой операции не до конца понятен. Включение «харбинцев» в массовые операции 1937–1938 гг. способствовало росту репрессий в отношении целевых категорий, обозначенных в приказе № 00593. «Харбинской» карательной акции, так же как и остальным массовым кампаниям, предшествовал долгий предоперационный период, заключавшийся в подготовке территориальных органов НКВД к предстоящей репрессии. Уже зимой 1937 г. борьба с «японскими» шпионами была обозначена Политбюро ЦК ВКП(б) как одно из главных направлений карательной политики. Приказ № 00593 вышел совместно с закрытым письмом, что стало одной из особенностей «харбинской» операции. В целом механизм репрессий от ареста до вынесения приговора не отличался от других «национальных» операций. Однако выбор целевых категорий приказа № 00593, а именно бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая, предопределил нестандартность «харбинской» операции. Но нетипичность проведения карательной акции проявилась не на уровне центра, а на уровне регионов, так как у территориальных органов НКВД были разные представления о «неблагонадежных» группах населения, проходящих по учетам как «японские» шпионы. Во многом этому способствовал подготовительный этап репрессии, когда в число «агентов японской разведки», помимо бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, были включены представители «национальных» меньшинств и другие «социально опасные» категории населения.

1.3 Внесудебность и ее роль в репрессии

Главную роль в организации массовых репрессий 1937–1938 гг. сыграли внесудебные инстанции. Их деятельность предполагала упрощенное и ускоренное рассмотрение дел, благодаря чему репрессии 1937–1938 гг. стали массовыми. В период Большого террора функционировали «кулацкие» тройки, Комиссия НКВД и Прокурора СССР, Особое совещание при НКВД СССР, Особые тройки. Часть карательных полномочий получила Военная коллегия Верховного суда СССР – судебный орган, который рассматривал дела в отношении советской элиты.

Внесудебные полномочия органы ВЧК получили еще в начале 1918 г. на основе декрета СНК РСФСР от 21 февраля «Социалистическое отечество в опасности»¹. Для вынесения приговоров была создана особая внесудебная инстанция – тройка, в состав которой входили председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский и его заместители В.А. Александрович и Я.Х. Петерс. После завершения Гражданской войны тройки продолжали свою деятельность, но масштабы их работы сократились. Приказ наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» не только реанимировал тройку, но и утверждал ее персональный состав для 68 регионов СССР. В состав внесудебной инстанции входили начальник НКВД (УНКВД), прокурор (республики, края, области) и секретарь партийной организации (республик, краев и областей). Такая комиссия рассматривала оперативные материалы в отдельности на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую семью, подлежащую выселению. Приговоры, согласно приказу № 00447, следовало выносить персонально, относя арестованных лиц к первой (расстрел) или второй (заключение в лагерь) категориям. На заседании тройки присутствовал секретарь, который вел протокол, и представители органа, проводившего следственные мероприятия, которые кратко сообщали суть

¹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 95–96.

обвинения и предлагали меру наказания – расстрел или лагерное заключение. На основании таких докладов члены тройки выносили окончательный приговор, т.е. по факту решение о наказании выбирал следователь, ведущий дело, а в функции комиссии входило только его утверждение. На заседании внесудебной инстанции обвиняемый не присутствовал. Приговоренному к высшей мере наказания не сообщали окончательного репрессивного решения, это было запрещено¹. За одно заседание тройка выносила решения сотням «бывших» и «социально чуждых».

В период Большого террора органы НКВД (УНКВД) были наделены широкими полномочиями в проведении массовых репрессий, поэтому всякая коллегиальность при вынесении окончательного решения тройкой была ликвидирована. Сотрудники НКВД самостоятельно относили арестованных к первой или второй категории наказания, а начальник НКВД (УНКВД) на заседании комиссии только утверждал приговор. Функции прокуроров и секретарей партийных организаций республик, краев и областей сводились к слепому визированию протоколов. Правом вносить предложения по изменению приговоров они не обладали. Однако их присутствие придавало массовым арестам политический характер, а также позволяло разделить ответственность за развязывание Большого террора между всеми его участниками². Кроме того, участие прокуратуры – «блюстителя советской законности» и секретаря как представителя партийной власти в репрессиях июля 1937 г. – ноября 1938 г. узаконивало аресты и осуждения.

Приговоры репрессированным в рамках «национальных» операций утверждались в Москве Комиссией НКВД и Прокурора СССР («двойка»), созданной приказом НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. Отнесение обвиняемых к первой или второй категории производилось наркомами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных УНКВД совместно с прокурорами соответствующих регионов. По факту, так же как в случае с тройкой, репрессивный приговор выносил следователь, чье решение

¹ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. 352 с.

² Папков С.А. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128–154.

подписывали начальники отделений и отделов. После этого сотрудниками НКВД составлялись «альбомные» справки, каждую из которых подписывал начальник НКВД (УНКВД) и прокурор. Коллегиальности в принятии решений на этом уровне не было.

«Альбомы» по «харбинской» операции оформлялись в четырех экземплярах и направлялись наркому внутренних дел НКВД Н.И. Ежову, замнаркому НКВД М.П. Фриновскому, начальникам третьего и восьмого отделов ГУГБ НКВД СССР А.К. Минаеву-Цикановскому (до марта 1938 г.) и В.Е. Цесарскому (до августа 1938 г.) соответственно.

Н.И. Ежов на основании поступивших с мест списков подготавливал отчеты для И.В. Сталина о ходе «национальных» операций. А.К. Минаеву «альбомы» приходили как начальнику третьего отдела ГУГБ НКВД СССР, который непосредственно руководил «харбинской» операцией. В.И. Цесарскому справки на арестованных поступали как главе учетно-регистрационного отдела для формирования статистики осужденных по «национальным» операциям. Кроме того, отдел В.И. Цесарского отправлял протоколы с утвержденными приговорами и сопроводительными записками в регионы.

Комиссия по предварительному рассмотрению дел, следствие по которым было окончено, во главе с М.П. Фриновским рассматривала полученные «альбомы», соглашаясь с вынесенными регионами решениями или предлагая другие меры наказания¹. Согласно приказам № 00485 и 00593 регионы имели право относить арестованных только к первой (ВМН) или второй (ИТЛ) категории. Центральный аппарат НКВД СССР не всегда утверждал предложенные территориальными органами приговоры. Часто Москва предписывала передавать дела на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, судов, военных трибуналов. В некоторых случаях Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговаривала к ссылке внутри Советского Союза или выселению из страны, к гласному надзору суда, меняла расстрельные наказания в пользу лагерей. Таким набором наказаний, применяемых в отношении

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-41507. Т. 1. Л. 143.

арестованных, обладал исключительно центральный аппарат НКВД. Вероятно, именно комиссия под председательством М.П. Фриновского разбирала справки с мест на предмет утверждения или изменения приговора.

После рассмотрения «альбомов» комиссией М.П. Фриновского списки поступали в третий и восьмой отделы ГУГБ НКВД СССР, где формировались протоколы. В них обязательно указывался номер оперативного приказа, по которому осуждались арестованные. Нумерация протоколов велась в рамках операции по каждому оперативному приказу в цифровой последовательности. По «харбинской» карательной акции всего 590 протоколов, с № 1 по № 590 (см. все протоколы в Приложении Б). Сами протоколы подписывались наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским, иногда их заместителями. К протоколам прилагалась краткая справка-инструкция, завизированная начальником восьмого отдела ГУГБ НКВД. В этом документе работники центрального аппарата указывали ошибки, допущенные при составлении «альбомов» региональными чекистами, такие как неверное написание имен арестованных или повторное включение в списки лиц, ранее уже осужденных. Этот факт свидетельствует о том, что работа аппарата НКВД СССР не была механической, сотрудники (не начальники) просматривали и выявляли ошибки, пытаясь не допустить повторного включения уже осужденного в новые протоколы. Сопроводительная записка рекомендовала местным органам НКВД приводить расстрельные приговоры в исполнение немедленно. Для осужденных на заключение в исправительно-трудовые лагеря из Москвы в регионы отправляли выписки из решений Особого совещания при НКВД СССР.

Особое совещание при НКВД СССР дополняло систему внесудебной расправы, но в отличие от троек и «двойки» являлось постоянно действующим органом (до 1953 г.). В состав еще одного внесудебного органа входили замнарком внутренних дел, который являлся председателем Особого совещания, заместитель прокурора и начальник восьмого отдела ГУГБ НКВД СССР – по совместительству ответственный секретарь ОСО. В период Большого террора Особое совещание в первую очередь рассматривало дела на арестованных в

рамках приказов № 00486 («Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»), № 00693 («О перебежчиках») и др. Однако еще одной функцией ОСО стало оформление выписок на приговоренных по «национальным» операциям к лагерному заключению, ссылке или выселению из страны. Выносить репрессивные решения в отношении лиц, арестованных в рамках «национальных» операций, ОСО не имело право. «Альбомные» справки на лиц, уже приговоренных к заключению, передавали секретарю Особого совещания при НКВД СССР К.С. Гришнят. На основании таких справок составлялось дополнение к основному протоколу ОСО без разделения на «национальные» операции. Такие дополнения могли быть составлены на несколько десятков тысяч человек¹.

Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР отправляли в регионы сразу после их подписания. Выписки ОСО для ознакомления с ними осужденных отправлялись значительно позже. Поэтому в период Большого террора Особое совещание не выполняло карательной функции в отношении арестованных по «национальным» операциям.

В регионах после получения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР сотрудники разбирали их по районным, областным и другим НКВД. После «сортировки» из республиканских, краевых и областных центров начальники региональных управлений НКВД направляли списки осужденных с указанием мер наказания, подписанные соответствующим начальником НКВД (УНКВД), в области или районы. В свою очередь, облуправления НКВД обязывались после исполнения приговоров выслать в восьмой отдел УГБ НКВД СССР акты о приведении в исполнение приговоров о смертной казни, после чего дела на расстрелянных и расстрельные акты высылались в Москву.

Несколько иная схема существовала для ДТО (дорожно-транспортного отдела) ГУГБ НКВД СССР. В «альбомах», а затем и в протоколах указывалось, что список арестованных предоставлен ДТО ГУГБ НКВД, поэтому из Москвы на места отправляли копии рассмотренных протоколов для начальников ДТО и

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 2822–3333.

начальников УНКВД. Но дорожно-транспортные отделы приводили приговор в исполнение только после получения разрешения у начальника УНКВД соответствующего региона. Сложная система отчетности помогала осуществлять функции контроля центрального аппарата НКВД над местными. Данная схема осуждения была выстроена с целью быстрого и упрощенного рассмотрения дел. В целом до весны 1938 г. массовые репрессии представляли гармоничный механизм конвейерного уничтожения сотен тысяч людей. За каждым сотрудником НКВД (УНКВД) были закреплены определенные обязанности и полномочия.

Территориальные карательные органы направляли «альбомы» в Москву еженедельно и даже чаще. В первые недели реализации «харбинского» приказа «двойка» выносила решение в течение двух-трех дней, но постепенно этот срок увеличивался и к весне 1937 г. составлял уже до трех недель. За день центральный аппарат НКВД составлял списки, завизированные наркомом внутренних дел и прокурором СССР, более чем на 2 тыс. чел.¹ Даже при таких темпах работы Комиссия НКВД и Прокурора СССР не справлялась с рассмотрением дел, приходящих из всех республик, областей и краев страны. К лету 1938 г. в центральном аппарате НКВД скопилось более 100 тыс. нерассмотренных справок по «национальным» операциям². Объясняется это тем, что масштаб репрессий по «линейным» карательным акциям оказался больше предполагаемого. Если осенью 1937 г. репрессии проводились в рамках 6 «национальных» операций, то уже к февралю 1938 г. их число достигло 11. Еще одной причиной промедления стали репрессии в отношении сотрудников НКВД СССР. В марте 1938 г. с должности начальника третьего отдела ГУГБ НКВД СССР был снят А.М. Минаев-Цикановский, потерял свой пост начальник восьмого отдела ГУГБ НКВД СССР В.Е. Цесарский, в сентябре 1938 г. – заместитель наркома внутренних дел М.П. Фриновский, с лета 1938 г. даже позиции наркома внутренних дел Н.И. Ежова начинают ослабевать и т.д.

¹ Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. 480 с.

² Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиума ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55752> (дата обращения: 04.12.2017).

С весны 1938 г. к рассмотрению дел стали подключать рядовых начальников отделов. Оперативные сотрудники не успевали заполнять анкеты арестованных, поэтому к репрессивной работе были привлечены сотрудники вспомогательных аппаратов. Также были мобилизованы многие члены партии из других ведомств¹. Они участвовали в арестах, заполняли сопутствующую документацию и анкеты, дежурили у арестованных, поставленных в «стойку», принимали участие в избиениях. Региональные НКВД (УНКВД) тоже были перегружены работой, особенно городские и районные аппараты. Весной–летом 1938 г. в регионах СССР практически завершилась «кулацкая» операция, так как спущенные сверху лимиты были выполнены. Тройка Новосибирской области фактически приостановила свои заседания, рассмотрев дела на всех арестованных по приказу № 00447², в Красноярском крае последний протокол датируется 15 июня 1938 г.³ С этого времени основные репрессии обрушились на «националов».

Комиссия НКВД и Прокурора СССР «захлебнулась» в массовых репрессиях 1937–1938 гг. Многие сотрудники были дискредитированы начатыми арестами чекистов – организаторов чисток, многие уже находились в местах лишения свободы. С мест сыпались жалобы на перегруженность тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговоренных к расстрелу заключенных и т.п.⁴ В Москву приезжали сотрудники региональных НКВД для того, чтобы быстрее забрать утвержденные «альбомы».

В середине сентября 1938 г., согласно приказу № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.», карательные полномочия по «национальным» операциям были переданы на места в компетенцию вновь образованных внесудебных инстанций – Особых троек. Примечательно, что вновь созданный орган повторял состав «кулацкой» тройки, однако представлен он был уже другими лицами, так

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-41507. Т. 1. Л. 150.

² Папков С.А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128–154.

³ База данных на репрессированных в Красноярском крае.

⁴ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

как бывшие члены, выносившие приговоры по приказу № 00447, к осени 1938 г. (перед передачей карательных полномочий) были репрессированы. Так, например, в Красноярском крае А.П. Алексеенко сменил на посту начальника УНКВД по Красноярскому краю Ф.А. Леонюка, С.П. Калниш – крайпрокурора Э.С. Любошевского, П.Х. Кулаков – первого секретаря крайкома ВКП(б) С.М. Соболева. Такая тенденция сохранялась во многих регионах СССР. Было и еще одно отличие: персональный состав Особых троек не утверждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), как это было с тройками по приказу № 00447.

Согласно приказу НКВД СССР № 00606, внесудебная инстанция рассматривала дела в отношении лиц, арестованных до 1 августа 1938 г. Дела задержанных после этой даты «национальных контрреволюционных контингентов» рекомендовалось направлять для рассмотрения в судебные органы (военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную коллегия Верховного Суда), а также на Особое совещание НКВД СССР. Кроме того, полномочия Особых троек уже ограничивались: так, они не имели права рассматривать дела на иностранных подданных. Приказ № 00606 не упразднял Комиссию НКВД и Прокурора СССР, свою работу «двойка» продолжала до середины ноября 1938 г. С середины сентября 1938 г. по середину ноября 1938 г. она рассматривала региональные запросы об изменении ранее утвержденных мер наказания. Новые решения протоколировались и подписывались наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским.

Репрессивные функции Особой тройки были заметно уже, чем у Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Они могли приговаривать к расстрелу или лагерному заключению, а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых из-под стражи¹. Принимать решения о депортации за пределы страны эта внесудебная инстанция не имела права.

Начали свою работу Особые тройки в начале октября. Количество нерассмотренных «альбомов», вернувшихся из Москвы, определяло

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 549.

интенсивность работы региональных внесудебных органов. Так, в Армянскую ССР было отправлено 319 справок¹, в Грузинскую ССР – 456², что предопределило завершение работы Особых троек здесь в октябре 1938 г. В другие регионы было возвращено до нескольких тысяч списков. В Ленинградскую область – около 8 тыс.³, в Новосибирскую — около 4 тыс.⁴, в Алтайский край – около 2 тыс.⁵, поэтому «альбомы» здесь разбирали до середины ноября 1938 г.

Деятельность Комиссии НКВД и Прокурора СССР, Особых троек была приостановлена 15 ноября 1938 г. Одновременно строго запрещалось приводить в исполнение все не исполненные к этому дню расстрельные приговоры. Но, несмотря на приказ о запрете расстрелов, так называемые зачистки продолжались до декабря 1938 г.⁶ 17 ноября 1938 г. совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанное И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, объявило о прекращении всех массовых операций⁷, а последовавший за ним приказ НКВД № 00762 от 26 ноября 1938 г., подписанный уже новым наркомом внутренних дел Л. Берией, отменил все оперативные приказы и директивы 1937–1938 гг.⁸ Народный комиссар внутренних дел признал допущенные ошибки и обещал вернуться к советской законности. Данный приказ отменял не менее 18 вышедших между июлем 1937 г. и сентябрем 1938 г. приказов, циркуляров и распоряжений НКВД, в которых регламентировались карательные акции против определенных целевых групп и методы их осуществления. Ликвидации подверглись внесудебные инстанции периода Большого террора, за исключением Особого совещания при НКВД СССР. Каждый из этих «подзаконных актов» был утвержден решением Политбюро ЦК ВКП(б).

¹ НАРА. Ф. 1191. Оп. 19. Д. 50. Л. 1–135.

² Архив МВД Грузии. Ф. 6. Д. 38443.

³ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

⁴ Протоколы Особой тройки по «национальным» операциям // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.

⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 355–382.

⁶ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 386–387.

⁷ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 115–116.

⁸ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 152–154.

Согласно приказу № 00762, дела лиц, которым не были объявлены решения Особой тройки до 17 ноября 1938 г., передавались по подсудности. Так, в Новосибирской области 26 октября 1938 г. по приказу № 00593 было осуждено 47 человек, 19 из которых приговорили к лагерному заключению, однако в январе 1939 г. на основании приказа № 00762 их дела были переданы в суд на пересмотр. Суд принял решение об освобождении¹. Кроме того, не все расстрельные приговоры Особой тройки были приведены в исполнение. В Красноярском крае из 1879 чел., прошедших по «национальным» операциям в сентябре–ноябре 1938 г., 1736 чел. были приговорены к ВМН, однако только 25 чел. были расстреляны², остальные были направлены для отбывания наказания в лагеря или освобождены в 1939–1940 гг.

Всего Комиссия НКВД и Прокурора СССР вынесла приговоры около 239 тыс. чел., в том числе по приказу № 00593 – примерно 35,5 тыс. чел. (около 14,8 %). Около 56 тыс. чел. прошли через ОСО, около 11,6 тыс. чел (20,8 %) – по «харбинской» операции. Особые тройки осудили около 108 тыс. чел., в том числе по обвинению в «японском» шпионаже – примерно 14 тыс. чел. (13 %)³.

Как уже отмечалось, дела арестованных из числа советской элиты передавались на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. В период Большого террора эта судебная инстанция выносила приговоры на основании списков, составленных органами НКВД и утвержденных лично И.В. Сталиным. Практически каждый регион СССР представлял списки репрессированной элиты, обвиняемой в «измене Родине», «шпионаже» и т.д. Из лиц, арестованных в регионах, составлялись списки с разделением их на первую и вторую категории⁴. Подписанные членами Политбюро ЦК ВКП(б) списки передавались в ВК Верховного суда СССР.

¹ Протоколы Особых троек по «национальным» операциям с № 203 по № 208 // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1. Л. 123–142.

² База данных на репрессированных по Красноярскому краю.

³ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 20.

⁴ Архив МВД Грузии. Ф. 12. Д. 88. Л. 1–149.

Судебная процедура была упрощена до предела: слушание дела проходило без свидетелей и продолжалось в среднем пять–десять минут¹. За это время трое судей должны были успеть разъяснить подсудимому его права, огласить обвинительное заключение, разъяснить суть обвинения, выяснить отношение обвиняемого к «совершенным преступлениям», выслушать его показания и последнее слово, побывать в совещательной комнате, написать там приговор и, вернувшись в зал судебного заседания, объявить его². Смертные приговоры подсудимым не объявлялись — они узнавали о своей судьбе непосредственно перед казнью. Процедура вынесения приговоров ВК Верховного суда СССР была похожа на процедуру утверждения репрессивных решений Комиссией НКВД и Прокурора СССР, вместо «альбомного» порядка осуждения преобладал «списочный» механизм. Несмотря на сохранение традиционных судебных процедур, ВК Верховного суда СССР в период Большого террора выносила приговоры в конвейерном порядке, вся ее деятельность была направлена на массовое и быстрое уничтожение десятков тысяч людей. Фактически грани между судебными и внесудебными инстанциями не существовало, основная их задача сводилась к конвейерному, или «списочному», рассмотрению дел. Таким образом, можно говорить о взаимозаменяемости судебных и внесудебных инстанций в годы Большого террора. Этот тезис подтверждает и тот факт, что в некоторых регионах СССР, например в Грузинской республике, дела советской элиты передавали на рассмотрение «кулацкой» тройки³. В это же время около 2 тыс. дел Комиссия НКВД и Прокурора СССР передала в компетенцию ВК Верховного суда СССР⁴.

По «сталинским» спискам в 1936–1938 гг. было осуждено около 45 тыс. чел.⁵ При этом почти 85 % приговоров Военная коллегия вынесла в пользу расстрелов, в то время как доля смертных приговоров, вынесенных Комиссией

¹ НАРА. Ф. 1191. Оп. 4. Д. 1523.

² Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993. С. 68.

³ Архив МВД Грузии. Ф. 12. 1-й отдел. Д. 88.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 18.

⁵ <http://stalin.memo.ru/>

НКВД и Прокурора СССР, составила около 73 %, «кулацкими» тройками – около 50 %.

Таким образом, внесудебность – это наделение карательными полномочиями аппарата НКВД, не только центрального, но и территориальных органов. Главная ее цель заключалась в проведении масштабных чисток. Разделение репрессивных функций между Комиссией НКВД и Прокурора СССР и «кулацкими» тройками способствовало интенсификации террора. Внесудебные инстанции выполняли не только карательную функцию, но также контролирующую и проверяющую. Прокуратура подписывала санкции на аресты, «альбомные» справки, а также каждый протокол по «национальным» операциям. Ее роль в проведении карательных акций была ограничена визированием решений НКВД. Несмотря на то, что при проведении «национальных» карательных акций органам НКВД были предоставлены широкие полномочия, даже вынесение приговоров в отношении арестованных по массовым операциям 1937–1938 гг., их деятельность контролировалась Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессии в стране санкционировал именно этот орган, которому нарком внутренних дел Н.И. Ежов на заседаниях сообщал о ходе массовых операций.

В целом репрессии были неотъемлемой политикой советского государства. Однако с начала 1930-х гг. их масштаб заметно увеличивается. В преследованиях 1930-х гг. можно выделить несколько этапов:

1. 1930–1933 гг. – репрессии, связанные с коллективизацией и «раскулачиванием»;
2. Конец 1934 г. – первая половина 1937 г. – постепенное ужесточение карательной политики;
3. Вторая половина 1937 г. – конец 1938 г. – этап Большого террора, когда репрессиям подверглось более полутора миллиона человек. Отличительной особенностью данного периода стало то, что террор представлял собой слаженную машину по уничтожению сотен тысяч людей. В этот период были созданы или реанимированы внесудебные инстанции для форсированного вынесения приговоров, что приводило к увеличению жертв террора. Строго

разделены карательные функции между центральным аппаратом НКВД, его территориальными подразделениями, прокуратурой, а также Политбюро ЦК ВКП(б). Политбюро взяло на себя руководящие и санкционирующие функции, также этот орган осуществлял контроль за деятельностью центрального аппарата НКВД СССР. Последний, в свою очередь, осуществлял надзор за деятельностью территориальных органов, кроме того, выполнял карательные функции в отношении арестованных по «национальным» операциям. Региональные карательные органы были наделены широкими полномочиями: они проводили аресты, вели следствие, выносили приговоры, приводили их в действие, однако их деятельность контролировалась центральным аппаратом. В случае с «национальными» операциями местные карательные органы не имели права приводить приговоры в исполнение без их утверждения в Москве. По приказу № 00447 лимиты выступали средством управления репрессиями. Роль прокуратуры в период Большого террора была существенно меньше, чем роль НКВД, однако без ее санкций на аресты и приговоры трудно представить себе проведение «национальных» карательных акций.

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. обозначил курс на ужесточение репрессивной политики. Решениями пленума были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников», а также взят курс на реорганизацию аппарата НКВД с целью сделать его «подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности». Кроме того, советское общество, охваченное искусственно раскрученной шпиономанией, было подготовлено к грядущим массовым репрессиям.

Приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» закреплял курс на массовые репрессии. «Национальные» операции были вторым ключевым направлением террора 1937–1938 гг. Органы НКВД проводили 11 карательных

акций. Поводом для репрессий выступала «связь с границей». Именно поэтому чекисты относили «харбинскую» карательную акцию к числу «линейных». Распространяющийся на «харбинскую» карательную акцию «альбомный» порядок осуждения также указывает на то, что ее следует рассматривать в числе «линейных» чисток. Относя приказ № 00593 к числу «национальных», нельзя не отметить его нетипичность, а именно целевыми категориями оперативного документа должны были стать в первую очередь служащие КВЖД и реэмигранты из Китая.

Глава 2 Жертвы «харбинской» операции

2.1 «Харбинцы»

Всем арестованным в рамках «харбинской» операции карательные органы инкриминировали шпионаж в пользу Японии. Приказ № 00593 и закрытое письмо к нему предполагали репрессии в отношении бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, однако на практике произошло расширение целевых категорий. Как нам представляется, в рамках приказа № 00593 были реализованы отдельные карательные подоперации (или линии), проводившиеся как в общесоюзном, так и в региональном масштабе. К общесоюзным направлениям относятся репрессии по «харбинской», «китайской», «корейской» линиям. Карательные меры в отношении уйгур, работников дипломатических служб Китая, Японии, Маньчжоу-Го, «монголистов» и «тувинцев», «дальневосточников», «бывших», японцев имели место в отдельных регионах Советского Союза.

Приказ № 00593 и закрытое письмо к нему от 20 сентября 1937 г. запустили репрессии против так называемых харбинцев. В чистку должны были попасть «КВЖДинцы» – бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая. По данным НКВД СССР, к началу карательной акции в СССР было учтено до 25 тыс. «харбинцев». Фактически в эту интегрированную категорию должно было войти русскоязычное население, проживавшее в Китае. Массовые аресты и осуждения «КВЖДинцев» и реэмигрантов стартовали одновременно и продолжались до февраля 1938 г. С весны 1938 г. в рамках приказа № 00593 карательные органы репрессировали представителей национальных меньшинств.

Политика в отношении русскоязычного населения, прибывшего из Китая, не была последовательной. Волны лояльности в отношении реэмигрантов и бывших служащих КВЖД, вернувшихся в Советский Союз, чередовались с репрессиями. Следует отметить, что единичные преследования «харбинцев» имели место на протяжении 1920–1930-х гг., однако особого размаха и

жестокости репрессии достигли в период Большого террора. В 1920–1930-е гг. к реэмигрантам из Китая применяли единичные репрессии. В это время органы государственной безопасности причисляли людей, выезжавших за границу, к «социально опасным» и «контрреволюционным элементам». Репрессиям подвергались арестованные и этапированные в страну военнопленные белогвардейцы, перебежчики и реэмигранты, «невозвращенцы». Практиковались как аресты, так и принудительные переселения. Аресты не были массовыми, а приговоры большей частью выносились в пользу исправительно-трудовых лагерей, сроком не более пяти лет. Кроме того, аресты и осуждения сменялись кампаниями по амнистии. Амнистии касались в первую очередь рядовых солдат белых армий, были направлены на нейтрализацию воинствующих групп эмиграции и на достижение пропагандистского эффекта¹.

Более масштабный характер имели отселения с приграничных территорий. Высылки «неблагонадежного элемента» с пограничных с Китаем территорий Южной Сибири, Забайкалья и Приморья проводились практически ежегодно². В такие кампании попадали и лица, имевшие в прошлом «связи с Китаем». Массовое перемещение из пограничной полосы Сибири и Дальнего Востока провели осенью 1929 г. из-за возможной военной угрозы после советско-китайского конфликта на КВЖД. Осуществлялись масштабные высылки вследствие коллективизации. Еще одна волна переселений была связана с кампанией по паспортизации, проходившей в СССР в 1933–1934 гг., в ходе которой только с Дальнего Востока было выселено около 56 тыс. чел.³

Репрессии в отношении бывших служащих КВЖД усилились на рубеже 1920–1930-х гг. В 1932 г. в стране поднялась волна шпиономании в отношении бывших работников КВЖД, вернувшихся в СССР в связи с конфликтом на КВЖД. В 1933 г. было сфабриковано первое крупное дело о «шпионско-контрреволюционной группе Гальмукова», якобы действовавшей на Омской

¹ Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Амнистия рядовых белогвардейцев и их репатриация из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. Новосибирск. 2007. № 2. С. 49–52.

² Высылка из погранполосы Читинской области в ходе массовых операций 1937–1938 гг. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск. 2006. Т. 5, вып. 1 (доп.). С. 78–82.

³ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 191.

железной дороге. Уже летом 1933 г. за эмигрантами и советскими гражданами, работающими в Харбине и на КВЖД, закрепился статус «японских шпионов»¹. Ориентировка заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова предписывала проводить оперативный учет всех лиц, прибывших из Маньчжурии, и их высылку с приграничных территорий Дальнего Востока и Восточной Сибири. Фактически реэмигранты и служащие КВЖД, въезжавшие в страну после лета 1933 г., были заведомо поставлены на учет и подозревались в «японском шпионаже».

В такой обстановке в 1935 г., после продажи КВЖД, в СССР прибыла еще одна волна бывших служащих дороги и членов их семей. Их въезд на территорию Советского Союза был организован и подавался как «эвакуация советского населения». Всего в страну к концу августа 1935 г. выехало 20 160 чел., в том числе 5943 чел. бывших работников дороги и 14 127 чел. членов их семей². Государство взяло на себя финансовые обязательства по вывозу населения, размещению и трудоустройству. В советской печати публиковались статьи, в которых рисовался героический образ «харбинцев», вынужденно покинувших Маньчжурию в условиях роста японской агрессии. Первоначально «КВЖДинцев» трудоустраивали на железнодорожный транспорт, в химической промышленности, оборонном производстве, в Красной армии и даже в органах НКВД.

Локальные репрессии среди бывших служащих КВЖД начались уже с осени 1935 г., т.е. сразу после завершения кампании по эвакуации. Преследования были связаны с карательной акцией по разоблачению шпионов на железнодорожном транспорте. Наиболее значительным стало дело руководителей Томской железной дороги. По мнению следствия, «шпионскую» организацию, созданную на дороге, возглавляли начальники нескольких отделов служб пути, ранее работавшие на Китайско-Восточной железной дороге. В конце марта 1937 г. в ходе работы в Новосибирске выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 3 чел. приговорили к высшей мере наказания, а 16 чел. – к лагерному заключению сроком на

¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1–21.

² Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 104.

пять лет. С июня 1936 г. в прессе стали появляться публикации, посвященные фактам активизации на территории Советского Союза деятельности иностранных разведок, в том числе японской, которая использовала эвакуацию советских граждан с КВЖД для вербовки агентуры. В июне 1936 г. нарком Г.Г. Ягода заявил, что работа «по чистке транспорта от японских диверсионных групп запущена». Как следствие, с осени 1936 г. аресты на транспорте активизировались. Среди арестованных в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе на железных дорогах, оказались и бывшие служащие КВЖД, которым инкриминировали шпионаж в пользу Японии¹. По данным НКВД, к осени 1937 г., к началу массовых репрессий, уже было арестовано около 4,5 тыс. чел. с таким обвинением.

Репрессии в отношении «харбинцев» прошли практически во всех отраслях экономики: в легкой и тяжелой промышленности, сельском хозяйстве, торговых организациях, советском аппарате и учебных заведениях. Чистка затронула транспорт, в первую очередь железнодорожный. Арестам подверглись лица, работавшие на узловых транспортных станциях и в структуре базовых служб железной дороги. «Японских шпионов» из числа «харбинцев» выявляли в аппарате НКВД, в рядах Красной армии. Первые, как и предписывали приказ № 00593 и закрытое письмо к нему, под репрессивный удар попали работники НКВД, служащие в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах других заводов, электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности. Затем арестам подверглись работающие в советских учреждениях, совхозах, колхозах и др.

Следуя директивным инструкциям, в первую очередь закрытому письму № 60268 от 20 сентября 1937 г., карательные органы выявляли «шпионов», «диверсантов», «террористов», «участников контрреволюционных фашистских формирований» и прочих «контрреволюционный элемент». Доминирующей политической окраской для «националов», в том числе и «японских шпионов», был избран троцкизм. Так, согласно докладной записке начальника УНКВД УССР

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 128.

по Днепропетровской области от 3 января 1938 г., за первые полгода проведения операции аресту подверглись 200 выходцев из Харбина. Как «завербованные» Японией прошли 165 чел., среди которых: «шпионов» – 65, «диверсантов» – 34, «террористов» – 27, «участников контрреволюционных фашистских формирований» – 19 и прочих «контрреволюционеров» – 20, остальным инкриминировали троцкизм¹. Такого рода перечень обвинений воспроизводился и в других республиках, областях и краях страны².

Репрессии в отношении «харбинцев» проводил ДТО ГУГБ НКВД, который появился в связи с реорганизацией шестого транспортного отдела Главного управления государственной безопасности в конце лета 1937 г. ДТО были воссозданы в полном объеме на всех железных дорогах СССР. Эти отделы проводили аресты самостоятельно, без вмешательства территориальных органов НКВД (УНКВД). Считалось, что «харбинцы» были сконцентрированы главным образом в районах, где находились узловые железнодорожные станции. По состоянию на 20 октября 1937 г. по учетам ДТО ГУГБ НКВД проходило 6 тыс. чел., из которых 3407 чел. уже были арестованы³. Уже к октябрю 1937 г. сотрудниками Дорожно-транспортного отдела было сфабриковано 65 дел о диверсионно-шпионских организациях и резидентурах «японской разведки» – в НКПС, на Дзержинской, Ленинской, Октябрьской, Оренбургской, Кировской, Ворошиловской, Ярославской, Рязано-Уральской, Одесской, Сталинской, Юго-Западной и ряде других дорог. Всего по протоколам к сентябрю 1938 г. прошел 5561 чел., при этом не все были в прошлом работниками КВЖД⁴. Аресты прокатились по всем транспортным центрам и станциям. Задержанных обвиняли в сборе сведений о состоянии и пропускной способности узлов, продвижении воинских частей, их вооружении, политических настроениях населения и подготовке диверсионных актов путем устройства крушений поездов. Многих, кто не попал под репрессию, увольняли с работы «за связь с японским государством».

¹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 284. Л. 83.

² Архив УФСБ по Читинской области. Ф. 2. Оп. 982. Д. 982. Л. 31–55.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Пор. 432. Л. 32–46.

⁴ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828–9874.

Осужденных в начале 1930-х гг. «харбинцев» с выходом приказа № 00593 перестали выпускать из тюрем и лагерей. Их повторно подвергали репрессии как «японских шпионов», на этот раз приговоры выносились в пользу смертной казни. В местах лишения свободы органами НКВД фабриковались групповые дела. Так, осенью 1937 г. в Алтайском крае в барнаульской тюрьме по обвинению в «японском шпионаже» чекисты задержали 11 человек, которые были приговорены Комиссией НКВД и Прокурора СССР к смертной казни¹. Весной 1938 г. УНКВД по Новосибирской области ликвидировало «прояпонское» формирование, созданное на территории Сиблага. По делу прошло 164 чел.²

Изучение архивно-следственных материалов «харбинцев», арестованных по приказу № 00593, позволяет судить о широком размахе репрессий, прокатившихся по крупным индустриальным и транспортным центрам, а также по небольшим городам, рабочим поселкам и сельской местности. Особое внимание уделялось фактам преступного сговора, создания групп и организаций. Следствие строилось по типовому сценарию. После выявления «центральной» резидентуры, действовавшей на крупном заводе, на узловом транспортном центре, в большом городе и т.д., «вскрывалась» сеть мелких периферийных групп. По сценарию, задуманному сотрудниками НКВД (УНКВД), арестованные по статье «японский шпионаж» за свою вредительскую и диверсионную работу получали денежные выплаты. Так, по следственным материалам УНКВД по Тульской области, один из арестованных «харбинцев», проходивший по делу как лидер «прояпонской организации», за время своей работы получил от сотрудника японского посольства в Москве 74 тыс. руб., которые в разное время выплатил участникам организации, оставив в свою пользу 12 тыс. руб.³ Кроме того, в оперативных материалах указывалось количество изъятого у «контрреволюционных групп» оружия. Эти сведения, совместно с информацией о «политических настроениях населения», об отношении населения к операции,

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 24440.

² Протоколы Особой тройки УНКВД по Новосибирской области // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Пор. 1129. Л. 83.

сообщались каждые пять дней в докладных записках наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову. Данные такого рода должны были усилить ощущение существования в стране организованной контрреволюционной и криминальной деятельности «харбинцев».

Основную часть приговоров в отношении «харбинцев» вынесла Комиссия НКВД и Прокурора СССР. В переданных на рассмотрение Особой тройки «альбомах» некоторых регионов совсем не содержалось обвинительных справок на «харбинцев» (Новосибирская область, Алтайский край) или их численность в списках не превышала нескольких человек (Читинская, Омская области, Грузинская и Армянская ССР). Материалы проверки 1939–1941 гг. указывали на подтасовку фактов в отношении осужденных осенью 1938 г., которым приписывалось пребывание в Китае.

В целом в проведении «харбинской» операции можно выделить три этапа. Первый, предоперационный, начинается весной 1937 г. и характеризуется массовыми арестами бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, обвиненных в «японском шпионаже». Второй этап стартует с выхода приказа № 00593 и закрытого письма к нему. С сентября 1937 г. территориальные карательные органы стали отправлять в центральный аппарат НКВД «альбомы» для утверждения приговоров Комиссией НКВД и Прокурора СССР. К началу февраля 1938 г. по «харбинской» линии было арестовано 14 332 чел. Около 93 % бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая выявили в РСФСР. Среди российских регионов особенно массовые преследования прошли в Свердловской области (2330 чел.), Красноярском крае (2123 чел.), Новосибирской (1337), Читинской (1271), Ленинградской (850 чел.), Московской (729 чел.) и Челябинской (717 чел.) областях, Алтайском (711 чел.) и Дальневосточном (630 чел.) краях. Также «харбинцы» и «КВЖДинцы» были выявлены в Украинской (592 чел.), Узбекской (259 чел.), Казахской (168 чел.), Грузинской (84 чел.), Белорусской (59 чел.), Киргизской (23 чел.), Туркменской (18 чел.) Таджикской (15 чел.) ССР¹.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 33–35.

С весны 1938 г. начался третий этап проведения «харбинской» линии, который закончился в середине ноября 1938 г. За этот период репрессиям подверглось еще около 9 тыс. бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, т.е. интенсивность террора по отношению к этим целевым категориям на заключительном этапе массовых репрессий 1937–1938 гг. снизилась. К середине ноября 1938 г. по «харбинской» подоперации было репрессировано около 25 тыс. чел.¹

Не все бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая были репрессированы по приказу № 00593. «Харбинцев» преследовали в рамках других «национальных» операций, а также в рамках «кулацкой» операции и карательной акции против советской элиты. Так, в Алтайском крае сотрудники горотдела НКВД г. Барнаула летом 1937 г. сфабриковали дело о «Сибирском союзе Дальневосточников». Официально начало кампании по ликвидации «Сибирского союза Дальневосточников» связано с выходом 20 сентября 1937 г. приказа № 00593 и закрытого письма к нему, получивших высшую партийную санкцию. Лидерами организации были названы люди, прибывшие из Харбина. Среди них были бывший полковник армии Колчака, дети генералов царской армии, старший инспектор Барнаульского отделения Комбанка, т.е. люди принадлежавшие к «высшему обществу». Главным фигурантом, лидером союза был назван Николай Шереметьев – сын полковника генерального штаба царской армии Александра Шереметьева, во время Гражданской войны служившего в белой армии. Семья проживала на Дальнем Востоке, но в 1932 г. была выслана из пограничной полосы в Барнаул как «неблагонадежный элемент». Арестовали Н.А. Шереметьева еще в конце декабря 1936 г., т.е. за полгода до начала массовых репрессий, по ст. 58, пункт 10 УК РСФСР (пропаганда или агитация). Поводов для его задержания, с точки зрения сотрудников НКВД, было несколько: сын «бывшего», проживал в Китае, выслан из ДВК, знает японский язык, а также работал переводчиком на японских рыбных концессиях на Дальнем Востоке. В начале января 1937 г. согласно постановлению Н.А. Шереметьева обвинили в

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9875–10444.

шпионаже (ст. 58, пункт 6), а в марте 1937 г. арестованному инкриминировали ст. 58, пункты 2 (вооруженное восстание), 4 (помощь «международной буржуазии»), 6 (шпионаж), 8 (террористические акты), 9 (причинение ущерба), 11 (другая контрреволюционная деятельность). Из семи присутствующих в деле допросов только в последнем, от 7 октября 1937 г., т.е. когда «харбинская» операция уже стартовала, раскрываются факты создания и функционирования «Сибирского союза Дальневосточников».

Судьба семьи Шереметьевых сложилась трагично. Сестра К.А. Шереметьева была также арестована по обвинению в членстве в союзе, а отец А.И. Шереметьев в августе 1937 г. был расстрелян по обвинению в участии в «эсеровско-монархической» организации¹. Не все фигуранты прошли по приказу № 00593. Один из обозначенных лидеров, В.П. Войнич-Сяноженский (дворянин, полковник белой армии, проживал в Японии, был выслан с Дальнего Востока как «неблагонадежный элемент») в октябре 1937 г. был осужден как участник «РОВС».

По сфабрикованному карательными органами делу прошло 155 чел., в том числе 36 чел. были бывшими служащими КВЖД, а 30 – реэмигрантами из Китая. Однако барнаульские чекисты причисляли к перебежчикам бывших служащих КВЖД, эвакуированных советским правительством в 1935 г. с территории Китая. Наряду с реэмигрантами «КВЖДинцы» заполняли анкету перебежчика.

Выше уже было отмечено, что официально фабрикация дела началась с выходом приказа № 00593, однако архивно-следственные материалы свидетельствуют о том, что участники «Сибирского союза Дальневосточников» подвергались арестам в период с июня по октябрь 1937 г. Динамика задержаний следующая: в июне было задержано 5 чел., в июле – 28 чел., в августе – 11 чел., в сентябре – 17 чел., в октябре – 78 чел., в ноябре – 16 чел. Аресты будущих членов союза проходили задолго до начала «харбинской» линии. Очевидно, арестованные летом и в начале сентября 1937 г. должны были пройти по «ровсовской» операции. В архивно-следственных материалах на арестованных

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 6222.

летом и в начале сентября 1937 г. содержатся два постановления об избрании меры пресечения. Первое датируется временем задержания, где указывается, что арестован как «кадетско-монархический», «эсерово-монархический» или «эсерововский» элемент. Второе постановление прикреплено уже после выхода приказа № 00593, в котором обвинение по приказу № 00447 меняется на причастность к «японскому шпионажу».

Арестованные в июне–ноябре 1937 г., которых позднее включили в члены «Сибирского союза Дальневосточников», не были объединены в одно оперативное дело с общим обвинительным заключением. Этот факт свидетельствует о том, что изначально чекисты Алтайского края рассчитывали провести репрессированных по трем массовым операциям. Бийским оперсектором УНКВД обвинительное заключение на 75 чел. было составлено 8 ноября 1937 г.¹ Барнаульские чекисты представили два обвинения: в начале ноября на 50 чел. и в конце месяца еще на группу из 30 чел.² Согласно обвинительным заключениям, все участники союза были изобличены в «японском шпионаже», но приговоры им должны были вынести разные судебные и внесудебные инстанции. Дело на 75 чел. предписывалось отправить на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР – судебный орган, выносивший приговоры советской элите, которой вменялись в вину шпионаж, измена Родине, контрреволюционная деятельность. Решения касательно 50 чел. должна была вынести тройка, которая в этот период занималась «кулацкой» операцией. Но в июле 1937 г. стало известно о предстоящих массовых арестах «националов», поэтому алтайские чекисты, что называется, приберегли готовый оперативный материал на случай начала «национальных» операций, тем более что треть участников «РОВС» прибыли из Китая. Остальные дела на 30 чел. были направлены на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР («двойки»). В итоге приговоры в отношении участников «Сибирского союза Дальневосточников» вынесла «двойка». Около трети всех осужденных по делу о «Сибирском союзе Дальневосточников»

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп.7. Д. 4950/4

² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп.7. Д. 5858. Т. 2, 3.

изначально арестовывались как целевые группы «кулацкой» операции, около половины – проходили как советская элита, а остальная часть сразу была арестована по приказу № 00593.

Сложившаяся ситуация иллюстрирует не самоуправство вырвавшихся из-под опеки Новосибирска алтайских чекистов, а технологию репрессий 1937–1938 гг. по всей стране. Карательные акции против «кулаков», «националов» и советской элиты шли параллельно, а целевые категории этих репрессивных кампаний пересекались друг с другом (и «харбинцев», и «ровсовцев» обвиняли в «японском шпионаже»). Москва не давала строгих инструкций по распределению репрессируемого контингента по массовым операциям, поэтому региональные сотрудники НКВД сами определяли внесудебную и судебную инстанции, которые будут выносить окончательный приговор, что вело к расширению репрессивных полномочий местных чекистов и увеличению числа репрессированных. Похожая ситуация складывалась в других регионах СССР¹.

Таким образом, по «харбинской» линии приказа № 00593 прошли бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая. Доля репрессированных «КВЖДинцев» не превышала 40 %, реэмигрантов – 60 %. Чистке подверглось прежде всего русскоязычное население, проживавшее, даже временно, в Китае. Около 90 % репрессированных приходилось на русских, остальные – это белорусы, украинцы, татары, евреи и др. В целом, как показал анализ «альбомов» по «харбинскому» приказу, лимит в 25 тыс. чел., заданный оперативными документами от 20 сентября 1938 г., органами НКВД (УНКВД) был выполнен. Данная линия заняла в статистике карательных органов главное место, доля осужденных «харбинцев» составила половину (51 %) от общего числа репрессированных по приказу № 00593. Размах репрессий в отношении «харбинцев», а также тот факт, что аресты этой подкатегории прошли по всем регионам СССР, позволяют сделать вывод о том, что собственно «харбинская» линия стала главным направлением при реализации приказа № 00593.

¹Архив УФСБ по Читинской области. Ф.2. Оп. 982. Д. 982. Л. 31; ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 197. Л. 36, 181; Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95. Л. 5.

2.2 Китайцы

Массовая миграция китайского населения в Российскую империю обозначилась в последней четверти XIX в. По материалам переписи 1937 г., в стране проживало 38,5 тыс. натурализовавшихся китайцев и 20 тыс. граждан Китая, в том числе в РСФСР — 38,4 и 19 тыс. человек соответственно. Крупнейшие общины имелись на Дальнем Востоке (24,6 тыс.), в Читинской (8 тыс.) и Иркутской (1,5 тыс.) областях, в Бурят-Монгольской и Якутской АССР — 2,1 тыс. и 2 тыс. соответственно¹. В Западной Сибири перепись учла около одной тысячи граждан Китайской Республики, но сведения о численности советских китайцев отсутствовали².

В СССР лица китайской национальности относились к подучетному населению. В соответствии с гражданско-правовым статусом органы ОГПУ-НКВД разделяли их на советских подданных, граждан Китайской Республики, «бездokumentных» и административно высланных. По данным Красноярского оперсектора ОГПУ, на 25 июня 1934 г. на территориях, вошедших в декабре 1934 г. в Красноярский край, «учтено китайской колонии 224 чел., большинство расселено в Красноярске, Канске и незначительное количество в сел. местности», из них «совподданных» — 124, «иноподданных» — 58, «перебежчиков» — 30, «адмвысланных» — 3³. В категорию административно высланных попадали лица, переселенные с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы», а также интернированные.

Массовым репрессиям против «националов», в том числе китайцев, предшествовала длительная подготовительная работа, которая заключалась в осуществлении учета всех иностранцев, а после февральско-мартовского пленума 1937 г. — в вытеснении их из страны. Параллельно с кампанией по паспортизации, в ходе которой китайцы были переведены в статус «нелегалов», вышла июньская

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1991. С. 85–113.

² Мотревич В.П. Иностранцы граждане — китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность: материалы VIII Международной научно-практической конференции.

Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2015. С. 178–181.

³ Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск, 2015. С. 100.

ориентировка 1933 г. заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова. Она определила китайцев, наряду со служащими КВЖД и российскими эмигрантами в Китае, как «японских шпионов», предписав подвергать их тотальному учету¹. По учетам НКВД иностранцы проходили и ранее, но с 1933 г. учет стал тотальным. В обязательном порядке чекисты брали на «разработку» военнопленных, интернированных, реэмигрантов, перебежчиков и т.п.

Первоначально китайцы-крестьяне попали под репрессии по приказу № 000447. По данным НКВД, с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. по «кулацкой» операции было арестовано 196 китайцев². С осени 1937 г. карательные органы, с санкции Москвы, «встроили» репрессии против представителей диаспоры в кампанию по ликвидации «японского шпионажа», на борьбу с которым был направлен приказ № 00593 от 20 сентября 1937 г. Уже на начальном этапе проведения репрессий по приказу № 00593 представителей китайской диаспоры задерживали как «японских шпионов», однако их аресты были единичны. К концу февраля 1938 г., согласно данным НКВД СССР, по «харбинской» операции было осуждено 1178 лиц китайской национальности, что составило 8,4 % от общего числа репрессированных (18 098 чел.)³. Представителей диаспоры осуждали в рамках приказа № 00593 в РСФСР, Казахской⁴, Украинской⁵, Грузинской⁶, Армянской ССР⁷ и других республиках Советского Союза. Основные репрессии проходили в регионах с многочисленными китайскими общинами. В Дальневосточном крае к концу зимы чекисты задержали 590 чел., в Узбекской ССР – 463 чел., в Читинской и Новосибирской областях – 152 и 159 чел. соответственно, в Красноярском крае – 153 чел., в Свердловской области – 75 чел. и т.д. Однако массовые аресты китайцев начинаются с весны 1938 г. Включение данной этнической группы в рамки приказа № 00593 было общесоюзной тенденцией, а не региональной особенностью.

¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1–21.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. С. 163.

³ ЦА ФСБ. Ф. 8-ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 33–35.

⁴ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9836, 9838, 9840, 9868.

⁵ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 9. Д. 10.

⁶ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.

⁷ Национальный архив Республики Армении (НАРА). Ф. 1191. Оп. 19. Д. 50.

В условиях массовых репрессий 1937–1938 гг. руководители ряда регионов проводили тотальные чистки подконтрольной им территории от китайцев. В этой связи весьма красноречива фраза секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) Л.Н. Гусева, который на одном из заседаний тройки упрекнул начальника УНКВД С.П. Попова: «Почему у вас до сих пор китайцы по улицам бродят?»¹, хотя китайская диаспора на Алтае не превышала двух сотен человек. Та же ситуация была и в других регионах страны. Сотрудники УНКВД по Иркутской области Л.А. Комова и П.В. Турлова на допросах в 1939–1941 гг. показывали, что китайцев и корейцев арестовывали всех без исключения. На них делали облавы, устанавливали их адреса, высылали людей с указанием арестовать поголовно всех китайцев и корейцев. Начальник третьего отдела УНКВД Иркутской области Б.П. Кульвец требовал полной очистки территорий от представителей этой диаспоры, обращаясь к чекистам в феврале-марте 1938 г., он заявил: «Вы мне доложили, что арестовали всех китайцев. Вот я сегодня шел по улице и видел двух китайцев и предложил их арестовать»².

На Дальнем Востоке, где китайская община была особенно многочисленна, репрессия была усилена дополнительными директивами НКВД СССР³. Согласно декабрьским директивам НКВД СССР для ДВК новый порядок рассмотрения дел отличался от алгоритма принятия решений по «национальным» операциям. Приговоры в отношении советских китайцев, «изобличенных в антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности и активных уголовников», выносила внесудебная инстанция — тройка, которая в это время занималась «кулацкой» операцией. Дела на подданных Китая рассматривались в судебном порядке, затем следовало их выселение из Советского Союза. Решения касательно «бездokumentных», с запрещением проживания в ДВК, Читинской и Иркутской областях, выносил суд. Предполагалось, что репрессии против китайцев на Дальнем Востоке станут отдельной линией в рамках «национальных» операций,

¹ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995. С. 87.

² Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idf.ru/2/7/shtml> (дата обращения: 02.02.2018).

³ Сталинские депортации. 1928–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Материк, 2005. С. 101–104.

целью которой было форсированное уничтожение многочисленной китайской диаспоры в СССР. Таким образом, декабрьские директивы предписывали принципиальной иной порядок осуждения в отношении дальневосточных китайцев, чем того требовали «национальные» приказы.

Основной удар террора пришелся на Приморскую область, где в ночь с 29 на 30 декабря 1937 г. было задержано 853 чел.¹ Аресты проходили на основании имеющихся у сотрудников УНКВД по ДВК учетных справок, которые собирались с 1933 г. Согласно предписаниям наркома внутренних дел Н.И. Ежова к 1 января 1938 г. все карательные акции должны были закончиться, т.е. «китайские» операции были проведены на завершающем этапе чисток. Однако 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) продлило репрессии до 15 апреля 1938 г., указав среди перечисленных этносов, попадавших под репрессии, китайцев. При этом в постановлении отмечалось, что дела на арестованных «националов» вне зависимости от их подданства отправлять на утверждение внесудебным инстанциям. К этому времени к таковым относились Комиссия НКВД и Прокурора СССР, которая выносила приговоры по «национальным» операциям, и тройка, разбирающая дела по приказу № 00447². Фактически январское постановление отменяло декабрьские директивы НКВД СССР для ДВК и вписывало так называемые китайские операции на Дальнем Востоке в продолжающиеся «национальные» акции. Это доказывает и телеграмма Н.И. Ежова от 01.02.1938 г., адресованная всем наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ НКВД и начальникам третьего, четвертого, пятого, шестого и одиннадцатого отделов ГУГБ НКВД. Она предписывала начать карательные акции против финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар, македонцев, сохранив установленный приказом № 00485 («польская» операция) внесудебный порядок рассмотрения дел³.

¹ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 259.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

³ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 31 (1951 г.). Д. 59. Л. 46–47.

В феврале и марте 1938 г. сотрудники УНКВД по Дальневосточному краю провели еще две облавы на китайцев, в ходе которых только в Приморской области было арестовано 2005 и 3082 чел. соответственно. Всего к апрелю 1938 г. в Приморье было задержано 5993 чел., в Амурской области – 1350 чел., а в целом, по данным Г.С. Люшкова, к апрелю 1938 г. сотрудники УНКВД по ДВК арестовали около 11 тыс. чел.¹

К середине весны 1938 г. следственные мероприятия в отношении арестованных китайцев были завершены. На основании законченных следственных дел в регионах Дальнего Востока составлялись краткие справки с указанием анкетных данных, сутью обвинения и предложенной следователем мерой наказания (расстрел или заключение в лагерь). Далее справки сшивались в «альбом» и отправлялись в Хабаровск на утверждение Г.С. Люшкова. С 27 апреля по 19 мая 1938 г. порядка 40 китайских «альбомов» по первой категории, заверенных начальником УНКВД по ДВК и заместителем прокурора П.З. Звягиным, были отправлены на рассмотрение внесудебного органа Комиссии НКВД и Прокурора СССР в Москву. В сопроводительных записках к «альбомам» указывалось, что арестованные подлежат осуждению согласно приказу НКВД СССР № 233 от 01.02.1938 г. или приказу № 00485 по «китайской» операции. Сами дальневосточные чекисты не вписывали китайцев в рамки «харбинской» репрессии, так как к этому времени в Москву на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР ушло несколько списков именно по приказу № 00593. Проведя массовые антикитайские карательные акции, в результате которых было арестовано несколько тысяч китайцев, сотрудники УНКВД по ДВК столкнулись с тем, что отдельного приказа, как в случае с «польской», «немецкой», «греческой», «иранской» операциями, так и не было издано. Кроме того, массовые директивы, спускаемые из Москвы, противоречили друг другу. Так, декабрьская инструкция предписывала передавать дела на китайских перебежчиков (нелегалов) на рассмотрение «кулацкой» тройки, а ряд январских – уже Комиссии НКВД и

¹ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 259.

Прокурора СССР. Поэтому на основании спущенных сверху директив чекисты выстраивали «китайскую» операцию как одну из серии «национальных» карательных акций, проводившихся в «альбомном» порядке.

Отсутствие четких инструкций и лимитов на аресты, а также желание начальника УНКВД по ДВК Г.С. Люшкова выделиться перед руководством страны предопределили массовые репрессии в отношении китайцев. В Москве Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела дальневосточные «альбомы» еще летом 1938 г., отнеся их не к «китайской» операции, как предписывал Г.С. Люшков, а к «харбинской». Однако утвержденные протоколы не были отправлены в ДВК. Вероятно, такая задержка связана с бегством в июне 1938 г. начальника УНКВД ДВК Г.С. Люшкова в Японию. Возможно, причина отказа выделить «китайскую» операцию в отдельную линию, как предлагал главный организатор репрессий против «японских шпионов», заключалась именно в его бегстве за границу и дальнейшем сотрудничестве с Японией. Начальник НКВД СССР Н.И. Ежов, опасаясь за свою жизнь, не осмелился летом 1938 г. отчитываться по «китайской» операции, проведенной японским шпионом, темпы арестов которой могли сравниться только с «польской» (в дальнейшем побег Г.С. Люшкова использовали как один из поводов для отстранения Н.И. Ежова).

Еще одной причиной задержки отправления утвержденных протоколов стала летняя кампания по выселению китайцев с Дальнего Востока в Синьцзян, в ходе которой из тюрем было освобождено 3173 китайца¹. В связи с этим утвержденные в июне–июле протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР подверглись пересмотру с целью исключения из них китайцев, переселяемых в Синьцзян. Повторно к протоколам вернулись в сентябре 1938-го, когда в Москве форсировано разбирали накопившиеся справки из всех регионов СССР. Поэтому на всех выявленных протоколах по китайцам в рамках приказа № 00593 даты были изменены на 2 и 5 сентября 1938 г. За два дня Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписала приговоры 8998 чел., из них 4125 чел. были приговорены к

¹ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Владивосток, 1993. Вып. 2. С.78–81.

расстрелу, а 4480 чел. – к различным годам ИТЛ. Ирония состояла в том, что приведенные в исполнение приговоры в отношении китайцев, которых репрессировали по обвинению в «японском шпионаже», подписал реальный агент японской разведки.

Таблица 1 – «Китайские» протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 НКВД СССР ¹

№	Дата	Всего	Вынесенный приговор							
				Заключение в ИТЛ, лет				Высылка из СССР	Высылка в КазССР	Прочее
				ВМН	10	8	5	3		
510	02.09.1938	365	362	2	–	–	–	–	–	1 надзор
511	02.09.1938	124	116	8	–	–	–	–	–	–
525	02.09.1938	329	92	140	85	4	–	8	–	–
526	02.09.1938	517	255	224	30	–	–	–	8	–
527	02.09.1938	592	183	401	–	–	–	–	8	–
528	02.09.1938	125	98	27	–	–	–	–	–	–
529	02.09.1938	409	136	203	–	–	–	70	–	–
530	02.09.1938	297	90	203	–	–	–	4	–	–
531	02.09.1938	400	173	154	–	–	–	71	1	1 доследовать
532	02.09.1938	451	351	79	–	–	–	21	–	–
533	02.09.1938	369	133	223	–	–	–	4	1	8 ВКВС
534	02.09.1938	439	75	357	–	–	–	7	–	–
536	05.09.1938	200	170	30	–	–	–	–	–	–
537	05.09.1938	90	21	60	–	–	–	9	–	–
538	05.09.1938	344	210	134	–	–	–	–	–	–
540	05.09.1938	260	35	215	–	–	–	10	–	–
541	05.09.1938	493	346	78	16	8	–	44	–	1 освободить
542	05.09.1938	505	120	266	83	11	–	25	–	–

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9822–9878.

Окончание таблицы 1

№	Дата	Всего	Вынесенный приговор							
			ВМН	Заключение в ИТЛ, лет				Высылка из СССР	Высылка в КазССР	Прочее
				10	8	5	3			
544	05.09.1938	799	688	111	—	—	—	—	—	—
547	05.09.1938	398	345	53	—	—	—	—	—	—
549	05.09.1938	326	54	216	40	—	—	16	—	—
551	05.09.1938	181	71	81	12	—	—	17	—	—
552	05.09.1938	570	—	36	466	46	1	21	—	—
553	05.09.1938	415	1	286	80	11	—	37	—	—
Итого		8998	4125	3587	812	80	1	364	18	—

Из таблицы 1 видно, что по «китайской» операции на Дальнем Востоке прошло 8998 чел. Около 2 тыс. китайцев попали в аннулированные протоколы, но вошли в сводный отчет НКВД СССР от 15 ноября 1938 г.¹ Возможно, включенные в аннулированные протоколы китайцы были освобождены в период летней кампании 1938 г. по выселению в Синьцзян. На основании данных Г.С. Люшкова о количестве репрессированных китайцев на Дальнем Востоке (см. выше) и итогового отчета 1938 г. можно предположить, что именно 11 тыс. лиц китайской национальности было арестовано и осуждено в период Большого террора на Дальнем Востоке. Всего к ноябрю 1938 г. в рамках «харбинской» линии было осуждено 35 561 чел., т.е. доля репрессированных дальневосточных китайцев по приказу № 00593 составила 31 %.

Следует отметить, что утвержденные Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговоры в отношении китайцев сравнительно мягки. Только 46 % арестованных подвергались расстрелу, в то время как по другим регионам страны к ВМН осуждали в 100 % случаев. Так, в протоколе от 02.09.1938 г. по Красноярскому краю на 481 чел. (271 китаец) решения о смертной казни были вынесены всем

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8-ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 30.

перечисленным в нем лицам¹. В «альбомах» около 75 % арестованных предлагалось провести по первой категории, однако в столице решения были пересмотрены. Это являлось исключением. Комиссия НКВД и Прокурора СССР изменяла приговоры, предложенные регионами, но очень редко. Как нам представляется, степень жестокости определялась гражданством, именно поэтому его обязательно указывали в «альбомных» справках среди прочих анкетных данных. Как правило, подданных Китая осуждали к лагерному заключению или высылке, а лиц вне подданства – к расстрелу. Эта тенденция сохранялась во всех регионах СССР.

Помимо расстрела и лагерного заключения по отношению к китайцам применяли меры по их депортации с Дальнего Востока. Только в рамках «харбинской» операции за пределы СССР выселили 364 чел., еще 18 чел. отправили в Казахстан². Также для полного очищения приграничной территории китайцев, не пожелавших вернуться на родину и принявших советское гражданство, в 1938 г. переселяли в Узбекистан, Кур-Урмийский район Хабаровского края и некоторые другие регионы страны (около 3 тыс. чел.). Более 7 тыс. чел. было переселено в Синьцзян³. В целом к завершению Большого террора Дальний Восток перестал быть основным районом проживания китайцев в РСФСР (численность сократилась с 24,6 тыс. до 5,5 тыс.)⁴, внутри региона произошло перераспределение китайского населения из Приморья в пользу Хабаровского края, т.е. главная цель по очищению региона от китайского присутствия посредством «харбинской» операции и депортационных кампаний была достигнута.

Так же как и на Дальнем Востоке, в других республиках, краях и областях СССР массовые аресты китайского населения начались с февраля 1938 г. и продолжались до августа 1938 г. Особенно многочисленные репрессии против китайцев-перебежчиков прошли в Якутской АССР. В мае 1938 г. «двойка»

¹ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 29 Д. 43.

² УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9822–9878.

³ Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 11.01.2018).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1992. С. 151.

утвердила приговоры 832 чел., при этом только 5 чел. осудили к расстрелу, остальных – к различным годам лагерного заключения. Таким образом, в Якутской АССР, так же как и в ДВК, китайская линия в «харбинской» операции преобладала над остальными. Дальневосточный край и Якутская АССР – регионы, в которых репрессии прошли особенно массово, но вместе с тем меры наказания отличались своей мягкостью. Примечательно, что арестованные в этих регионах китайцы были отнесены территориальными органами УНКВД не к «харбинской» операции. На Дальнем Востоке начальник УНКВД Г.С. Люшков из-за многочисленности общины в крае пытался провести отдельную «китайскую» операцию, наряду с «польской», «немецкой» и др., а «альбомы» по Якутской АССР были составлены по приказу № 00693 от 23 октября 1937 г. (об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР), по телеграмме № 233 от 01.02.1938, а также на основании специального указания третьего отдела ГУГБ НКВД № 211004 от 21.09.1937 г. Однако по инициативе центрального аппарата НКВД СССР китайцы были отнесены к «харбинской» операции. Возможно, именно этим объясняется сравнительная мягкость вынесенных приговоров.

Китайцы на территории СССР проживали компактными общинами, которые в период Большого террора разрушались сотрудниками НКВД (УНКВД). Так, в Алтайском крае репрессивный удар пришелся на сложившиеся в первой половине 1930-х гг. колонии в г. Славгороде (артель «Восточный кулинар»), Барнауле (меланжевый комбинат), пригороде пос. Затон (судоремонтный завод), Камне-на-Оби (артель «Труд»), с. Родионо — (колхоз «Труженик Востока»), совхозе «Мартовский» Хабаровского района, промартели «Труд Китая», рабочем поселке Тальменка, Тальменском лесхозе, артели «Питание» с. Кулунда. Известно, что небольшая группа интернированных (до 50 чел.) была арестована в Тюменском¹ и Хабаровском² районах. В целом в Алтайском крае из 884 чел., осужденных по «харбинскому» приказу, 240 — китайцы, т.е. доля китайского населения от

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5561.

² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10972.

общего числа репрессированных по приказу № 00593 составила 30 %¹. Более половины были приговорены к расстрелу. Результатом массовых операций 1937–1938 гг. на Алтае стало полное уничтожение китайской диаспоры в крае.

В Новосибирской области было репрессировано 478 чел. При этом Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила приговоры в отношении 167 чел.², 55 из которых интернированные и ранее арестованные китайцы, сосланные в Нарым³, т.е. 7,5 % от числа всех прошедших по «харбинской» операции. Особая тройка в октябре–ноябре 1938 г. осудила еще 311 чел. (41 %), в том числе 74 заключенных Сиблага. Всего в регионе по приказу № 00593 прошло 2971 чел., в их числе 16 % приходится на китайское население.

В Красноярском крае «двойка» по приказу № 00593 вынесла приговоры в отношении 1026 чел., в том числе 323 — китайской национальности, которых осудила по первой категории. Доля китайцев в протоколах Комиссии НКВД и Прокурора СССР составила 31,5 %⁴. В докладных записках о сводных результатах массовых операций, подготовленных начальником УНКВД для наркома внутренних дел Н.И. Ежова, китайцы названы целевой группой «харбинского» приказа. Вероятно, данное обстоятельство означает, что аресты и осуждения этой этнической группы как «японских шпионов» проходили с санкции Москвы. Кроме того, уже к середине апреля 1938 г. в центральный аппарат НКВД чекисты Красноярского края сообщили, что в регионе осталось 150–200 китайцев⁵. Именно 150 человек было репрессировано к середине ноября 1938 г.⁶

В Украинской ССР Комиссия НКВД и Прокурора СССР осудила 642 чел.⁷, в том числе 132 китаец (21 %)⁸. Согласно отчету НКВД СССР, подготовленному к середине лета 1938 г., всего в УССР за период массовых операций карательные

¹ Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75–80.

² Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.

³ 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле / ред. кол.: А.В. Большакова, В.И. Марков, И.В. Родионова, Б.П. Тренин, Ю.Г. Удодов; сост. Б.П. Тренин. Томск; М., 2006. С. 428, 431.

⁴ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 43.

⁵ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95. Л. 54.

⁶ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 639.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 30–31.

⁸ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 240. Л. 57.

органы арестовали 134 китайца¹, т.е. подавляющее число (98,5 %) представителей этой этнической группы прошло по «харбинскому» приказу. Украинский пример иллюстрирует общую картину репрессивной политики в отношении китайцев в СССР.

Тенденция по массовым осуждениям китайского населения в рамках приказа № 00593 сохранялась и в других регионах СССР. Только 2 и 5 сентября 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР вынесла приговоры в отношении 424 китайцев, справки на которых были предоставлены Читинской областью, 259 – Иркутской областью, 67 – Московской областью, 60 – Тамбовской и т.д. Таким образом, репрессии против китайцев шли по всей территории СССР, однако на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири карательные операции носили тотальный характер.

Сотрудники НКВД строили групповые дела, искусственно создавая шпионские, диверсионные и контрреволюционные организации. Согласно докладной записке, в Красноярском крае с января по апрель 1938 г. сотрудниками НКВД было вскрыто 26 шпионско-диверсионных организаций и групп, состоявших из китайцев². В феврале 1938 г. в г. Колпашево Нарымский окружной отдел НКВД арестовал по статье «японский шпионаж» группу из 15 чел., в том числе 13 интернированных китайцев, размещенных здесь в первой половине 1930-х гг.³ Зимой–весной 1938 г. в Тюменцевском⁴ и Хабаровском⁵ районах Алтайского края были якобы ликвидированы организации из 27 и 10 интернированных соответственно. В феврале 1938 г. в Рухлове УНКВД по Читинской области сфабриковал дело о диверсионно-повстанческой организации китайцев-контрабандистов, по которому арестовали 144 чел., в апреле 1938 г. в Сретенске

¹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 31 (1951 г.). Д. 74. Л. 143–148.

² Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95. Л. 4.

³ 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле / ред. кол.: А.В. Большакова, В.И. Марков, И.В. Родионова, Б.П. Тренин, Ю.Г. Удодов; сост. Б.П. Тренин. Томск; М., 2006. С. 203–204, 217–220, 224–226.

⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5561.

⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10972.

была якобы ликвидирована еще одна группа из китайцев-перебежчиков, в которую входило 120 чел.¹, и т.д.

По так называемым сталинским расстрельным спискам проходили и представители советской китайской элиты, чьи дела рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР². К элите были причислены среди прочих часть сотрудников китайских консульств и диппредставительств. Так, подданный Китая, работавший курьером у военного атташе китайского посольства в Москве, был приговорен к расстрелу в апреле 1938 г. По предварительным данным, около 1 % этой этнической группы в 1937–1938 гг. было репрессировано судебным органом. Однако эта цифра нуждается в проверке и уточнении.

Статистика репрессированных китайцев по «харбинской» операции до сих пор не обнародована, однако проведенный автором анализ имеющихся «альбомных» справок по приказу № 00593 показал, что Комиссия НКВД и Прокурора СССР осудила около 14 тыс. чел. На рассмотрение Особой тройки было возвращено «альбомов» на 2054 китайца³. Всего в сентябре–ноябре 1938 г. региональные внесудебные инстанции приговорили 2248 китайцев к различным мерам наказания, т.е. доля осужденных представителей этой этнической группы по приказу № 00593 составила 31 %. В целом с октября 1937 г. по ноябрь 1938 г. по «харбинской» операции прошло около 16 тыс. чел., более 50 % были приговорены к расстрелу. Таким образом, китайская линия по численности жертв заняла второе место в статистике приказа № 00593 после «харбинской» (бывшие служащие КВЖД, реэмигранты из Китая, перебежчики).

На значительное сокращение диаспоры указывают данные переписи 1939 г., согласно которой китайцев в СССР проживало 32 023 чел., т.е. с момента последнего всесоюзного учета 1937 г. китайское население сократилось на 26 477 чел. Но утверждать, что такое количество было репрессировано, в том числе и депортировано в Синьцзян, нельзя, так как не исключены случаи бегства на родину в 1937–1938 гг. Тем не менее перепись 1939 г. иллюстрирует изменение

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10384. Л. 9–20.

² Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс]. URL: <http://stalin.memo.ru> (дата обращения 11.11.2017 г.).

³ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 2.

географии расселения китайцев в СССР и резкое сокращение их численности вследствие репрессий 1937–1938 гг. Основным местом проживания китайцев оставалась РСФСР, но население здесь сократилось с 57,4 тыс. до 22 тыс. Значительно увеличилась колония в Казахской (с 500 чел. до 5,1 тыс.), Украинской (со 126 чел. до 3,4 тыс.), а также в Узбекской (с 235 чел. до 451 чел.) и Белорусской (199 чел.) советских республиках, что стало следствием переселенческой политики. В ряде российских регионов прослеживалось сокращение китайского населения: в Читинской области (с 8127 до 6016 чел.), в Приморском крае (с 7196 до 351), в Бурят-Монгольской (с 2172 до 1498) и Якутской (с 2018 до 1377) АССР, в Иркутской области (с 1583 до 1185). А в Хабаровском крае, Московской и Ленинградской областях произошло увеличение их численности с 1609 до 5117 чел., с 695 до 1218 и со 189 до 378 чел. соответственно¹.

Таким образом, в ходе Большого террора в СССР органы НКВД в рамках «харбинской» операции проводили карательную акцию по очищению страны от китайского присутствия. В ходе репрессий к высшей мере наказания были приговорены от 50 до 80 % (в зависимости от региона) арестованных как «японские шпионы» китайцев. Особенно массово так называемые китайские операции прошли в регионе с их многочисленным проживанием. Органы УНКВД по ДВК проводили чистку как самостоятельную карательную акцию, но по инициативе центрального аппарата НКВД СССР «китайские» операции были включены в одну из самых масштабных по статистике НКВД СССР операций – «харбинскую». Особенностью репрессий в отношении китайского населения в Дальневосточном крае стала их массовость, сравнительная мягкость выносимых приговоров, а также темпы их проведения. По факту за три–пять дней было арестовано около 11 тыс. чел. (68,7 %). «Харбинская» операция на Дальнем Востоке заняла первое место в статистике «национальных» операций из-за осуждений лиц китайской национальности, хотя в общесоюзном масштабе по численности жертв репрессий данная линия стала третьей после «польской» и

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1992. С. 151.

«немецкой». Однако даже принятые меры не помогли в кратчайшие сроки очистить Дальний Восток от китайцев. Поэтому органы НКВД СССР параллельно с арестами проводили принудительные переселения. Депортация коснулась только дальневосточных китайцев, однако из приграничных регионов на протяжении 1930-х гг., особенно в 1937–1938 гг., их ссылали в административном порядке как «неблагонадежных». Западная Сибирь, Красноярский край, Московская область, Украинская, Казахская, Узбекская ССР стали территориями, принявшими ссыльных, однако здесь китайское население подверглось репрессиям со стороны местных карательных органов согласно инструкциям, спущенным из Москвы. Включение китайцев в рамки приказа № 00593 стало общесоюзной тенденцией, а не региональной особенностью. Особенно массово кампанию по очищению территорий провели Дальневосточный край, Якутская АССР, Иркутская, Читинская, Московская, Ленинградская, Свердловская, Новосибирская области, Красноярский и Алтайский края и др., т.е. регионы, где имелись многочисленные китайские общины. Карательная акция 1937–1938 гг. расширила географию расселения китайцев по территории СССР, при этом сократив диаспору почти вдвое. Поводом для репрессий в отношении представителей этой этнической группы выступала «связь с японским государством», однако истинные причины были связаны с социальными факторами. Китайское население не поддавалось процессам легализации в Советском государстве, находилось в стране временно, с целью заработка на правах перебежчиков. Поэтому репрессии 1937–1938 гг. – это попытка очистить СССР от нелегалов, а также противодействовать незаконному переходу советско-китайской границы. Еще одна причина арестов и осуждений заключалась в очищении дальневосточных территорий от массового китайского заселения. Поэтому карательные мероприятия 1937–1938 гг. в отношении китайцев не следует рассматривать как этническую чистку, так как главную роль в проведении репрессий играли социальные мотивы.

2.3 Корейцы

Массовая корейская миграция на российский Дальний Восток началась во второй половине XIX в., вызвана она была экономическими причинами. В отличие от китайцев, которые были очень мобильны и распространились по всей территории Российской империи, корейцы расселялись очень компактно, главным образом на юге Дальнего Востока, несмотря на то, что их община почти в три раза превышала китайскую. Согласно переписи населения 1937 г., в СССР проживало 172 тыс. корейцев¹.

Советская власть, получившая в наследство нерешенный корейский вопрос, пыталась урегулировать его при помощи кампаний по отселению корейцев с приграничных территорий и тотальной паспортизации корейского населения. Первое массовое отселение от границы корейцев, фактически японских подданных, провели в 1929–1930 гг., в результате чего из Владивостокского округа в Хабаровский переселился 3371 чел., по большей части добровольно². Однако из-за коллективизации и сопровождающей ее «кулацкой» ссылки этническая «зачистка» Дальнего Востока была отложена. В 1933–1934 гг. в СССР была проведена паспортизация населения с целью административного демографического учета и надзора. Административно-территориальные единицы делились на обычные и режимные. В последних население, отнесенное сотрудниками милиции или ОГПУ на основе имеющихся у них учетных данных к «неблагонадежным» и «социально опасным» элементам, не паспортизировалось, а выселялось за пределы режимных районов. К «отказникам» относили «лишенцев», бежавших из сельской местности «кулаков», перебежчиков, бывших царских офицеров и жандармов, бывших заключенных и ссыльных, советских работников японских концессий и др. Кампания по введению паспортной системы не обошла и корейцев, в том числе дальневосточных. В отличие от китайцев, которые находились в СССР только с целью заработка, корейцы были

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1991. С. 85–113.

² Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 191.

заинтересованы в том, чтобы остаться здесь на постоянное местожительство, поэтому охотно получали паспорта, меняя при этом японское подданство на советское. Однако около 56 тыс. чел., в том числе корейцев, были вынуждены покинуть Дальневосточный край¹. Таким образом, в ходе паспортизации Дальний Восток частично был освобожден от «неблагонадежных» и «социально опасных» элементов на фоне оккупации Северо-Восточного Китая Японией.

С этого времени население было подвергнуто тотальному оперативному учету, а дальнейшие постановления только усиливали уже введенный порядок. Кроме того, определился гражданско-правовой статус корейского населения. Основная часть имела советское гражданство, «отказникам», высланным с Дальнего Востока как «неблагонадежный элемент», был присвоен статус административно высланных. Их ряды в первой половине 1930-х гг. пополнили интернированные воинские части Китая, среди которых были корейцы. В связи с тем что к 1937 г. советская граница уже была закрыта и инфильтрация через границу закончилась, «нелегалов» (перебежчиков) из числа корейцев на территории СССР оставалось не много.

Июньская ориентировка 1933 г. заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова определила корейцев, наряду со служащими КВЖД, русскими эмигрантами в Китае, китайцами и др., как «японских шпионов»². С этого времени в отношении корейского населения органы ОГПУ начали проводить единичные репрессии. По обвинению в «японском шпионаже» в 1933 г. было задержано 213 чел., в 1934 г. – 104 чел.³

В апреле 1937 г., в рамках подготовки к проведению массовых репрессий 1937–1938 гг., в газете «Правда» была опубликована статья «Иностранный шпионаж на советском Дальнем Востоке», которая открыто называла корейцев

¹ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 191.

² ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1–21.

³ Сон Ж.Г. Российские корейцы: вселиие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М., 2013. С. 254–255.

(как и китайцев) «японскими шпионами» и призывала советское общество к борьбе с «иностранными агентами»¹.

В конце июля 1937 г. И.В. Сталин, назначая Г.С. Люшкова начальником НКВД по Дальневосточному краю, инструктировал его: «Война с Японией неизбежна; Дальний Восток, несомненно, станет ареной боевых действий. Необходимо очистить армию и тыл наиболее решительным способом от вражеских шпионов и прояпонских элементов. Япония имеет основу для шпионажа и подготовки восстания посредством корейцев и китайцев»². Именно с именем Г.С. Люшкова ассоциируются массовые репрессии 1937–1938 гг. на Дальнем Востоке. В регионе аресты и осуждения по основным «национальным» операциям не были массовыми: по «польской» репрессировали около 400 чел., по «харбинской» – около 450, а лиц, обвиняемых в «немецком» шпионаже, в крае не было выявлено. В то время как с целью очищения приграничных территорий в ДВК были проведены две крупные репрессивные кампании против корейцев и китайцев. При Люшкове в ходе депортационных кампаний с Дальнего Востока в Казахскую и Узбекскую ССР переселили около 172 тыс. корейцев, в Синьцзян – около 7 тыс. китайцев. Кроме того, еще около 11 тыс. китайцев были репрессированы в рамках так называемых китайских операций.

В рамках идущих массовых операций Большого террора на Дальнем Востоке с постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 г. начинается первая в СССР высылка по этническому признаку. Ее результатом стало переселение около 172 тыс. советских корейцев в Казахскую и Узбекскую ССР³. На подъеме депортационной кампании 19 сентября 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) подписывает приказ НКВД СССР № 00593. Как нам представляется, цели у депортации 1937 г. и

¹ Правда. 1937. 23 апреля.

² Сон Ж.Г. Региональные особенности массовых политических репрессий (на примере корейцев Дальнего Востока) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года. Материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 286–299.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 639.

начатой в сентябре 1937 г. «харбинской» операции были разные. Переселение осуществлялось по этническому признаку с целью очищения приграничных территорий от крупной корейской колонии, а «линейная» акция была направлена на физическое уничтожение определенных приказом целевых групп по признаку «связь с японским государством». Однако их связывает то, что зимой–весной 1938 г. часть депортированных корейцев в Казахской и Узбекской ССР репрессировали в рамках приказа № 00593.

Специального оперативного документа, запускающего карательную акцию против корейцев, не было. Целевыми категориями «национальных» операций они не были названы и в приказах НКВД СССР, вышедших в январе и апреле 1938 г., о продлении уже идущих «линейных» репрессий и о начале новых операций против «националов». Вероятно, из-за депортационной кампании, примененной к общине, компактно проживающей на юге Дальнего Востока, в ходе которой корейцы были тотально переселены из приграничных районов. В остальных регионах страны их численность не превышала нескольких десятков человек, а потому не представляла угрозы. Однако ярлык «японских шпионов», повешенный на представителей диаспоры, в ходе подготовке к «национальным» операциям в 1933–1937 гг. в регионах СССР определял корейцев как целевую категорию приказа № 00593. Решение о включении представителей этой национальности в «харбинскую» операцию исходило от начальников УНКВД (НКВД), которые при решении этого вопроса в первую очередь руководствовались численностью общины в подведомственной им территории.

Несмотря на депортацию корейцев с Дальнего Востока, в регионе представителей диаспоры арестовывали по обвинению в «японском шпионаже» как до кампании по переселению, так и после, позднее включив их в «альбомы» по китайской операции, направленные на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР весной 1938 г., которая провела их по приказу № 00593.

«Харбинская» операция как сложноорганизованная репрессия состояла из нескольких линий, выделяемых по признаку «связь с японским государством», а также на основании национальной и социальной принадлежности. Проведенный

автором анализ «альбомных» справок, составленных на корейцев до января 1938 г., показал, что в этот период арестам подвергались корейцы, родившиеся за пределами СССР, т.е. «связь с японским государством» на этом этапе проведения массовых операций выступала основанием для репрессий. Однако к весне 1938 г. «национальные» операции приобрели тенденцию этнизации. Именно в это время, когда в большинстве регионов лимиты по «кулацкой» операции были выполнены, карательные акции против «националов» становятся приоритетным направлением репрессивной политики. Центральный аппарат НКВД требовал отправки региональных «альбомов» по первой и второй категориям еженедельно, однако многие республиканские, краевые и областные НКВД уже репрессировали к этому времени всех, кому можно было предъявить обвинение за «связь с иностранным государством», поэтому репрессии стали проводить по этническому признаку, во многих случаях в делах и справках подтасовывали факты. Так, в Алтайском крае чекисты в материалах следствия указывали, что обвиняемые в «японском шпионаже» временно выезжали на территорию Японии или Китая. Однако проверка 1939–1941 гг. не подтвердила фактов выезда за пределы СССР¹.

В докладных записках о ходе «харбинской» операции, которые направлялись в центральный аппарат НКВД, чекисты сообщали, что корейцы (наряду с «харбинцами» и китайцами) являются основными «каналами проникновения японской агентуры» в СССР. По мнению карателей, японская разведка перебрасывала завербованных корейцев с территории Китая и Маньчжурии на Дальний Восток, где они ассимилировались. После этого переезжали для шпионской деятельности в регионы СССР, где действовали под прикрытием в специально созданных корейских рисовых колхозах, китайских прачечных, артелях по изготовлению игрушек, артелях грузчиков и т.д.² В записках определялись главные районы сосредоточения корейцев – «японских шпионов», в том числе Донбасс, Днепропетровская и Ростовская области, Краснодарский край, Средняя Азия. В этих и других регионах начались массовые

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6936.

² ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1 Д. 240. Л. 80–154.

аресты корейцев в январе–феврале 1938 г. с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности от 31 января 1938 г., которое не только активизировало идущие «национальные» операции, но и начинало новые – по «болгарской» и «македонской» линиям¹.

С февраля 1938 г. «национальные» карательные акции стали главным направлением в деятельности НКВД, сменив центральную для осени–зимы 1937 г. «кулацкую» операцию, а весной 1938 г. репрессии против «националов» развернулись особенно широко. Из показаний сотрудников УНКВД по Иркутской области Л.А. Комова и П.В. Турлова следует, что в феврале–марте «китайцев и корейцев арестовывали всех без исключения». «На них по городу Бодайбо (Иркутская область) делались облавы, устанавливали их квартиры, высылали людей на арест с установкой арестовать поголовно всех китайцев и корейцев»². Та же ситуация была и в других регионах страны. Так, в Красноярском крае из 187 чел., прошедших по «харбинскому» приказу к середине осени 1938 г., 174 чел. были арестованы в феврале–марте 1938 г.³ В Дальневосточном крае за февраль–март было арестовано 11 тыс. китайцев⁴.

К апрелю 1938 г. корейские и китайские операции были завершены, к маю 1938 г. следственные мероприятия окончены и «альбомы» отправлены на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР, которая вынесла окончательные приговоры только в августе–начале сентября 1938 г. Основные репрессии прошли в Казахской, Узбекской, Киргизской ССР, Якутской АССР, Красноярском и Краснодарском краях, Новосибирской, Ленинградской, Иркутской, Читинской, Ростовской областях и др. Проведенный автором анализ «альбомных» справок показал, что в южных и центральных регионах Советского Союза по приказу № 00593 были репрессированы корейцы – переселенцы с

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

² Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idf.ru/2/7/shtml> (дата обращения: 02.02.2018).

³ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 98. Л. 17–76.

⁴ Люшков Г.С. Я критикую социализм // Gehkan Roshia. Tokio, 1939. N 5.

Дальнего Востока, а на Урале, в Сибири и Средней Азии – преимущественно административно высланные из ДВК, в том числе интернированные¹.

На Донбассе, в Днепропетровской и Ростовской областях, Краснодарском крае, Крымской АССР арестам и осуждениям подвергали корейцев, занимающихся рисоводством. Так, в УССР по «харбинскому» приказу было репрессировано 25 корейцев (3 % от общего числа осужденных по приказу № 00593 в УССР), проживавших преимущественно в совхозах «Азоврис», «Донбассрис», «Укррис» и др.² Краснодарский край – регион, в котором «корейская» линия в «харбинской» операции преобладала. Комиссия НКВД и Прокурора СССР за ноябрь 1937 г. – февраль 1938 г. рассмотрела семь «альбомов» на 212 чел., из которых 115 – корейцы, преимущественно крестьяне, которые занимались рисоводством, т.е. их доля в рамках приказа № 00593 составила 54,2 %³.

В Алтайском крае один кореец прошел по сфабрикованному осенью 1937 г. барнаульскими и бийскими чекистами крупному делу «Сибирский союз Дальневосточников»⁴. В ноябре 1937 г. на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР был отправлен альбом по первой категории (ВМН) на 42 чел., только 5 чел. не были представителями корейской национальности. К сентябрю 1938 г. «двойка» вынесла приговоры в отношении 62 корейцев (10 %), все они, согласно следственным материалам, были выслены в первой половине 1930-х гг. с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы»⁵.

В первой половине 1930-х гг. советско-китайскую границу перешли разбитые китайские воинские части, которые в СССР были интернированы и отправлены в Западную и Восточную Сибирь. Среди военных китайской армии были и представители корейской национальности. Нам известно, что до 200 корейцев было отправлено на работу в Черногорские каменноугольные шахты в

¹ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 11709–10441.

² ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 240. Л. 80–154.

³ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828–9874.

⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5858.

⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 384–422.

Красноярском крае¹, а к 5 марта 1938 г., согласно телеграфному сообщению УНКВД по Красноярскому краю, 136 интернированных корейцев включили в «альбомы» по приказу № 00593². В целом в регионе по «харбинскому» приказу к середине сентября 1938 г. было осуждено 187 чел. (18 %), главным образом, из числа административно высланных³.

В Новосибирской области Особая тройка по «харбинскому» приказу рассмотрела 756 дел, из них 153 – составлены на корейцев (20 %). При этом 74 чел., приговоренные к расстрелу, были заключенными Сиблага, осужденными в первой половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке за «японский шпионаж» на различные сроки лагерного заключения⁴.

Казахская ССР до февраля 1938 г. представила на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР семь «альбомов» по «харбинской» операции на 82 чел., в том числе на 10 корейцев, т.е. репрессии по приказу № 00593 в республике не были массовыми. Арестованные корейцы в прошлом были высланы с Дальнего Востока как «неблагонадежные элементы». Однако с февраля 1938 г., когда «национальные» операции были активизированы с новой силой, количество обвиняемых в «японском шпионаже» резко увеличилось. Способствовал росту арестов и новый нарком внутренних дел КазССР С.Ф. Реденс. С февраля до сентября 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела «альбомные» справки, предоставленные КазССР, по приказу № 00593 на 634 чел., из них 220 были составлены на корейцев (34 %). Не рассмотренные Комиссией НКВД и Прокурора СССР «альбомы» на 1935 чел. были отправлены в сентябре 1938 г. на рассмотрение Особой тройки. Есть все основания полагать, что вернувшиеся списки были составлены преимущественно на корейцев и уйгур. Однако этот тезис нуждается в проверке. Проведенный нами анализ «альбомных» справок показал, что из 220 чел. – 170 чел. арестовывались в первой половине 1930-х гг. в Дальневосточном крае как «японские шпионы» и были высланы в Казахскую ССР

¹ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 1. Л. 1.

² Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 98. Л. 44.

³ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 1. Л. 1.

⁴ Протоколы Особой тройки по Новосибирской области. Сентябрь–ноябрь 1938 г. // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.

как «неблагонадежные элементы», а 50 чел. – депортированы в 1937 г., т.е. в ходе Большого террора они были дважды репрессированы.

К настоящему времени численность репрессированных корейцев по «харбинской» операции, осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР, не введена в научный оборот. Корейцы, наряду с бывшими служащими КВЖД, реэмигрантами из Китая, китайцами и др., подвергались арестам и осуждениям как «японские шпионы» уже на начальной стадии проведения «харбинской» карательной акции. К концу февраля 1938 г., согласно отчету НКВД СССР, по «харбинской» операции было арестовано 19 465 чел., из них 1868 чел. – корейцы (9,5 %). Основные задержания прошли в ДВК (1030 чел.), Новосибирской (161 чел.) и Свердловской (120 чел.) областях, Казахской ССР (112 чел.), Краснодарском (97 чел.) и Алтайском (58 чел.) краях, Читинской (58 чел.), Ленинградской (53 чел.), Иркутской (26 чел.), Московской (20 чел.), Омской (19 чел.), Челябинской (12 чел.), Ярославской (6 чел.) областях, Чечено-Ингушской (18 чел.) и Татарской (2 чел.) АССР¹. На основании «альбомных» справок и протоколов по приказу № 00593 нами было выявлено около 5 тыс. приговоренных к различным мерам наказания корейцев, при этом около 95 % были приговорены к ВМН, остальные – к лагерному заключению. Однако для Якутской АССР, где «корейская» линия по численности репрессированных в рамках приказа № 00593 уступает только «китайской», были утверждены относительно мягкие приговоры. Корейцы-перебежчики, которых здесь было арестовано 51 чел., были осуждены на лагерное заключение сроком на десять лет. Наиболее суровые наказания были применены к корейцам в Ленинградской, Московской, Иркутской областях, Казахской ССР, где доля расстрельных приговоров достигала 100 %.

В сентябре 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР прекратила свою работу, вернув нерассмотренные «альбомы» в регионы на утверждение Особым тройкам. По «харбинской» операции было возвращено 13 909 справок². Согласно отчету НКВД СССР о национальном составе осужденных, подготовленному

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 33–35.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 42.

пятым отделением к 15 ноября 1938 г., с середины сентября до середины ноября 1938 г. тройки осудили 2103 корейцев, при этом 2054 чел. прошли по «харбинскому» приказу¹. Эти данные еще раз подтверждают, что в рамках приказа № 00593 была проведена масштабная «корейская» линия. Если до сентября 1938 г. по численности жертв она уступала «китайской», то за два последних месяца Большого террора ситуация поменялась.

Чистка корейского населения в период Большого террора осуществлялась в рамках приказа № 00447, в ходе репрессий против советской элиты, а также по другим «национальным» операциям. Так, за сентябрь–ноябрь 1938 г. по «польской» линии прошло 2 корейца, «немецкой» – 4, «китайской» – 37², по «кулацкой» операции – 124³. Однако аресты и осуждения по указанным массовым операциям были единичны, масштабная же карательная акция против представителей этой этнической группы была реализована в «харбинской» операции.

Таким образом, в ходе «харбинской» операции арестам подвергались корейцы, репрессированные в первой половине 1930-х гг. Однако теперь приговоры главным образом выносились в пользу смертной казни. С октября 1937 г. по ноябрь 1938 г. в рамках «харбинской» операции было репрессировано около 5 тыс. чел., что составило около 14 % от общего числа осужденных по приказу № 00593. При этом главным поводом для чисток выступала не национальная принадлежность, а наличие репрессий в прошлом. Депортация была проведена по этническому признаку с целью очищения Дальнего Востока от крупной общины, при этом она сопровождалась «зачисткой» региона от наиболее «опасных» корейцев, обвиненных в «японском шпионаже». Такая «зачистка» коснулась депортантов в Казахской ССР. Нам представляется, что инициатива по проведению репрессий по приказу № 00593 против корейцев в ДВК и Казахской ССР исходила от начальника УНКВД Г.С. Люшкова и наркома внутренних дел КССР С.Ф. Реденса, которые таким образом увеличивали масштабы репрессий на

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 2.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 2.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. М., 1999–2006. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. С. 163.

подведомственных им территориях. В целом включение ранее репрессированных корейцев в приказ № 00593 было общесоюзной тенденцией. Массовость репрессий зависела от численности «опасных» элементов в регионах. С особой жестокостью карательные акции проходили на приграничных территориях, которые, по мнению руководства СССР, были наиболее уязвимы для появления пятой колонны.

2.4 Другие

Проведенный нами анализ решений внесудебных инстанций по приказу № 00593 показал, что по статье «японский шпионаж» органы НКВД осудили более широкие группы населения, чем предполагалось в сентябре 1937 г. Исходя из этого представляется логичным выделение репрессивных линий (или направлений) «харбинской» операции, каждая из которых была направлена на определенную целевую категорию. Помимо карательных подопераций приказа № 00593, проводившихся в общесоюзном масштабе («харбинская», «китайская», «корейская»), отдельные территориальные органы НКВД увеличивали масштаб репрессий за счет «неблагонадежных» групп населения, к которым относили административно высланных, «бывших», работников консульств, перебежчиков и т.д. Для карательных органов, проводивших репрессии, социальный статус выступал главной причиной ареста.

В приказе № 00593 и закрытом письме к нему о репрессиях в отношении других целевых категорий не упоминалось. Оперативные документы были направлены исключительно на бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая. В закрытом письме, в котором иллюстрировались примеры шпионской, подрывной, террористической и другой деятельности «японских шпионов» из числа «харбинцев», не было описано ни одного случая с участием китайцев, корейцев и т.д. Кроме того, массовые репрессии в отношении «неблагонадежных» групп населения во всех регионах СССР стартуют с весны 1938 г. Все указывает на то, что в это время территориальными органами НКВД была получена

инструкция по расширению целевых категорий приказа № 00593. С весны 1938 г. арестам в рамках «харбинской» операции подверглись не только китайцы и корейцы, но и работники посольств, консульств, диппредставительств (в документах НКВД СССР они значились как «посольские связи»), так называемые дальневосточники (административно высланные с Дальнего Востока), «бывшие» (кулаки, казаки, лишенцы и др.), «монголисты» (этапированные и депортированные из Монголии), «тувинцы» (этапированные и депортированные из ТНР), уйгуры (нелегально перешедшие советско-китайскую границу), японцы. Однако репрессии в отношении этих целевых категорий не были общесоюзными, а носили региональный характер.

В конце октября 1937 г., после начала проведения первых «национальных» операций, территориальные карательные органы получили очередной оперативный приказ НКВД СССР № 00698, направленный на репрессии в отношении служащих диппредставительств Германии, Японии, Италии и Польши¹. Приказ не разъяснял механизмы осуждения этой категории населения. Отсутствие единства в порядке осуждения стало следствием того, что до февраля 1938 г. лицам, репрессированным по «консульским связям», приговоры выносили Военная коллегия Верховного суда СССР и Комиссия НКВД и Прокурора СССР². Только очередная директива НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. назвала «консульские связи» контингентами соответствующих «национальных» операций³. Таким образом, работники диппредставительств стали одной из целевых категорий «национальных» операций. В рамках «харбинской» карательной акции осуждениям подвергались работники посольств, консульств Китая, Японии, Маньчжоу-Го⁴.

Репрессивные мероприятия в отношении работников посольств, консульств, диппредставительств Японии, реже Китая, стартовали с июня 1933 г., когда эти категории населения были отнесены к подозреваемым в «японском шпионаже».

¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 10. Л. 81–82.

² Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии. М., 2011. С. 21–36.

³ Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>, свободный (дата обращения: 02.10.2016).

⁴ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 280. Л. 39–40.

Однако оперативные материалы на эти органы собирались сотрудниками ОГПУ–НКВД с 1926 г. Так, в Киеве в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины хранится трехтомное дело по японскому консульству в Одессе¹. Репрессии сопровождались закрытием ряда консульских учреждений в регионах СССР. Японские консульства были закрыты в Новосибирске и Одессе, китайские – в Иркутске и Новосибирске. В Чите и Благовещенске продолжали работать консульства Маньчжоу-Го, в Хабаровске и Владивостоке, Ленинграде – Японии. В Москве действовало посольство Японии. Репрессии прошли в регионах, где функционировали диппредставительства Японии, Китая, Маньчжоу-Го. «Консульскую» линию выделяли как региональные карательные органы, так и центральный аппарат, что следует из статистических отчетов НКВД СССР и докладных записок на имя Н.И. Ежова. К концу февраля 1938 г., согласно сведениям пятого отделения восьмого отдела ГУГБ НКВД, по консульским и посольским связям было арестовано 1526 чел., что составило 7 % от общего числа осужденных по «харбинской» операции. Основные репрессии прошли в ДВК (655 чел.), Новосибирской (370 чел.), Московской (150 чел.), Читинской (122 чел.), Одесской (72 чел.), Ленинградской (40 чел.) областях. Дополнительно третьим отделом ГУГБ НКВД было арестовано 77 чел.²

По «консульским и посольским связям» арестовывались все, кто имел прямые или косвенные отношения с дипломатическими учреждениями Японии, Маньчжоу-Го, Китая в СССР. В следственных материалах послы и консулы были определены главными агентами японской разведки, через которых координировалась и осуществлялась «шпионская» работа. Кроме того, по мнению карательных органов, именно они проводили «вербовку» китайцев и корейцев. Дела на арестованных по «консульским связям» не отличаются от дел, заводившихся на другие целевые категории приказа № 00593. В 90 % случаев – это коллективные дела на группу работников определенного диппредставительства. В «альбомных» справках,

¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 418 (в 3 т.).

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 63–64.

направляемых в Москву, обязательно указывались место работы и должность бывших сотрудников консульских учреждений.

Еще одной категорией, попавшей под действие приказа № 00593, стали так называемые дальневосточники – русскоязычное население, высланное в административном порядке с Дальнего Востока в 1930-е гг. Депортации подверглись бывшие белогвардейцы, работники японских концессий, а также китайцы и корейцы. Именно депортированные с Дальнего Востока белогвардейцы и бывшие работники японских концессий проходили в следственных делах как «дальневосточники». В некоторых случаях репрессии проводились на основании проживания и/или рождения в Дальневосточном крае. Интересен тот факт, что арестам подвергли только бывших служащих японских концессий, русскоязычное население, продолжающее работать на концессиях, репрессии обошли.

Особенно массово чистки против «дальневосточников» прошли в Алтайском крае, Новосибирской, Омской, Свердловской областях, Казахстане. На Алтае, еще до выхода оперативного приказа № 00593, летом 1937 г. сотрудниками Барнаульского и Бийского районных отделов УНКВД было сфабриковано дело «Сибирский союз Дальневосточников», лидерами которого были определены «дальневосточники», высланные из ДВК за работу на японских концессиях¹.

К «дальневосточникам» в сентябре 1937 г. – ноябре 1938 г. была применена повторная репрессия. Традиционно мера наказания для них была predetermined. В 100 % случаев Комиссия НКВД и Прокурора СССР, а затем и Особые тройки утверждали для них расстрельные приговоры. Поэтому чистка «дальневосточников», как нам представляется, также была вызвана социальными причинами – ликвидация «неблагонадежного» и «социально опасного» элемента. Одной из целей «харбинской» операции как массовой карательной акции Большого террора стало уничтожение групп населения, в отношении которых ранее применялись репрессивные меры.

В ходе проведения «харбинской» операции карательные органы репрессировали так называемых монголистов и тувинцев. К этой категории

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5858 (в 3 т.).

относились этапированные военнопленные белогвардейцы, насильно возвращенные русскоязычные эмигранты, высланные из МНР и ТНР как «контрреволюционные элементы», перебежчики. Монголия и Тува, хоть и были отдельными государствами, находились под сильным влиянием СССР. Так Большой террор затронул и Монгольскую Республику, где действовали структуры НКВД СССР во главе с одним из главных организаторов М.П. Фриновским. В сентябре 1937 г. в МНР была организована специальная тройка, по типу «кулацкой» тройки в Советском Союзе. Многие «монголисты» попали под репрессии в 1920-е – первой половине 1930-х гг., однако особенно широко чистка против них развернулась в годы Большого террора. В оперативных материалах 1937–1938 гг. по «харбинской» операции указывалось, что «монголисты» (иногда «монголеры») и «тувинцы» – это русскоязычное население, ранее проживающее в Монголии и Туве. По мнению карательных органов, японская разведка использовала высланных из МНР и ТНР в качестве «шпионов», при этом при составлении следственных дел чекистов мало интересовал тот факт, что доминирующая часть так называемых монголистов и тувинцев не по своей воле въехала на территорию СССР. Общая статистика репрессируемых «монголистов» и «тувинцев» нам неизвестна, только для некоторых регионов мы можем привести цифровые данные. На Алтае из 884 чел., осужденных по приказу № 00593, 50 чел. (5,6 %) были связаны с Монголией. При этом около половины из этого числа – русские белогвардейцы (бывшие участники отряда Кайгородова), еще часть – китайцы, а оставшиеся из этого количества – монголы и буряты¹. В Красноярском крае с начала января по середину июля 1938 г. было сфабриковано четыре дела о шпионско-диверсионных группах из числа «монголистов» и «тувинцев». По этим делам прошло 125 чел., в том числе 117 чел. ранее проживали в ТНР, 8 чел. – в Монголии². Все они были приговорены к высшей мере наказания. К середине ноября 1938 г. было арестовано еще 420 «тувинцев» и 300 «монголистов». Репрессиям подверглись участники отрядов Унгерна и

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 384–422.

² Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95.

Бологова, а также высланные из ТНР как «неблагонадежные элементы»¹. Известно, что чистка в отношении русских эмигрантов, высланных из Монголии, проводилась в Новосибирской² и Читинской³ областях.

В регионах, куда на протяжении первой половины 1930-х гг. высылали раскулаченных крестьян, казаков, «неблагонадежных элементов» и др., где присутствие «бывших людей» было особенно многочисленным, категории, определенные приказом № 00447, а именно «недобитые» кулаки, бывшие помещики, царские чиновники, белые офицеры, «церковники», эсеры, меньшевики, уголовники-рецидивисты и т.д., включали в «харбинскую» карательную акцию. Включение «бывших» в рамки приказа № 00593 происходило повсеместно, но особенно масштабно в Красноярском крае, Иркутской, Читинской, Свердловской областях, Казахской ССР.

В Красноярском крае Особая тройка с октября по середину ноября 1938 г. рассматривала дела на крестьян и казаков, сосланных сюда в первой половине 1930-х гг. В апреле 1938 г. ссыльные крестьяне и казаки были названы «агентами японской разведки»⁴. Возможно, включение так называемых кулаков-казаков в рамки приказа № 00593 было способом обойти лимиты по приказу № 00447. Тем более что уже в июне 1938 г. тройка по «кулацкой» операции выполнила лимиты, а новых Москва не утверждала. В Красноярском крае по «харбинской» операции было арестовано 575 (33 %) крестьян и казаков, треть из которых была осуждена Особой тройкой.

С середины апреля до августа 1938 г. УНКВД по Красноярскому краю преимущественно по «харбинской» операции арестовывали контингенты приказа № 00447. За этот период, согласно докладной записке на имя Н.И. Ежова, было ликвидировано восемь крупных контрреволюционных групп, пять из которых состояли из «бывших людей». На паровозоремонтном и стекольном заводе, в «Союззолото», мельничной, деревообделочной и транспортной промышленности

¹ Протоколы Особой тройки по приказу № 00593 // Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9.

² Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР и Особой тройки по Новосибирской области по приказу № 00593 // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.

³ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 11709.

⁴ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95. Л. 5.

было арестовано 63 чел. из числа белогвардейцев (32 чел.), карателей (7 чел.), кулаков и бывших торговцев (19 чел.), помещиков и дворян (2 чел.) и др. Дела о шпионско-повстанческих кулацких группах были сфабрикованы в совхозе «Солонцы» и Красногорском совхозе – 22 и 30 арестованных соответственно. Еще в одну группу, якобы ликвидированную на лесозаводах в Больше-Муртинском районе, входили казаки армии Семенова, высланные из Забайкалья (11 чел.) и кулаки (7 чел.)¹.

По похожему сценарию ситуация развивалась в Читинской, Свердловской областях, Казахской ССР. В Свердловской области по «харбинской» операции массово прошли трудпоселенцы, в Читинской – амурские казаки, «белокаратели», кулаки, в Казахстане – казаки, высланные сюда в первой половине 1930-х гг. Общую статистику включения «бывших людей» в рамки приказа № 00593 мы пока не можем привести даже по регионам, так как у нас нет достаточного количества источников, в том числе протоколов Особой тройки.

Еще одной целевой категорией приказа № 00593 стали уйгуры – нелегально перешедшие советско-китайскую границу в первой половине 1930-х гг. Следует отметить, что в отличие от работников диппредставительств, «дальневосточников», «бывших», «монголистов», «тувинцев» уйгуры не были гражданами Советского Союза, они продолжали оставаться подданными Китая, отказавшись от получения паспортов. Для органов НКВД в период Большого террора национальность уйгур не играла определяющей роли для проведения арестов, поводом для преследований стал их социальный статус, а именно статус перебежчиков.

Репрессии против уйгур по приказу № 00593 прошли в Киргизской и Казахской ССР. Чистка проводилась преимущественно среди выходцев Кашгара – территория Западного Китая. Объясняется это тем, что еще весной 1937 г. здесь вспыхнуло восстание против вмешательства СССР в дела региона, которое удалось подавить при участии Советского Союза только к февралю 1938 г. С

¹ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 709.

этого времени начинаются аресты уйгуров, что заметно увеличило численность репрессированных по приказу № 00593 в Киргизии и Казахстане.

В Киргизии до весны 1938 г. по «харбинской» операции прошло 12 чел. Однако к августу 1938 г. по приказу № 00593 карательные органы арестовали 530 чел., из них 466 – уйгуры. Остальные киргизы (40 чел.), китайцы (15 чел.), корейцы (2 чел.), русские (3 чел.), дунгане (2 чел.), узбеки (1 чел.), афганцы (1 чел.)¹. Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила репрессивные решения на уйгуров 5 сентября 1938 г., т.е. в последний день своей работы. Приговоры были сравнительно мягкими: 150 чел. (32 %) получили высшую меру наказания, 316 чел. (68 %) – 5–10 лет исправительно-трудовых лагерей. Таким образом, в Киргизской ССР в статистике приказа № 00593 доминировала уйгурская линия, по которой прошло 86 % от общего количества арестованных по «японской» операции.

В Казахстане по «харбинской» карательной акции прошло 716 чел., в том числе 230 корейцев и 250 уйгур². Приговоры Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила в отношении этих категорий в последний день своей работы, т.е. 5 сентября 1938 г. В Казахстане приговоры в отношении этих лиц были суровее, чем в Киргизии: 90 % были приговорены к смертной казни. Так же как и в Киргизской ССР, здесь доминировала «уйгурская» линия.

Согласно следственным материалам, арестованные уйгуры являлись китайскими перебежчиками из Синьцзяна, обвиненными в антисоветской, шпионской, диверсионной и повстанческой деятельности. Территориальные органы НКВД в «альбомах», отправлявшихся на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР, так же как в случае с дальневосточными китайцами, указывали не приказ № 00593, а приказ № 00485 (имелся в виду порядок осуждения, установленный «польской» операцией) на шпионов, повстанцев и антисоветчиков. Инициатива включения уйгур в «харбинскую» операцию исходила от Москвы. В ситуации форсированного рассмотрения накопленных

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10392, 10434, 10441.

² Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10393, 10426.

справок центральный аппарат НКВД всех, кто не вписывался в рамки существующих «национальных» карательных акций, но имел прямое или косвенное отношение к Японии, вписывал в приказ № 00593.

С сентября по ноябрь 1938 г. Особыми тройками было осуждено 1056 уйгур, в том числе 181 чел. прошли по «английскому шпионажу»¹. Точная статистика вынесенных приговоров по республикам нам неизвестна. Однако основная часть карательных решений в отношении уйгур была вынесена в Казахской ССР, так как здесь Особая тройка за два месяца рассмотрела 1937 «альбомных» справок², что почти в три раза больше, чем утвердила «двойка» за год своей работы.

Еще одной целевой категорией приказа № 00593 стали этнические японцы. Особые тройки осудили 7 чел. – представителей этой национальности, все прошли по приказу № 00593³. Статистика японцев, осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР, отсутствует. На основании «альбомных» справок можно сделать вывод о том, что репрессии в отношении этой этнической группы были единичны. Карательная акция затронула японцев, проживавших в Московской, Новосибирской областях, Дальневосточном крае. Репрессиям подверглись участники Коммунистической партии Японии, покинувшие страну ученые, политические беженцы с Хоккайдо и Сахалина, рыбаки и моряки, обосновавшиеся в дальневосточных городах. По данным «Мемориала», в годы Большого террора в СССР было осуждено около 100 японцев, однако эти данные занижены. На основании «альбомных» справок можно говорить приблизительно о 300 чел., репрессированных в рамках приказа № 00593⁴. Преследования в отношении японцев в СССР не могли достичь масштабов «немецкой» операции периода Большого террора, главным образом потому, что в Советском Союзе отсутствовала многочисленная японская диаспора. Репрессии по приказу № 00593 коснулись граждан СССР. Приговоры подданным Японии выносила ВКВС, но следует отметить, что здесь советское руководство действовало очень осторожно.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 2.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 42.

³ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 42.

⁴ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9875–10444.

Так, на протяжении 1937–1938 гг. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопросы об изменении смертных приговоров в отношении японцев¹.

Таким образом, помимо общесоюзных карательных акций территориальные органы НКВД в рамках приказа № 00593 проводили региональные подоперации (или линии). Проведение репрессий в отношении «дальневосточников», «монголистов», «тувинцев», «бывших», уйгур, японцев предопределялось наличием «неблагонадежных» групп населения в регионе. Чистки против уйгуров и японцев нельзя назвать этническими, так как главным поводом репрессий выступал их социальный статус, а именно статус перебежчиков и политэмигрантов. Репрессии против «дальневосточников», «бывших», «монголистов», «тувинцев» не были первичными, однако в отличие от более ранних преследований террор 1937–1938 гг. носил тотальный характер – по отношению к ним была применена высшая мера наказания. Региональные подоперации приказа № 00593 не были массовыми в отличие от общесоюзных линий. Их доля от общего числа репрессированных по «харбинской» операции составила около 7 %, в том числе по приказу № 00593 прошло около 1,5 % уйгур, около 1,5 % «дальневосточников», около 1 % «монголистов» и «тувинцев», около 1,5 % «бывших», около 1 % работников диппредставительств и около 0,5 % японцев.

В целом особенности «харбинской» операции проявились именно в ходе ее проведения, а именно в отборе целевых категорий. Ликвидация «японских» шпионов, наряду с «польскими» и «немецкими», стала главным направлением карательной политики советского руководства еще до начала Большого террора. В период 1937–1938 гг. борьба приняла массовый характер. «Японскими» шпионами были названы не представители японской национальности, так как только единицы проживали в СССР, а «харбинцы». Именно в этом проявилось первое отличие «харбинской» карательной акции. Вторая особенность состоит в широко представленных целевых категориях репрессии. Преследования затронули «КВЖДинцев», реэмигрантов из Китая, китайцев, корейцев, уйгур,

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 182.

японцев, «монголистов», «тувинцев», «бывших», «дальневосточников», работников диппредставительств. Объединяет эти целевые категории не только «связь с японским государством», но и их социальный статус: все они относились к «неблагонадежным» группам населения. Еще одной особенностью «харбинской» операции стало включение в рамки приказа № 00593 «КВЖДинцев», репрессии в отношении них предопределялись местом работы. Кроме того, эта категория населения, эвакуированная советским правительством в 1935 г. из Маньчжоу-Го, легально проживала на территории СССР и занимала высокие посты в промышленности, НКВД, Красной армии, т.е. относилась к элите советского общества, в отличие от остальных, которые, по мнению НКВД, представляли «низовку». Репрессии против китайцев, корейцев и уйгур проводили и по другим массовым операциям, однако доминирующая часть (около 90 %) была обвинена в «японском шпионаже». Почти половина репрессированных по приказу № 00593 приходится на национальные группы, что также указывает на то, что «харбинскую» операцию следует рассматривать в числе «национальных». «Харбинская» операция стала единственной карательной акцией, внутри которой реализовывались общесоюзные и региональные подоперации. Из серии «национальных» она теснее других связана с «кулацкой» и «РОВСовской», так как в Сибири и на Урале большой процент репрессированных по приказу № 00593 приходится на «бывших». Несмотря на то, что процент осужденных «инонационалов» в рамках «линейных» карательных акций высок, их нельзя назвать этническими чистками. Только с весны 1938 г. появляется тенденция этнизации сталинизма. Причиной проведения «национальных» операций являлось уничтожение пятой колоны, вследствие этого поводом для репрессий выступала «связь с границей». Поэтому преследованиям подверглись перебежчики, реэмигранты, политэмигранты, этапированные и т.д., т.е. те категории населения, которые проживали в иностранных государствах. «Национальные» операции почти не затронули иностранных подданных. Комиссия НКВД и Прокурора СССР в единичных случаях выносила решения в отношении граждан других стран, а Особые тройки вообще не имели на это

право. Приговоры в отношении иностранных подданных разбирались на Политбюро ЦК ВКП(б) и, как правило, право на вынесение приговора имела Военная коллегия Верховного суда СССР.

Глава 3 Масштабы репрессий

3.1 Динамика арестов и вынесения приговоров по приказу № 00593

Статистическим данным о ходе «национальных» операций Центральный аппарат НКВД уделял значительное внимание. Количество арестованных стало главным показателем работы НКВД. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов требовал с территориальных карательных органов пятидневные отчеты. В них сообщалось число арестованных в течение последних пяти дней и с начала карательных акций. На основании пятидневных шифртелеграмм в центральном аппарате НКВД оформлялась еженедельная итоговая таблица, где указывалось количество арестованных в рамках «национальных» карательных акций по регионам. Посылаемые на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР «альбомы» также имели функции отчетности по завершенным следственным делам, а значит, показывали интенсивность работы территориальных карательных органов. Кроме того, региональные НКВД за весь период проведения «национальных» операций несколько раз подготавливали сводные докладные записки о результатах карательных акций по приказам № 00439, 00447, 00485, 00593 и т.д. Установлено, что такие отчеты готовились к середине января, апреля, июля, сентября и ноября 1938 г.¹, т.е. с интервалом в три месяца, а в конце периода террора – в два месяца.

«Национальные» операции, согласно первым оперативным приказам, должны были продлиться три месяца, т.е. закончиться приблизительно к концу декабря 1937 г. Возможно, исходя из этого обстоятельства, и была установлена квартальная форма отчетности. Однако в начале ноября 1937 г. карательные органы в республиках, краях и областях получили директиву наркома внутренних дел СССР № 49721, в которой он сообщал о низком темпе репрессий в отношении «антисоветских элементов», национальных меньшинств и жен изменников Родины в ряде областей. Н.И. Ежов предписывал форсировать проведение всех операций и завершить их к 10 декабря 1937 г. К этому времени территориальным

¹ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95; Ф. 9. Д. 709–710.

чекистам следовало провести все аресты, закончить следствие и рассмотреть все дела. К 15 декабря 1937 г. территориальным органам НКВД предписывалось предоставить докладную записку о результатах массовых операций¹. Однако уже 11 декабря 1937 г. Н.И. Ежов подведомственным подразделениям республик, краев и областей направил новую директиву № 50194. Репрессии продлевались до 1 января 1938 г., а отчеты должны были оказаться на столе наркома внутренних дел не позднее 15 января². В этих отчетах Н.И. Ежов требовал обзора всех операций, в том числе «харбинской».

Докладные записки о результатах массовых операций из всех регионов СССР однотипны, т.е. составлены по заданной форме, так же как «альбомные» справки, протоколы, сопроводительные письма и т.д. Поступавшие в центральный аппарат НКВД отчеты содержали сведения об итогах выполнения приказов № 00439, 00447, 00485, 00593 и т.д., а также данные о результатах оперативной работы по разгрому различных антисоветских формирований³.

В таких отчетах карательные органы представили итоги большей части своей карательной деятельности отдельно по операциям, включая репрессии в отношении элит⁴. Докладные записки подписывали начальники НКВД республик, краев и областей, а затем посылали Н.И. Ежову. Отчеты включают в себя обширную статистику, которая сопровождается описанием конкретных примеров осуждения отдельных лиц, групп и организаций с изложением обстоятельств дела и обоснованием приговоров. Территориальные карательные органы в сводках указывали количество арестованных и осужденных за период с начала репрессий, всегда также отмечалось число осужденных по первой и второй категории. Во всех отчетах приводятся также данные о разбивке осужденных по целевым группам (кулаки, белые, чиновники царских карательных органов, члены

¹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 147. Л. 237–238.

² Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. М., 2010. Т. 1: 1937 г. С. 178–179.

³ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95. Л. 6–192.

⁴ ОГА СБУ. Ф. 42. Д. 33.

религиозных общин, приверженцы бывших социалистических партий, националисты и уголовники), также поделенные на первую и вторую категории¹.

Помимо отчетов, готовившихся в регионах, центральный аппарат НКВД СССР, а именно пятое отделение восьмого отдела, еженедельно составлял сводные таблицы по итогам «национальных» операций. На каждую карательную акцию формировалась таблица с указанием общего числа осужденных, приговоренных к расстрелу, к 10, 8, 5 годам лагерного заключения, ссылке, высылке из СССР, к передаче дел на следствие, на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, Военного трибунала, судов. Цифровые данные были представлены отдельно для республик, областей, краев. В конце таблицы приводилась итоговая цифра осужденных за прошедший период. Вероятно, подобного рода таблицы составлялись на основании протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Некоторые отчеты подписывал С.И. Кремнев, который заверял направляемые в регионы копии внесудебных решений². Определенный недостаток такого количества сводок заключается в том, что они показывают только промежуточный этап репрессий, на их основании можно проследить динамику арестов и вынесения приговоров. Однако в нашем распоряжении оказались не все отчетные таблицы, а только часть из них. По имеющимся данным нельзя представить полную картину хода террора.

Итоговый отчет по «национальным» операциям, подготовленный центральным аппаратом НКВД, датируется серединой ноября 1938 г. Он содержит результаты оперативной работы всего аппарата НКВД, включая и региональные подразделения, с 25 июля 1937 г., с выхода приказа № 00439, по 15 ноября 1938 г. Данные отчета показывают масштабы репрессий по всем «линейным» карательным акциям. Однако его сведения не отражают динамики арестов и вынесения приговоров внесудебными инстанциями. Поэтому наиболее полные статистические данные о «харбинской» операции можно получить при обработке протоколов внесудебных инстанций.

¹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 222–273.

² ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1.

На основании 590 протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР по «харбинской» операции нами была создана электронная база данных с использованием программы Microsoft Excel, входящей в стандартный набор прикладных программ пакета Microsoft Office. Всего в базе 20 полей, 18 из которых охватывают данные, содержащиеся в каждом протоколе, в их числе номер протокола, дата утверждения, территориальный орган НКВД или ДТО, представивший «альбом», республика, город, всего включенных в список протокола, из них приговоренных к расстрелу, к 10, 8, 5, 3 годам исправительно-трудовых лагерей, к ссылке или высылке, передано на следствие, на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в военные трибуналы, суды, под гласный надзор, всего отложено, освобождены. Еще 2 поля включают количественную информацию, не отраженную в протоколе, но подсчитанную с помощью программы. Поле «всего осуждено» показывает сумму статистических данных приговоренных Комиссией НКВД и Прокурора СССР к различным мерам наказания, поле «всего отложено» иллюстрирует количество дел, переданных на следствие или на рассмотрение судебным инстанциям. База дает широкие возможности для иллюстрации общесоюзного масштаба террора, региональной статистики проведения «харбинской» операции, численности репрессированных территориальными органами НКВД (УНКВД) и ДТО ГУГБ НКВД, динамику вынесения приговоров. При задании определенного критерия поиска (или нескольких критериев) программа покажет результаты выборки. Основопологающей целью работы с базой стало исследование нескольких ключевых вопросов:

- статистика осужденных по республикам, краям, областям;
- соотношение смертных приговоров и приговоров к лишению свободы в разные периоды проведения «харбинской» операции;
- периоды проведения карательной акции по приказу № 00593;
- итоговые результаты работы «двойки» по «харбинской» операции.

Задав программе выборку по месяцам, получаем следующие данные (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика рассмотрения дел Комиссией НКВД и Прокурора СССР в сентябре 1937–сентябре 1938 гг.¹

Месяц, год	Рассмотрено протоколов	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	Из них приговорено				
				к ВМН	К заключению в ИТЛ	Ссылка/высылка на исследование	Передано в трибуналы, суды и под надзор	
Сентябрь 1937 г.	1	6	6	6	–	–	–	–
Октябрь 1937 г.	46	1107	1078	1008	70	–	29	–
Ноябрь 1937 г.	89	2604	2568	2134	433	1	33	3
Декабрь 1937 г.	96	6262	6066	4176	1887	3	166	30
Январь 1938 г.	113	3628	3553	2875	675	3	42	33
Февраль 1938 г.	84	2164	2088	1502	554	32	57	19
Март 1938 г.	30	680	639	533	102	4	26	15
Апрель 1938 г.	18	704	668	553	115	–	24	12
Май 1938 г.	22	1753	1641	549	1092	–	70	42
Июнь 1938 г.	4	49	45	19	26	–	1	3
Июль 1938 г.	7	806	677	423	254	–	38	91
Август 1938 г.	12	1027	939	662	277	–	52	33
Сентябрь 1938 г.	48	12 776	12 564	6753	5422	389	141	69

На основании сведений, приведенных в таблицы 2, и механизмов репрессий по «национальным» карательным акциям в «харбинской» операции, проведенной с сентября 1937 г. по ноябрь 1938 г., как нам представляется, можно выделить три этапа. Первых два периода определены на основании работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, третий – начинается с выхода приказа № 00606, согласно которому карательные функции были переданы Особым тройкам:

1. 20 сентября 1937 г. – 15 января 1938 г.
2. 15 января 1938 г. – 5 сентября 1938 г.
3. октябрь 1938 г. – 15 ноября 1938 г.

Первый этап начинается с выхода приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г. Секретный документ предписывал карательным органам приступить к арестам по «харбинской» операции 1 октября 1937 г. Однако на практике некоторые

¹ Архив УФСБ по Омской области Ф. 6. Пор. 9828–9874.

территориальные НКВД вписывали в первые «альбомы» по «харбинскому» приказу лиц, задержанных еще весной–летом 1937 г. по обвинению в «японском шпионаже». Так, согласно архивно-следственным делам, первый «альбом», составленный в Алтайском крае, включал 5 чел., арестованных в июне, 28 чел. – в июле, 11 чел. – в августе, 17 чел. – в сентябре¹. Кроме того, первый протокол по приказу № 00593 для ДТО ж.д. им. Дзержинского Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила уже 29 сентября 1937 г.² Данный факт еще раз указывает на то, что территориальные органы НКВД не только знали о предстоящих массовых репрессиях, но и готовились к ним, проводя аресты и следственные мероприятия по соответствующим линиям шпионажа.

Первый этап «харбинской» операции завершился в середине января 1938 г. За обозначенное время Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила приговоры в отношении 12 639 чел., т.е. около 25 % от общего числа осужденных по приказу № 00593. Особенно интенсивно Комиссия НКВД и Прокурора СССР работала в декабре 1937 г. и первой половине января 1938 г., разобрав за это время 168 протоколов на 8919 чел. За декабрь через «двойку» прошло 6262 чел. Больше Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила только в сентябре 1938 г. Такая активность в работе, как нам представляется, связана с предполагаемым завершением массовых операций. Комиссия НКВД и Прокурора СССР торопилась разобрать скопившиеся «альбомы». С конца ноября 1937 г. протоколы стали формироваться на основании нескольких «альбомных» списков. На первом этапе количество репрессированных «двойкой» ежемесячно увеличивалось, достигнув максимума в декабре 1937 г. В новом, 1938 г. число осужденных по приказу № 00593 стало сокращаться. Если в первой половине января 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписала репрессивные решения для 2657 чел., то уже во второй половине месяца интенсивность ее работы снизилась почти в четыре раза. За последние две недели месяца «двойка» рассмотрела

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5858 (в 4 т.), 4950 (в 4 т.).

² Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828.

«альбомных» справок на 971 чел. Особенно хорошо изменения в работе «двойки» проиллюстрированы на расположенной ниже диаграмме (рисунок 1).

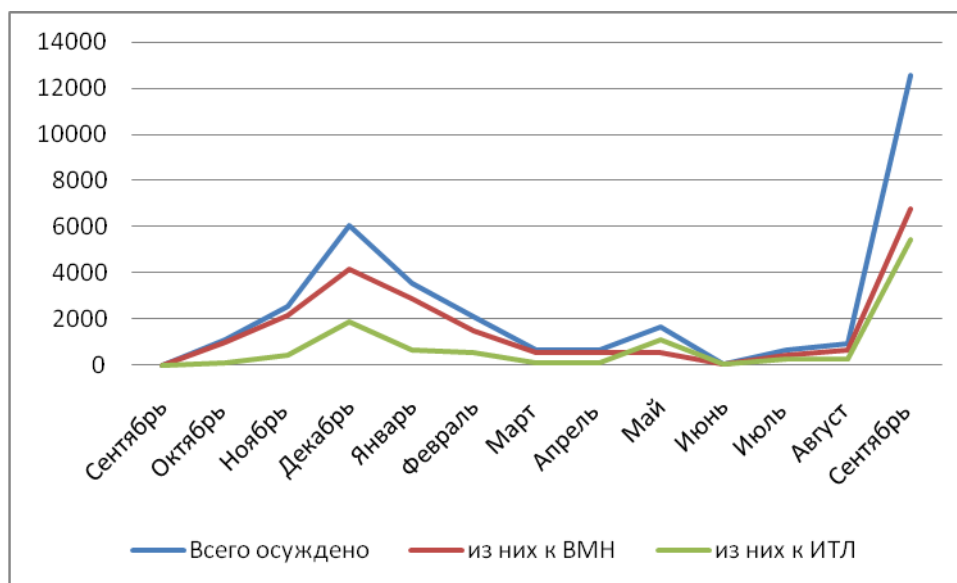

Рисунок 1 – Количество лиц, осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР, чел.

«Двойка» продолжала утверждать протоколы и после 15 января 1938 г., а 31 января вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности, которое не только продлевало карательные акции еще на три месяца, но и открывало новые репрессивные линии¹. С середины января, с начала второго этапа, наметилась тенденция к сокращению утвержденных протоколов и, соответственно, к уменьшению приговоренных. За февраль 1938 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписала 84 протокола на 2164 чел., а за март – уже 30 протоколов на 680 чел., т.е. интенсивность работы сократилась в три раза. Есть несколько объяснений этому. Во-первых, «национальных» операций стало больше, что повлекло за собой необходимость утверждать протоколы и по новым линиям. Во-вторых, целевой контингент, определенный оперативным приказом № 00593, был к этому времени репрессирован, и регионы более активно начинают вписывать в рамки «харбинской» операции представителей «неблагонадежных» национальных групп, в первую очередь китайцев и корейцев. В-третьих, с весны 1938 г.

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

начинаются репрессии в отношении чекистов, что привело к дезорганизации их деятельности.

В апреле Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила 18 протоколов, почти в два раза меньше, чем в марте, однако количество рассмотренных «альбомных» справок было выше (704). В отличие от предшествующих месяцев, в апреле «двойка» рассматривала протоколы по приказу № 00593 не каждый день, а только 10 дней (3, 9, 12, 14, 15, 16, 19, 22, 27 и 28-го числа). Несмотря на то, что репрессии должны были закончиться 15 апреля 1938 г., «двойка» продолжала свою работу. В мае количество рассмотренных справок возрастает до 1753, таких «результатов» достигли за счет нескольких «альбомов» по Якутской АССР на 878 чел. 26 мая 1938 г. вышло очередное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении «национальных» операций до 1 августа 1938 г.

В летний период «двойка» утвердила 23 протокола на 1882 чел., в том числе 10 протоколов на 752 чел. 28 августа 1938 г. Такая же тенденция наблюдается и для других «национальных» операций, т.е. мы можем свидетельствовать, что летом Комиссия НКВД и Прокурора СССР фактически остановила свою работу. Однако в ходе изучения материалов внесудебных инстанций по приказу № 00593 нами было отмечено, что ряд протоколов был подписан в июне и июле, но они не были отправлены в регионы. Повторно к их рассмотрению вернулись в последние дни функционирования «двойки», исправив прежнюю дату на сентябрьскую. Такие протоколы были составлены на основании «альбомов» из Дальневосточного края, Читинской, Ростовской, Иркутской областей, Киргизской и Казахской ССР. Все они включали в себя исключительно китайцев (ДВК, Читинская, Ростовская, Иркутская области), уйгуров и корейцев (Киргизская и Казахская ССР).

К концу августа 1938 г. в центральном аппарате НКВД скопилось «альбомов» более чем на 100 тыс. чел.¹ Из регионов поступали жалобы на перегруженность тюрем, дороговизну содержания уже фактически

¹ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 35.

приговоренных к расстрелу заключенных и т.п. Для преодоления такого положения в августе 1938 г. было запрещено оформлять дела в «альбомном порядке». Центральный аппарат НКВД продолжал рассматривать списки, поступившие из регионов. Комиссия НКВД и Прокурора СССР с 28 августа по 5 сентября массово подписывала протоколы по «национальным» операциям, прежде всего по «польской», «немецкой» и «харбинской». За два дня (2 и 5 сентября) по приказу № 00593 «двойка» завизировала 50 протоколов на 12 776 чел. Несмотря на предпринятые меры, «двойка» не успела разобрать все накопленные «альбомы», и к середине сентября передала нерассмотренные списки на места. На втором этапе «харбинской» операции при массовом включении китайцев, корейцев и др. в рамки приказа № 00593 Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела «альбомных» справок на 20 929 чел., т.е. около 43 % от общего числа прошедших по карательной акции. Проведенный нами анализ «альбомных» справок по «харбинской» операции показал, что Комиссия НКВД и Прокурора СССР в последние дни своей работы рассматривала «альбомы», датированные апрелем–маем 1938 г. Справки, составленные в июне–июле 1938 г., «двойка» вернула в регионы Особым тройкам.

Таким образом, Комиссия НКВД и Прокурора СССР наиболее интенсивно работала с октября 1937 г. по середину января 1938 г., т.е. на первом этапе. С середины января 1938 г. отмечается постепенное сокращение рассмотренных «альбомных» справок, особенно это проявилось в марте–апреле и июне–августе 1938 г. Всплеск активности в мае, вероятнее всего, связан с очередным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении карательных акций. С новой силой к рассмотрению накопившихся «альбомов» Комиссия НКВД и Прокурора СССР приступает 28 августа 1938 г. За три дня (28 августа, 2 и 5 сентября) «двойка» утвердила приговоры в отношении третьей части репрессированных по «харбинской» операции. Поэтому второй период отличается вялостью в утверждении репрессивных приговоров, летом деятельность Комиссии НКВД и Прокурора СССР фактически останавливается.

С середины сентября 1938 г. начинается последний, третий этап «харбинской» операции, характеризующийся новым порядком осуждения. Согласно приказу № 00606, нерассмотренные «альбомы» возвращались в регионы для их утверждения Особыми тройками. С выходом секретного документа под № 00606 массовые аресты в стране завершаются. Приказ предписывал вновь созданным внесудебным инстанциям рассматривать дела в отношении лиц, задержанных до 1 августа 1938 г. Такая дата была выбрана неслучайно, так как последнее постановление Политбюро ЦК ВПК(б) от 26 мая предписывало завершить репрессии в стране 1 августа¹. Дела на арестованных после этой даты передавались на рассмотрение судебным органам или Особого совещания при НКВД СССР.

К работе Особые тройки приступили в начале октября, именно к этому времени центральный аппарат НКВД отправил скопившиеся материалы по «национальным» операциям. Количество нерассмотренных «альбомов», вернувшихся из Москвы, определяло интенсивность работы региональных внесудебных органов. Так, в Армянскую ССР было отправлено 319 справок², в Грузинскую ССР – 456³, что предопределило завершение работы Особых троек здесь в октябре 1938 г. В другие регионы было возвращено до нескольких тысяч списков. В Ленинградскую область – около 8 тыс.⁴, в Новосибирскую — около 4 тыс.⁵, в Алтайский край – около 2 тыс.⁶, поэтому «альбомы» здесь разбирали до середины ноября 1938 г. На третьем этапе, согласно данным НКВД СССР, по приказу № 00593 прошло 13 909 чел. (28 %)⁷.

Если рассматривать выделенные нами периоды «харбинской» операции с точки зрения количества расстрельных приговоров, то самым кровавым этапом был первый: доля осужденных на смертную казнь составила около 73 %. С 1938 г.

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 538.

² НАРА. Ф. 1191. Оп. 19. Д. 50. Л. 1–135.

³ Архив МВД Грузии. Ф. 6. Д. 38443.

⁴ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

⁵ Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1.

⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 355–382.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 17–18.

количество расстрельных приговоров уменьшается, на втором и третьем этапах численность приговоренных к ВМН исчислялась 59 %. Наиболее суровые репрессивные решения Комиссия НКВД и Прокурора СССР вынесла в сентябре (100 %), октябре (91 %), ноябре (83 %). Сравнительно мягкие приговоры были вынесены в мае (31 %) и сентябре (53 %) 1938 г. В это время протоколы преимущественно были составлены на иностранцев, в том числе китайцев, корейцев и уйгур.

Масштабные аресты лиц, обвиненных в «японском шпионаже», начинаются с 20 сентября 1937 г. Следуя установке центрального аппарата, территориальные карательные органы ориентировались на трехмесячный срок проведения всех массовых операций. Именно на октябрь–декабрь 1937 г., согласно архивно-следственным делам, приходится пик арестов. Начиная с 10 октября 1937 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР ежедневно утверждала по несколько протоколов по «харбинской» операции. Приказ НКВД СССР обязывал ежедекадно отправлять «альбом» по «харбинской» операции на утверждение Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Даже на первом этапе не все регионы могли достичь требуемой от них интенсивности в репрессиях. Так, Армянская ССР предоставила первый «альбом» только летом 1938 г. Винницкая, Донецкая, Полтавская, Николаевская, Вологодская, Кировская, Рязанская области, Карельская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская АССР и мн. др. составили только по одному «альбому» на «японских шпионов». ДТО Юго-Донецкой железной дороги предоставил «альбом» на одного человека. Ряду регионов, среди которых Московская, Ленинградская, Читинская, Новосибирская, Челябинская, Свердловская области, на первом этапе удавалось достигать таких показателей. Иногда, особенно в ноябре–декабре, перечисленные территориальные НКВД предоставляли на утверждение «двойки» «альбомы» с периодичностью до двух раз в неделю.

Активизация арестов связана также с выходом постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий от 31 января 1938 г. и 26 мая 1938 г. К предполагаемым датам окончания массовых операций (1 января, 15 апреля, 1

августа) задержания проходили вяло, однако не прекращались. Связи между динамикой арестов и динамикой вынесения приговоров Комиссией НКВД и Прокурора СССР нет. Так, «альбомные» справки, предоставленные УНКВД по Алтайскому краю летом 1938 г., были составлены преимущественно на лиц, арестованных еще в ноябре 1937 г.¹ По регионам задержания проходили неравномерно. Например, массовые аресты в Дальневосточном крае были организованы в марте 1938 г., в Казахстане, Киргизстане, Узбекистане, Туркменистане – весной–летом 1938 г., в Красноярском крае – с начала января по середину апреля 1938 г.², в Читинской области – с сентября по начало января 1937 г.³, в Сталинградской области – до начала декабря 1937 г.⁴ Особенно активно проводили аресты ДТО. Согласно сводке начальника шестого отдела ГУГБ НКВД М.А. Волкова, подготовленной к 27 октября 1937 г. и адресованной Н.И. Ежову, к 20 октября 1937 г. дорожно-транспортными отделами по «харбинской» операции было арестовано 3407 чел.⁵ (всего за весь период проведения карательной акции ДТО репрессировали около 7 тыс. чел.).

Согласно отчету НКВД СССР, подготовленному на основании пятидневных шифртелеграмм, на 7 февраля 1938 г. по «харбинской» операции было арестовано около 18,5 тыс. чел., т.е. около 37 % от общего числа осужденных по приказу № 00593 с сентября 1937 г. по ноябрь 1938 г. По «польской», «немецкой», «румынской» карательным акциям, стартовавшим в одно время с «харбинской», доля арестованных была значительно выше, – около 68 %, около 75 % и около 74 % соответственно. У «латышской» и «греческой» карательных акций, стартовавших в декабре 1937 г. – январе 1938 г., эти значения достигали около 73 % и 79 % соответственно⁶. Низкие проценты арестованных по приказу № 00593 объясняются тем, что к моменту подготовки отчета преследования национальных групп в рамках «харбинской» операции не были масштабными. Массовые репрессии в отношении китайцев, корейцев, уйгур и т.д. начинаются с весны 1938

¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 355–382.

² Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95.

³ Архив УФСБ по Читинской области. Ф. 2. Оп. 987. Д. 982.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Пор. 1267. Л. 1.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Пор. 432. Л. 32–46.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 109–111.

г. Вероятно, в это время и было принято решение вписывать эти целевые категории в рамки приказа № 00593, итогом которого стало увеличение первоначальных лимитов почти вдвое.

Таким образом, по количеству жертв этапы «харбинской» операции расположились следующим образом: первое место занимает период с 15 января по 5 сентября 1938 г. (20 929 чел.), второе – с начала октября по 15 ноября 1938 г. (13 909 чел.), третье – с конца сентября 1937 г. по 15 ноября 1938 г. (12 636). Однако первый этап, с конца сентября 1937 г. по середину ноября 1938 г., являлся в работе Комиссии НКВД и Прокурора СССР более интенсивным и более жестоким. Период иллюстрирует четкую последовательную работу «двойки», которая строго и без проволочек выполняла карательные функции. С началом второго этапа интенсивность неуклонно снижается. Наблюдается накопление «альбомов» в центральном аппарате НКВД, что свидетельствует о том, что «двойка» перестала справляться с репрессивными полномочиями. Масштабы репрессий в регионах привели к перегруженности в работе Комиссии НКВД и Прокурора СССР, параллельно с этим начинаются массовые чистки самих чекистов, что в общей сумме приводит к полной дезорганизации работы главного карательного органа. Если говорить об управляемости или хаотичности террора, то на примере «национальных» операций и функционирования Комиссии НКВД и Прокурора СССР можно сделать вывод о том, что с января 1938 г. террор выходит из-под контроля.

3.2 Численность жертв «харбинской» операции

Вопрос о масштабе репрессий по «национальным» операциям, в том числе и по «харбинской» карательной акции, сложен. До настоящего времени исследователи приводят разные статистические данные о численности жертв «национальных» чисток. Историк Н.Н. Аблажей оперирует числом 42 507 осужденных с сентября 1937 г. по ноябрь 1938 г.¹ Исследователи из

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 133.

международного общества «Мемориал» Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский оценивают их количество в 46 317 чел.¹ О.Б. Мозохин приводит данные о 53 906 чел., арестованных по обвинению в «японском шпионаже»². Вслед за ним эту цифру называют В.Н. Хаустов³, С.А. Кропачев⁴ и др.⁵ Материалы итоговой сводки от 15 ноября 1938 г. введены в научный оборот лишь частично⁶, а данные протоколов внесудебных инстанций до сих пор не обработаны. Для определения общего числа репрессированных по приказу № 00593 необходимо располагать статистическими результатами работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР и Особых троек. Отчет от 15 ноября 1938 г. содержит необходимую информацию, однако данный вид источника не является первичным, так как сводная статистика готовилась на основании данных внесудебных инстанций. Для более точного определения численности жертв по «национальным» операциям необходимо в первую очередь использовать данные внесудебных инстанций, именно они являются первоисточниками. Нам удалось обработать весь массив решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 (*Приложение Б*), однако материалы Особых троек обработаны только для нескольких регионов. Протоколы троек хранятся в территориальных архивах ФСБ, что затрудняет работу с ними. Поэтому при определении количества осужденных в сентябре–ноябре 1938 г. необходимо использовать данные сводного отчета НКВД. В целом для более точного подсчета жертв «харбинской» операции необходимо сопоставить данные внесудебных инстанций и отчета от 15 ноября 1938 г., который был подготовлен центральным аппаратом НКВД по приказу наркома внутренних дел Н.И. Ежова. Он подводил итоги работы карательных органов с 25

¹ «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника // Сост. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html#y1 (дата обращения: 02.04.2018).

² Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности: статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 460, 464.

³ Хаустов В.Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М., 2015. С. 106–118.

⁴ Кропачев С.А. «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kubanmemo.ru>

⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 651.

⁶ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43; Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75.

августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. по всем «национальным» операциям и состоял из 15 справок, отражающих результаты работы внесудебных инстанций, а именно:

- Общие сведения о количестве осужденных центром и Особыми тройками НКВД (УНКВД) по «польской», «немецкой», «харбинской» и другим операциям;
- Общие сведения на осужденных центром;
- Общие сведения на осужденных Особыми тройками НКВД (УНКВД);
- Сводная по всем «национальным» операциям;
- Сводная по «польской» операции;
- Сводная по «немецкой» операции;
- Сводная по «харбинской» операции;
- Сводная по «латышской» операции;
- Сводная по «греческой» операции;
- Сводная по «румынской» операции;
- Сводная по «финской» операции;
- Сводная по «эстонской» операции;
- Сводная по «иранской» операции;
- Справка на осужденных Особыми тройками НКВД (УНКВД) по областям;
- Справка на осужденных Особыми тройками НКВД (УНКВД) по национальностям.

Согласно отчету от 15 ноября 1938 г., Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассмотрела «альбомные» справки в отношении 35 561 чел.¹ Из таблицы 2 видно, что основную часть приговоров (64,5 %) «двойка» вынесла в пользу смертной казни. Осуждены 35 511 чел. (97 %), репрессивные решения в отношении 1050 чел. (3 %) вынесены не были. Для определения масштабов репрессий следует учитывать, что дела арестованных по приказу № 00593, но переданных на рассмотрение в судебные органы выходят из статистики осужденных по «харбинской» операции. Итоговое решение таким лицам выносил судебный

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 19.

орган, а значит, отношение к массовым операциям они имели косвенное. Дела, рекомендованные к доследованию, территориальными органами НКВД повторно вписывались в очередные «альбомы», и уже тогда «двойка» утверждала окончательный приговор. Однако отчетная статистика НКВД СССР этого не учла. Дальнейшую судьбу дел, возвращенных на доследование, можно проследить только путем составления персональной базы данных по материалам протоколов.

Таблица 3 – Количество дел, рассмотренных Комиссией НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 (на основании отчетных данных)

Репрессивные решения «двойки»	Количество осужденных (чел.)	Доля от общего числа приговоров (%)
ВМН	22 942	64,5
ИТЛ	11 135	31
Ссылка	55	0,1
Высылка из страны	379	1
Доследовать	756	2
Переданы на рассмотрение ВКВС	212	0,6
Переданы в суды и ВТ	82	0,2

Согласно протоколам Комиссии НКВД и Прокурора СССР, по приказу № 00593 прошло 33 565 чел., т.е. на 1996 чел. меньше, чем указано в итоговом отчете НКВД от 15 ноября 1938 г. Для большинства регионов данные «двойки» и отчета совпадают. Однако статистические сведения протоколов по Московской, Иркутской областям и Дальневосточному краю ниже отчетных. Такая разница возникла из-за 18 аннулированных и 2 пропущенных протоколов, цифровые данные которых вошли в отчет. В оперативных документах НКВД нет упоминаний об аннулированных протоколах, хотя такие протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР встречаются во всех «национальных» операциях. Данные из аннулированных протоколов вошли в итоговый отчет от 15 ноября 1938 г. Поэтому придание им такого статуса произошло позже. На данном этапе исследования у нас нет сведений о лицах, вошедших в такие протоколы, также

отсутствуют данные об исполнении в отношении них приговоров. На данном этапе исследования для нас более важным является то, что статистические данные протоколов подтверждаются материалами отчета.

Согласно данным протоколов, из общего числа прошедших по «харбинской» операции только пять человек были освобождены – все женщины, имевшие более трех детей и родившие во время ведения следствия по «японскому шпионажу». Рассмотрением их дел «двойка» занимались дважды. После получения утвержденных приговоров территориальные органы НКВД ходатайствовали перед Комиссией НКВД и Прокурора СССР об изменении меры наказания, ссылаясь на многодетность. Возможно, прошений об освобождении было больше, но удовлетворено осталось только пять (три для Читинской области, два для Дальневосточного края). «Двойка» в порядке пересмотра отменяла ранее вынесенные приговоры и предписывала все обвинения снять, а осужденных освободить. Такие пересмотры состоялись только в последние месяцы работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР.

На основании решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР можно в целом представить масштабы репрессий по «харбинской» операции в республиках СССР с учетом данных соответствующих ДТО.

Таблица 4 – Проведение «харбинской» операции в республиках Советского Союза (20 сентября 1937 г. – 5 сентября 1938 г.)¹

Республика	Всего рассмотрено дел	Из них вынесено приговоров					% приговоров к ВМН от числа рассмотренных дел
		ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Направлено на следствие	Передано в трибуналы, суды и под налзор	
Азербайджанская ССР	21	11	10	–	–	–	52
Армянская ССР	–	–	–	–	–	–	–
Белорусская ССР	62	57	2	–	1	2	92

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828–9847.

Окончание таблицы 4

Республика	Всего рассмотрено дел	Из них вынесено приговоров					% приговоров к ВМН от числа рассмотренных дел
		ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Направлено на исследование	Передано в трибуналы, суды и пол национ	
Грузинская ССР	121	60	52	1	8	–	50
Казахская ССР	756	680	27	7	35	7	90
Киргизская ССР	542	214	317	–	11	–	40
РСФСР	30 927	19 460	10 117	424	585	336	63
Таджикская ССР	16	10	6	–	–	–	62
Туркменская ССР	157	113	41	–	2	1	72
Узбекская ССР	321	139	170	–	11	1	43
Украинская ССР	642	449	164	–	26	3	70
Всего:	33 565	21 193	10 906	432	679	350	63

Как показывает таблица 4, основная чистка на этапе работы «двойки» по «харбинской» операции прошла в РСФСР. В закавказских республиках, а также в Таджикской ССР карательная акция по приказу № 00593 прошла вяло, в целом как и по другим «национальным» линиям. Здесь особенно массово проводились «иранская» и «греческая» операции, особого размаха репрессии против иранцев достигли в Азербайджанской ССР¹. Армения за весь период функционирования «двойки» представила только один «альбом» по «польской» операции на семь человек². В статистике НКВД Грузинской ССР «харбинская» линия заняла пятое место после греческой (584 чел.), иранской (457 чел.), смешанной (213 чел.), польской (172 чел.) акций³. В Украинской ССР главное внимание карательные органы устремили на проведение «польской» (54 тыс.), «немецкой» (23 тыс.), «румынской» (6 тыс.), «греческой» (5,6 тыс.), «латышской» (1,9 тыс.), болгарской (1,3 тыс.) операций. Похожая ситуация складывалась в Белорусской ССР. В

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 20.

² НАРА. Ф. 1191. Оп. 19. Д. 50.

³ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.

Казахстане такого масштаба репрессий удалось достигнуть за счет включения в рамки приказа № 00593 корейцев, уйгур и китайцев. Кроме того, явное увеличение числа арестованных по «харбинской» операции наблюдается с января 1938 г., до этого времени репрессии по приказу № 00593 проводились не активно. Такая же тенденция сохранялась в Киргизской и Узбекской республиках, массовость чисток обеспечили благодаря репрессиям против уйгур и корейцев соответственно. «Харбинская» операция – репрессия общесоюзного масштаба, особенно массово она прошла в пограничных с Китаем регионах, а также в местах, где проживает большое количество бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая.

Среди российских регионов наиболее массовый характер чистка приобрела в Дальневосточном крае, где по приказу № 00593 арестам подверглось 10 084 чел., включая данные, предоставленные ДТО Амурской (98 чел.) и Дальневосточной (264 чел.) железных дорог. Треть рассмотренных Комиссией НКВД и Прокурором СССР дел по «харбинской» операции были заведены в Дальневосточном регионе. Приговоры, вынесенные, но не утвержденные, как в обычных случаях, «двойкой», были сравнительно мягкими. По первой категории Комиссия НКВД и Прокурора СССР осудила 4660 чел. (46 %), по второй – 4973 чел. (49 %)¹. Основная причина «либеральности» репрессивных решений, как нам представляется, кроется в массовом включении дальневосточных китайцев в «харбинскую» операцию. Отметим, что начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшков предлагал более 90 % задержанных китайцев провести по первой категории, о чем свидетельствуют «альбомы» и списки к ним². По численности жертв за ДВК с большим отрывом следует Читинская (2645 чел.) и Новосибирская (2215 чел.) области. В отличие от Дальневосточного края приговоры, выбранные начальниками соответствующих территориальных органов НКВД, были утверждены Комиссией НКВД и Прокурора СССР, хотя в этих регионах также массово репрессировали китайцев по приказу № 00593. Для

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 29–31.

² Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10382.

Читы было утверждено 2119 (86 %) смертных приговоров, для Новосибирска этот показатель был выше и составил 96 %.

Таблица 5 – Количество осужденных Комиссией НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 в регионах РСФСР¹

Регион	Всего рассмотрено дел	Из них вынесено приговоров		% приговоров к ВМН от числа рассмотренных дел
		ВМН	ИТЛ	
Свердловская обл.	1592	1233	223	77
Московская обл.	1522	894	537	59
Иркутская обл.	1330	988	264	74
Воронежская обл.	1241	597	607	48
Челябинская обл.	1234	1149	71	93
Ленинградская обл.	1034	946	27	91
Красноярский кр.	1026	928	89	90
Якутская АССР	899	20	816	2
Куйбышевская обл.	882	271	501	31
Алтайский кр.	639	424	190	66
Оренбургская обл.	587	557	21	95
Саратовская обл.	547	230	298	42
Ростовская обл.	503	345	136	68
Сталинградская обл.	347	210	124	60
Татарская АССР	299	186	104	62
Омская обл.	289	152	132	52
Горьковская обл.	238	205	30	86
Краснодарский кр.	212	166	44	78
Тульская обл.	176	90	77	51
Курская обл.	121	67	43	55
Удмуртская АССР	118	26	87	22
Орджоникидзевский кр.	113	62	47	55
Тамбовская обл.	100	59	37	59
Крымская АССР	100	67	27	67
Смоленская обл.	98	66	27	67
Калининская обл.	98	68	20	69
Ярославская обл.	89	60	24	67
Чечено-Ингушская АССР	79	75	4	95
Орловская обл.	77	43	30	56
Архангельская обл.	49	7	25	14
Ивановская обл.	45	29	13	64
Вологодская обл.	43	12	26	28

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828–9878.

Окончание таблицы 5

Регион	Всего рассмотрено дел	Из них вынесено приговоров		% приговоров к ВМН от числа рассмотренных дел
		ВМН	ИТЛ	
Башкирская АССР	36	26	10	72
Бурят-Монгольская АССР	35	23	11	66
Немцев Поволжья АССР	26	16	9	61
Марийская АССР	24	13	10	54
Северо-Осетинская АССР	23	11	10	48
Рязанская обл.	19	11	6	58
Карельская АССР	19	11	5	58
Чувашская АССР	19	13	4	68
Дагестанская АССР	17	13	4	76
Мордовская АССР	15	9	6	60
Коми АССР	10	3	7	30
Кировская обл.	10	8	2	80
Кабардино-Балкарская АССР	3	3	—	100

Из таблицы 5 видно, что массовые репрессии также прошли в Свердловской, Московской, Иркутской, Воронежской, Челябинской, Ленинградской областях и Красноярском крае. Степень жестокости выносимых приговоров отличалась по регионам. Это зависело в первую очередь от начальников территориальных органов НКВД, которые фактически выносили и подписывали приговоры, а «двойка» их только утверждала. С особой свирепостью репрессии по приказу № 00593 прошли в Новосибирской, Оренбургской, Челябинской, Ленинградской областях, Красноярском крае, сравнительно мягко в Якутской АССР, где только 20 чел. из 899 были приговорены к расстрелу. Такую «либеральность» можно объяснить массовым включением китайцев в рамки приказа № 00593, которых, как и в ситуации с Дальним Востоком, Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговорила к лагерному заключению.

На железнодорожном транспорте аресты по «национальным» операциям проводились дорожно-транспортными отделами Главного управления

государственной безопасности НКВД, которые действовали на всех железных дорогах страны. ДТО самостоятельно проводили аресты, вели следствия, составляли «альбомы» для утверждения Комиссией НКВД и Прокурора СССР. На основании «альбомов» дорожно-транспортных отделов оформлялись отдельные протоколы, поэтому в отчетах НКВД СССР численность репрессированных ДТО представлена отдельно от статистики территориальных карательных органов. В период с сентября по ноябрь 1938 г. «альбомы» дорожно-транспортных отделов рассматривали соответствующие территориальные органы НКВД, так как при ДТО НКВД Особые тройки не создавались.

ДТО представили на рассмотрение Комиссии НКВД и Прокурора СССР «альбомных» справок на 5652 чел., т.е. 16 % от общего числа рассмотренных «двойкой» дел. Осуждены 5384 чел., в том числе по первой категории – 3100, по второй – 2253 чел. Согласно отчету и протоколам Комиссии НКВД и Прокурора СССР, наиболее массово репрессии по «харбинской» операции прошли на Куйбышевской (682 чел.), Молотовской (485 чел.), Московско-Донбасской (480 чел.), Юго-Восточной (473 чел.), Рязано-Уральской (467 чел.), Оренбургской (395 чел.), Дальневосточной (264 чел.), Ленинской (260 чел.), Сталинградской (по отчету – 243 чел.), Ташкентской (214 чел.), Казанской (186 чел.), Томской (173 чел.) и других железных дорогах.

Согласно приказу № 00606, Особая тройка выносила решения в отношении лиц, арестованных до 1 августа 1938 г., приговоры по которым не были утверждены Комиссией НКВД и Прокурора СССР. В целом «тройка» завершала работу «двойки», которая не справилась с репрессивными функциями. В период работы Особых троек изменился только карательный орган, выносящий решение. Механизм репрессий по «национальным» операциям оставался прежним. Территориальные карательные органы выносили окончательные приговоры на основании «альбомных» справок, возвращенных из Москвы. Приказ № 00606 продлевал репрессии по «польской», «немецкой», «харбинской», «иранской» и «афганской» операциям¹, т.е. только по пяти карательным акциям из одиннадцати

¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 161–163.

существовавших в период работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Однако уже 21 сентября 1938 г. территориальные органы НКВД получили разъясняющий циркуляр № 189, который предписывал провести репрессии по всем ранее действующим карательным акциям¹. Однако некоторые регионы провели «национальные» операции не в полном виде. Так, УНКВД по Красноярскому краю всех арестованных провело по «польской», «немецкой» и «харбинской» операциям, массово включив в рамки приказа № 00593 финнов, эстонцев, иранцев и др.² Однако не все регионы пошли по пути сокращения числа «линейных» операций. Территориальные карательные органы придерживались принципа, заданного центральным аппаратом НКВД, обвинение в «шпионаже» способствовало выбору соответствующей «национальной» операции. Поэтому десять «линейных» акций, заданных Комиссией НКВД и Прокурора СССР, продолжали существовать и в период работы Особых троек. Однако одиннадцатая «смешанная» операция распалась на самостоятельные репрессивные линии. Поэтому итоговый отчет от 15 ноября 1938 г. включает в себя статистические данные по дополнительным карательным акциям, в том числе «болгарской», «английской» и т.д. На этапе работы Особых троек, так же как и на этапе функционирования Комиссии НКВД и Прокурора СССР прослеживаются региональные особенности проведения «национальных» операций. УНКВД по Новосибирской, Омской, Читинской областях не выстраивали линий, не установленных центральным аппаратом НКВД, в то время как карательные органы Грузинской ССР, Московской и Ленинградской областей проводили дополнительные репрессии. НКВД Грузинской ССР выстраивал самостоятельную «турецкую» операцию, хотя в «альбомный» период этнические турки и уроженцы Турции вписывались в рамки «греческих» или «смешанных» протоколов³. Поэтому мы вправе объединить статистику репрессированных «двойкой» и Особыми тройками по приказу № 00593, тем более, что в отчете НКВД СССР от

¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 179–183.

² Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9.

³ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38471.

15 ноября 1938 г. представлены суммированные данные работы внесудебных инстанций.

В отчете от 15 ноября 1938 г. есть три сводки о результатах работы Особых троек, а именно: справка на осужденных по областям, справка на осужденных по областям и общие сведения на осужденных территориальными внесудебными инстанциями. В первых двух отчетах указаны только количественные данные репрессированных по первой и второй категориям, в последнем – еще и сведения о численности вынесенных приговоров о высылке из страны, ссылке, дел, переданных на следствие или по подсудности. Соответственно, статистические сведения в сводках различаются.

Таблица 6 – Количество дел, рассмотренных Особыми тройками по приказу № 00593 (на основании отчетных данных)¹

Репрессивные решения Особых троек	Количество осужденных (чел.)	Доля от общего числа приговоров (%)
ВМН	8284	59,5
ИТЛ	4502	32
Ссылка	327	2
Доследовать	567	4
Переданы по подсудности	229	1,6

Из таблицы 6, составленной на основании последней сводки, видно, что Особые тройки за два месяца работы с середины сентября по середину ноября 1938 г. рассмотрели 13 909 (28 %) дел². Осуждены 13 113 чел. (94 %), 796 чел. (6 %) приговоры вынесены не были. Очевидно, что в октябре–ноябре 1938 г. решения, принятые внесудебной инстанцией, были мягче, возросло количество дел, переданных в компетенцию судов, что свидетельствовало о завершении Большого террора.

¹ Составлено по: ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 17.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 18–19.

В первых двух сводках указаны другие сведения о количестве осужденных по первой и второй категории – 8050 и 3756 соответственно, т.е. итоговые результаты работы Особых троек в имеющихся в отчете сводках разнятся. Тем не менее на основании этих данных можно представить масштабы репрессий в регионах осенью 1938 г.

Таблица 7 – Проведение «харбинской» операции в республиках Советского Союза (сентябрь 1938 г. – 15 ноября 1938 г.)¹

Республика	Осуждено			% приговоренных к ВМН от числа осужденных
	Всего	ВМН	ИТЛ	
Азербайджанская ССР	26	14	12	54
Армянская ССР	10	4	6	40
Белорусская ССР	–	–	–	–
Грузинская ССР	12	1	11	8
Казахская ССР	1935	1759	176	91
Киргизская ССР	213	164	49	77
РСФСР	7938	5570	2368	70
Таджикская ССР	1	–	1	0
Туркменская ССР	89	62	27	70
Узбекская ССР	1112	113	999	10
Украинская ССР	470	363	107	77
Всего:	11 806	8050	3756	68

Как видно из таблицы 7, основные репрессии прошли в РСФСР, около 67 % от общего числа осужденных. Однако в некоторых регионах «тройка» проработала больше дел, чем утвердила Комиссия НКВД и Прокурора СССР. Особые тройки Казахской ССР и Узбекской ССР рассмотрели почти в три раза больше дел, чем отправили на утверждение «двойки». Это свидетельствует о том, что массовые репрессии в этих республиках начались весной 1938 г. за счет включения в рамки приказа № 00593 корейцев, депортированных с Дальнего Востока. Доля репрессированных в Казахской ССР от общего числа осужденных осенью 1938 г. составила 16 %, в то время как за период работы «двойки» – только

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 42–44.

2 %. В Узбекской ССР этот показатель увеличился почти в девять раз, т.е. в этих регионах «харбинская» операция активизируется только весной–летом 1938 г. Ненамного больше дел разобрала «тройка» Азербайджанской ССР. Исключительная ситуация сложилась в Армянской ССР, где «национальные» операции прошли вяло и все дела в рамках карательной акции были рассмотрены Особой тройкой. Среди российских регионов особенно много «альбомов» по «харбинской» операции было возвращено на рассмотрение Челябинской (2245 чел.), Читинской (1492 чел.), Новосибирской (722 чел.) троек. В Челябинской области доля осужденных Особой тройкой НКВД составила около 19 %, в то время как в период работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР – около 4 %. В целом именно Читинская (3948 чел.), Челябинская (3479 чел.), Новосибирская (2937 чел.) области стали лидерами по численности жертв «харбинской» операции с сентября 1937 г. по ноябрь 1938 г.

Отметим, что обработанные нами данные протоколов Особых троек по Алтайскому, Красноярскому краям, Новосибирской, Читинской, Омской областям значительно превышают сведения отчета от 15 ноября 1938 г. Сводка готовилась на основании региональных данных, отправленных в центральный аппарат НКВД. Однако Особые тройки работали до середины месяца включительно, и часть статистических сведений не вошла в итоговый отчет. Поэтому цифра в 13 909 чел., осужденных осенью 1938 г., представляется более очевидной, хотя и не окончательной. Для конкретизации этого числа необходима обработка всех протоколов Особых троек.

По степени жестокости вынесенных приговоров карательная акция также занимает третье место. От общего числа осужденных на смертную казнь было приговорено 65,6 %, на лагерное заключение – 32,8 %, в то время как по приказу № 00485 расстреляно 77, 2 % от общего числа репрессированных, лагерному заключению подверглось 19,7 %, по приказу № 00439 – 73,8 и 21,5 % соответственно. Решения Комиссии НКВД и Прокурора СССР и Особой тройки по степени жестокости незначительно различаются. За период работы «двойки»

по первой категории прошло 66 % от общего числа осужденных в этот период, по второй – 32 %, «тройки» – 63 и 34 % соответственно.

Согласно сводной отчетности НКВД СССР, «двойка» с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. рассмотрела «альбомных» справок в отношении 238 970 чел., Особая тройка с сентября по октябрь 1938 г. разобрала 107 743 справки, возвращенные из Москвы¹, т.е. в два раза меньше. На «альбомном» этапе «харбинская» операция занимала второе место по численности жертв после «польской» (106 299 чел.). Однако за два месяца работы Особой тройки ситуация изменилась, и «харбинская» карательная акция стала третьей по количеству репрессированных после «польской» (143 810 чел.) и «немецкой» (56 747 чел.)². Через внесудебные инстанции по приказу № 00593 прошло 49 470 чел., т.е. около 14 % от общего числа осужденных по «национальным» операциям. Осуждены в рамках «харбинской» операции 47 624 чел., в том числе приговорены к расстрелу – 31 226 (65,6 %), к лагерному заключению – 15 637 (32,8 %), к ссылке – 382 (0,8 %), к выселению из страны – 379 (0,8 %). Из этого числа репрессированных судьба 1996 чел., включенных в аннулированные протоколы, не ясна. Вполне возможно, что приговоры в отношении них не были приведены в исполнение. Однако это предположение нуждается в подтверждении документальными данными.

В период Большого террора иногда уже утвержденные приговоры не приводились в исполнение, однако это явление характерно для периода работы Особых троек. Просмотренные протоколы внесудебных инстанций по некоторым регионам показали, что согласно приказу № 00762 дела на лиц, которым не были объявлены решения Особой тройки до 17 ноября 1938 г., передавались по подсудности. Так, в Новосибирской области 26 октября 1938 г. по приказу № 00593 было осуждено 47 человек, 19 из них к лагерному заключению, однако в январе 1939 г. на основании приказа № 00762 их дела были переданы в суд на

¹ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 18–19.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 18–19.

пересмотр¹. В завершающий период Большого террора не все расстрельные приговоры Особой тройки были приведены в исполнение. В Красноярском крае из 1879 чел., прошедших по «национальным» операциям в сентябре–ноябре 1938 г., 1736 чел. были приговорены к ВМН. Однако только 25 чел. были расстреляны², другие были направлены для отбывания наказания в лагеря или освобождены в 1939–1940 гг.

Отчет от 15 ноября 1938 г. включает в себя справку о национальном составе осужденных Особыми тройками. Такого рода данных за период работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР нет, так как до мая 1938 г. НКВД СССР не требовал от территориальных карательных органов сведений о национальном составе осужденных по «национальным» операциям, хотя в «альбомных» справках национальность указывалась. Лишь с конца весны можно говорить о специальном интересе руководства НКВД к этническому аспекту репрессий. Цифры отчета вполне подтверждают тезис о том, что отождествлять понятия «национальные операции» и «этнические чистки» было бы ошибочно. Например, из общего числа осужденных Особыми тройками по «польской» карательной акции было осуждено 36 768 чел., в том числе поляков — 20 147, белорусов — 5215, украинцев — 4991, русских — 3235, евреев — 1122 и т.д. Этнических поляков осуждали и по другим операциям — больше всего по немецкой (500 чел.) и латышской (209 чел.). По «харбинской» операции национальный состав осужденных представлен следующим образом: русские — 5273, корейцы — 2054, китайцы — 1974, татары — 433, украинцы — 399, казахи — 357, евреи — 224, поляки — 169, башкиры — 117, киргизы — 82, немцы — 81 и т.д.³

Таким образом, «харбинская» карательная акция заняла третье место в статистике НКВД среди «национальных» операций после «польской» и «немецкой». По приказу № 00593 прошло 49 479 чел., т.е. 14 % от общего числа рассмотренных дел по «национальным» операциям. Определяющая роль в вынесении приговоров принадлежала внесудебным инстанциям. В полномочия

¹ Протоколы Особых троек по «национальным» операциям с № 203 по № 208 // Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 7/1. Л. 123–142.

² База данных на репрессированных по Красноярскому краю.

³ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70.

судов было передано около 1 % всех прошедших через «двойку» и «тройки» дел. Степень жестокости выносимых приговоров зависела от территориальных органов НКВД и колебалась в среднем от 50 до 65 % от общего числа «альбомных» справок. В Новосибирской, Оренбургской, Челябинской, Ленинградской областях, Красноярском крае, Казахской республике этот показатель превышал 90 %. В целом особенно массово репрессии по приказу № 00593 прошли в Дальневосточном крае, Читинской, Челябинской, Новосибирской областях. Для более точного определения статистики жертв «харбинской» операции необходимы все протоколы Особой тройки. Кроме того, анализ решений Новосибирской, Красноярской троек показал, что не все расстрельные приговоры были приведены в исполнение. Поэтому определить точную цифру жертв «харбинской» операции можно только при составлении персональной базы данных.

3.3 Доля «харбинской» операции в «смешанной» карательной акции

«Кулацкая» операция, проводившаяся по приказу № 00447, стала самой массовой карательной акцией Большого террора. Согласно данным НКВД СССР, общее число осужденных по ней составило около 800 тыс. чел., в том числе около 400 тыс. чел. были приговорены к расстрелу¹. «Национальные» операции заняли второе место в статистике карательных органов. По данным НКВД СССР, с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. в рамках «линейных» карательных акций было рассмотрено дел на 346 713 чел. Внесудебные инстанции осудили 247 137 чел. на расстрел, 77 686 чел. – на лагерное заключение сроком от 5 до 10 лет. Комиссия НКВД и Прокурора СССР с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. приговорила к различным мерам наказания 238 970 чел., а Особые тройки с октября по середину ноября 1938 г. – 107 743 чел.² Приговоры по «линейным» карательным акциям были жестче, чем по «кулацкой» операции. Доля

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. С. 568.

² ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 17.

расстрельных решений составила около 71 % от общего числа осужденных. Процент осужденных на смертную казнь по приказу № 00447 значительно ниже (около 50 %).

Главными направлениями в карательной политике чекистов стали «польская», «немецкая» и «харбинская» линии. По этим направлениям прошло около 250 тыс. чел., что составило 72,1 % от общего числа репрессированных в рамках «национальных» операций. Самой масштабной стала «польская» карательная акция, доля прошедших по приказу № 00485 составила 43,2 %. Процент рассмотренных дел по приказам № 00439 и 00593 значительно ниже – 16 и 14 % процентов соответственно. Однако на момент передачи репрессивных полномочий Особым тройкам «харбинская» операция по численности жертв занимала второе место после «польской». А доля рассмотренных дел по приказам № 00439 и 00593 от общего числа осужденных составляла 13,2 и 14,8 % соответственно.

Проведенный нами анализ протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР показал, что карательные органы в 1937–1938 гг. проводили 11 «национальных» репрессивных акций: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «латышскую», «греческую», «румынскую», «финскую», «эстонскую», «иранскую», «афганскую» и «смешанную» (или «разную»). Данные протоколов о количестве «линейных» операций подтверждаются и итоговым отчетом НКВД СССР от 15 ноября 1938 г. «Китайская», «македонская» и «болгарская» линии не были запущены органами НКВД как отдельные репрессивные акции, хотя январское постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о продлении «национальных» операций предписывало начать новые репрессии¹. «Китайская» операция, по решению центрального аппарата НКВД, вошла в «харбинскую»², «македонская» и «болгарская» акции – в «смешанную»³.

Условно так называемую смешанную карательную акцию можно разделить на две подоперации. Первая – это репрессии против «неблагонадежных» групп

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

² См. подробнее: Глава 2, параграф 2.2.

³ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10516–10527.

населения, в отношении которых чекисты не проводили отдельной «национальной» операции. По протоколам Комиссии НКВД и Прокурора СССР проходили лица, которым инкриминировали шпионаж в пользу Венгрии, Англии, Франции, США, Югославии, Чехословакии, Италии, Турции и т.д. Оперативного документа, давшего старт «смешанной» карательной акции, нами выявлено не было. В «альбомах» также отсутствуют указания на соответствующую директиву НКВД. Аресты и осуждения таких категорий осуществлялись на основании «модельного» приказа № 00485. Внутри «смешанной» репрессивной акции можно выделить до 20 карательных «линий», в том числе «венгерскую», «английскую», «американскую», «французскую» и др. В вводной (обвинительной) части протоколов причина осуждения значилась как «шпионская и диверсионная деятельность в пользу иностранных государств». Главная задача данной подоперации заключалась в очищении территории СССР от соответствующих линиям национальных групп. Вторая подоперация была направлена на целевые категории действующих карательных акций, что приводило к интенсификации террора. Инициатива по выделению «смешанной» операции в отдельную серию репрессий принадлежала центральному аппарату НКВД. В «альбомах» и сопроводительных письмах к ним нет отсылок на «смешанную» карательную акцию. Вероятно, суть так называемой смешанной операции заключается не в проведении отдельной карательной акции со всеми вытекающими последствиями, а в составлении протоколов. С одной стороны, формирование «разных» протоколов объясняется малочисленностью «неблагонадежных» национальных групп, попадавших в первую подоперацию как в целом в стране, так и в регионах СССР, с другой стороны, мы пока не знаем, чем руководствовались чекисты, включая целевые категории действующих «национальных» операций в так называемую смешанную операцию.

Первый «смешанный» протокол был подписан 8 января 1938 г. Согласно данным Комиссии НКВД и Прокурора СССР, к началу сентября 1938 г. в рамках карательной акции было осуждено около 8,3 тыс. чел.¹ Основные репрессии

¹ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10516–10527.

прошли в РСФСР (6024 чел.), Киргизской (514 чел.), Казахской (464 чел.) и Таджикской (427 чел.) ССР. В российских регионах особо массово аресты прошли в Московской области (1131 чел.), Дальневосточном крае (745 чел.), Челябинской области (699 чел.)¹.

Около половины прошедших через «разные» протоколы были «неблагонадежными» группами населения, обозначенными в приказах № 00485, 00439, 00593 и др. При этом значительный сегмент репрессированных (около 20 %) приходился на лиц, обвиненных в «японском шпионаже», т.е. на «харбинцев» (бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая), китайцев, корейцев, уйгур, «дальневосточников» (административно высланных с Дальнего Востока), «монголистов» (этапированные из МНР) и др. Безусловно, «харбинцы», китайцы, корейцы проходили и по другим «национальным» операциям, так же как поляки, немцы, эстонцы, финны попадали под репрессии в рамках приказа № 00593. Однако в таких случаях карательные органы инкриминировали арестованным соответствующий линии шпионаж. Приказы НКВД по «национальным» операциям диктовали обвинение в соответствующем карательной акции «шпионажу». Чекисты строго придерживались данного правила как в обвинительном заключении, так и в «альбомных» справках. Подшитые в «альбом» справки были упорядочены согласно этому принципу. Доля «харбинцев», китайцев, корейцев, осужденных в рамках других операций, составила около 1 % от общего числа приговоренных Комиссией НКВД и Прокурора СССР и Особыми тройками к различным мерам наказания. В «смешанной» операции, в отличие от остальных «национальных» карательных акций, в отношении вышеуказанных «неблагонадежных» групп населения сохранялось магистральное для приказа № 00593 обвинение в «японском шпионаже». Такая же тенденция сохранялась и для целевых категорий «польского», «немецкого», «греческого» и других приказов.

В большинстве случаев в «смешанные» протоколы включались «альбомы», составленные территориальными органами НКВД в порядке приказа № 00593,

¹ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10516–10527.

полностью¹, но иногда из одной части «альбомных» справок формировали «харбинский» протокол, а другую – вносили в «разные»². Такие корректировки были общесоюзной тенденцией, но особенно массово они затронули Новосибирскую, Московскую, Читинскую Ярославскую, Тульскую области, Бурят-Монгольскую АССР, Киргизскую, Узбекскую ССР. Около 1,6 тыс. «харбинцев», китайцев, корейцев, уйгур, «дальневосточников», «монголистов» и других были включены в «смешанные» протоколы, а значит, не вошли в итоговую статистику по приказу № 00593.

В Новосибирской области по «смешанным» протоколам прошло 373 чел., из которых 362 чел. были осуждены «двойкой» как «японские шпионы», т.е. 97 % от числа всех осужденных по операции. В число репрессированных попали китайцы (206 чел.), «харбинцы» (115), корейцы (19 чел.), «дальневосточники» (15 чел.), «монголисты» (7 чел.), т.е. группы населения, массово включенные и в «харбинские» протоколы. Почти четверть (около 23 %) от общего числа обвиненных в шпионаже в пользу Японии и включенных в статистику «смешанной» операции были арестованы на территории Новосибирской области, в регионе, занявшем третье место по числу жертв «харбинской» операции, уступая лишь ДВК и Читинской области. Из 260 чел., арестованных территориальными органами НКВД по Читинской области и осужденных «двойкой» в рамках «смешанной» карательной акции, 220 чел. (около 14 %) инкриминировали японский шпионаж. Под репрессию попали китайцы (168 чел.), работники диппредставительств (6 чел.), «харбинцы» из числа реэмигрантов (46 чел.).

Среди российских регионов наиболее массовый характер чистка приобрела в Московской области, где, согласно данным Комиссии НКВД и Прокурора СССР, к началу сентября 1938 г. по «смешанной» операции прошел 1131 чел. (включая данные ДТО ж.д. им. Дзержинского), т.е. около 14 % от общего числа

¹ См., например: УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10645.

² ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 467. Л. 3.

² См., например: УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 10645.

² См., например: ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 467. Л. 3.

осужденных по «разным» протоколам. Сегмент «японских шпионов» и в этом случае достаточно высок – 250 чел. (около 15 %). В регионе целевыми категориями приказа № 00593 были не только «харбинцы», корейцы, китайцы, но и японцы, а также работники диппредставительств. В таком же составе представлены «неблагонадежные» группы населения, обвиненные в «японском шпионаже», вошедшие в статистику «смешанной» карательной акции. Репрессиям подверглись «харбинцы» (190 чел.), японцы (27 чел.), корейцы (12 чел.), китайцы (8 чел.), работники диппредставительств (13 чел.).

В Киргизской ССР по «смешанным» протоколам осуждено 514 чел., из них на 216 чел. (около 13,5 %) составлены «альбомные» справки в порядке приказа № 00593. Прежде всего репрессия затронула уйгур (144 чел.). Примечательно, что в конце августа – начале сентября 1938 г. с разницей в несколько дней выходят пять протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР с утвержденными приговорами в отношении уйгур. Три протокола вошли в статистику «харбинской» карательной акции, два – «смешанной». Целевые категории протоколов идентичны – уйгуры, уроженцы Кашгара, перешедшие советскую границу после восстания 1937 г. Традиционно в чистку попали корейцы (38 чел.), китайцы (32 чел.), «харбинцы» (2 чел.).

В Узбекской ССР жертвами «разных» протоколов стали 144 чел., из них 133 чел. – «японские» шпионы. Китайцы (71 чел.), корейцы (38 чел.), уйгуры (14 чел.) и «харбинцы» (10 чел.) стали целевыми категориями «смешанной» карательной акции, хотя в сопроводительном письме к «альбому» присутствует отсылка к приказу № 00593. Доля «неблагонадежных элементов» от общего числа обвиненных в шпионаже в пользу Японии и включенных в статистику «смешанной» операции составила около 8 %. Если по «харбинским» протоколам перечисленные категории прошли в январе–марте 1938 г., то по «смешанным» – в апреле–мае, хотя в Москву «альбомы» были отправлены в марте 1938 г. Для корейцев новая репрессия была второй, иногда третьей. Большая часть осужденных (34 чел.) были депортированы в Узбекскую ССР осенью 1937 г.

Массовое включение арестованных по приказу № 00593 в «смешанные» протоколы происходило в Бурят-Монгольской АССР. Здесь из 71 осужденного 55 чел. (0,6 %) являлись целевыми категориями «харбинской» карательной акции, в том числе 43 китайца и 12 «харбинцев».

По «смешанной» карательной акции прошло около 1,6 тыс. чел., арестованных в рамках приказа № 00593. Число не окончательное, нуждается в корректировке и более детальном изучении материалов. До настоящего момента нет однозначного понимания причин включения «альбомов», составленных на основании «харбинского» приказа, в «смешанную» карательную акцию. Как нам представляется, данная тенденция свидетельствует об интенсификации террора. Кроме того, итоговая отчетность по «харбинской» операции на основании открытых сведений нуждается в корректировке, что, несомненно, приведет к увеличению конечного числа жертв приказа № 00593. Изучение материалов «смешанной» операции еще раз подтверждает тезис о том, что террор был управляемым, а проведение массовых операций не сводилось к автоматическому визированию готовых протоколов.

В целом «харбинская» карательная акция стала третьей по численности жертв среди «национальных» операций после «польской» и «немецкой». Однако в некоторых регионах репрессии по приказу № 00593 имели больший масштаб, чем по приказам № 00439 и 00485. Особенно это проявилось в пограничных с Китаем районах, таких как Дальневосточный край, Иркутская и Читинская области. Около 60 % осужденных по «харбинской» операции были арестованы весной–летом 1938 г., в то время как по другим «национальным» карательным акциям пик задержаний приходится на начало Большого террора. Около 70 % репрессированных были арестованы до февраля 1938 г. Однако наиболее интенсивно Комиссия НКВД и Прокурора СССР рассматривала дела на обвиненных в «японском шпионаже» именно в сентябре–январе 1938 г. За это время «двойка» осудила почти четверть от общего числа репрессированных по приказу № 00593. С началом массовых арестов «неблагонадежных» национальных групп по «харбинской» операции активность работы Комиссии

НКВД и Прокурора СССР снижается. Еще одной причиной снижения интенсивности работы «двойки» являлось расширение целевых категорий «национальных» репрессий. Если в 1937 г. органы НКВД проводили семь линий, то уже к концу зимы их количество возросло до 11. Только в конце августа – начале сентября 1938 г. «двойка» выносит окончательные приговоры в отношении арестованных весной–летом 1938 г. Из этого следует, что на первом этапе Большого террора включение китайцев, корейцев, уйгур в рамки «харбинской» операции не планировалось. Именно этим объясняется такой низкий процент арестованных к середине массовых репрессий 1937–1938 гг. До весны 1938 г. аресты национальных групп в рамках приказа № 00593 были единичными. Территориальные органы НКВД стремились репрессировать бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, выполнив обозначенный Н.И. Ежовым лимит в 25 тыс. чел. «Харбинская» операция была массовой карательной акцией, проводившейся во всех регионах СССР. Первоначальные лимиты по приказу № 00593 (25 тыс. чел.) были увеличены почти вдвое. Таких масштабов удалось достичь за счет массового включения китайцев, корейцев, уйгур и др. в рамки приказа № 00593. Однако не все арестованные по приказу № 00593 были осуждены в рамках «харбинской» карательной акции. Около 2 тыс. чел., обвиненных территориальными органами в «японском шпионаже», вошли по инициативе Комиссии НКВД и Прокурора СССР в так называемую смешанную операцию. Включение целевых категорий идущих «национальных» операций в «смешанную» карательную акцию указывает на стремление к интенсификации террора. За счет этих показателей итоговая цифра жертв «харбинской» операции изменится в большую сторону.

Заключение

Политические репрессии были неотъемлемой частью политики советского государства с первых лет его существования, однако пика они достигли в период Большого террора. В 1937–1938 гг. органы НКВД провели массовые операции – «кулацкую», нацеленную на борьбу с «бывшими», и серию «национальных» карательных акций, направленных на преследование «неблагонадежных» национальных групп. С выходом приказа № 00447 террор в СССР стал «Большим».

Чистки 1937–1938 гг. отличались от предшествующих репрессий не только своим масштабом, но и организацией. Репрессии в отношении целевых категорий «кулацкой» операции были не новы для сотрудников НКВД, масштабные карательные акции против представителей «неблагонадежных» национальных групп проводились в стране впервые. В рамках «линейных» операций органы НКВД провели одиннадцать карательных акций, в том числе «польскую», «немецкую», «харбинскую», «латышскую», «эстонскую», «финскую», «греческую», «иранскую», «афганскую», «румынскую». Одиннадцатой карательной акцией стала так называемая смешанная операция. В рамках последней линии проводилось порядка 20 подопераций, в том числе «английская», «венгерская», «литовская», «американская», «испанская», «турецкая» и др. Кроме того, по «смешанной» карательной акции прошли и целевые категории, определенные вышедшими оперативными приказами НКВД СССР по «национальным» операциям, что свидетельствует о интенсификации террора.

«Линейные» карательные акции не были этническими чистками. Арестам подвергались как национальные меньшинства, проживающие в СССР, так и представители титульных наций, в том числе русские, украинцы, белорусы. В период массовых операций впервые анкетная «связь с заграницей» стала поводом для преследований, ранее такие данные являлись лишь основанием для подозрений. В целом «связь с заграницей», этничность, социальный статус и

«антисоветское» поведение увеличивали «шансы» на то, чтобы подвергнуться репрессиям. Только с весны 1938 г., когда «национальные» операции заняли главное место в карательной политике, появилась тенденция этнизации сталинизма, так как около 60 % репрессированных являлись представителями национальных меньшинств. Но даже в этот период «линейные» карательные акции полностью не приняли формат этнических чисток. Главной причиной подобного рода репрессий стала борьба с пятой колонной в условиях ухудшения международных отношений.

«Харбинская» операция была направлена на борьбу с «японским шпионажем», в котором в первую очередь обвинили бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая. Преследования в рамках приказа № 00593 проводились на основании «связи с японским государством». Так же как и на другие «национальные» карательные акции, на «харбинскую» операцию распространялся «альбомный» порядок осуждения. Кроме того, с весны 1938 г. при проведении репрессий по приказу № 00593 наметилась явная тенденция этнизации карательной акции, так как с этого времени чекисты по обвинению в «японском шпионаже» массово репрессировали представителей «неблагонадежных» национальных групп, прежде всего китайцев и корейцев. Сами сотрудники НКВД относили «харбинскую» операцию к числу «национальных», проводя ее по всем отчетам как «линейную». Таким образом, «харбинская» карательная акция вошла в число «национальных» операций Большого террора, став в деятельности чекистов одним из главных направлений карательной политики, наряду с «польской» и «немецкой». В целом следует отметить, что репрессии в отношении «японских шпионов», и прежде всего против бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, активизировались в момент ухудшения китайско-советских или японо-советских отношений. Своего апогея они достигли в период начала войны между Китаем и Японией.

«Харбинская» операция имела свои особенности. Ее следует рассматривать как сложноорганизованную репрессивную кампанию, так как по обвинению в «японском шпионаже» прошли широкие группы населения. Она стала

единственной репрессивной акцией из числа «национальных», внутри которой реализовывались общесоюзные и региональные карательные направления. К общесоюзным линиям относятся «харбинская», «китайская» и «корейская». К региональным – «уйгурская», «японская», «дальневосточная», «монгольская», «тувинская», «консульская», чистки против «бывших». Выделение таких направлений, или линий, производится на основании целевых категорий, включенных в приказ № 00593. Целевыми категориями приказа № 00593 стали бывшие служащие КВЖД, реэмигранты из Китая, лица китайской, корейской, уйгурской, японской национальности, уроженцы Дальнего Востока и административно высланные из этого региона («дальневосточники»), русскоязычные перебежчики и этапированные из МНР и ТНР, сотрудники посольств, консульств и диппредставительств Китая, Кореи и Маньчжоу-Го, а также «бывшие». В Сибири, на Урале и Дальнем Востоке в рамках приказа № 00593 массово преследовали бывших кулаков, уголовников, священнослужителей, казаков, дворян, членов различных революционных партий и др. Поэтому «харбинская» операция теснее других «национальных» карательных акций связана с «кулацкой» и «РОВСовской» карательными акциями.

В целом особенности «харбинской» операции проявились именно в ходе ее проведения, а именно в отборе целевых категорий. «Японскими» шпионами были названы не представители японской национальности, так как только единицы проживали в СССР, а «харбинцы». Именно в этом проявилось первое отличие «харбинской» карательной акции. Вторая особенность состоит в широко представленных целевых категориях репрессии. Объединяет эти целевые категории не только «связь с японским государством», но и их социальный статус: все они относились к «неблагонадежным» группам населения. Еще одной особенностью «харбинской» операции стало включение в рамки приказа № 00593 «КВЖДинцев», репрессии в отношении них предопределялись местом работы. Кроме того, эта категория населения, эвакуированная советским правительством в 1935 г. из Маньчжоу-Го, легально проживала на территории СССР и занимала высокие посты в промышленности, НКВД, Красной армии, т.е. относилась к элите

советского общества, в отличие от остальных, которые, по мнению НКВД, представляли «низовку». Репрессии против китайцев, корейцев и уйгур проводили и по другим массовым операциям, однако доминирующая часть (около 90 %) была обвинена в «японском шпионаже». Еще одной особенностью операции стали преследования иностранных граждан, прежде всего подданных Китая, в то время как по другим «национальным» карательным акциям подданные других стран прошли единично.

«Харбинская» линия стала главным направлением приказа № 00593. Репрессиям подверглось около 25 тыс. чел. русскоязычного населения, проживавшего, даже временно, в Китае, в том числе бывшие служащие КВЖД и реэмигранты. Второй по численности жертв целевой категорией «харбинской» операции стали китайцы, около 16 тыс. китайцев были обвинены в «японском шпионаже». Около 11 тыс. китайцев, попавших в целевую категорию приказа № 00593, были арестованы на Дальнем Востоке. Корейцев по «харбинской» операции прошло около 5 тыс. чел., более половины – из числа депортированных осенью 1937 г. в Казахстан и Узбекистан. По региональным линиям прошло около 3,5 тыс. чел.

Реальные масштабы репрессий по приказу № 00593 в два раза превысили первоначально установленные цифры (25 тыс.) на аресты. По «харбинской» операции прошло 49 470 чел. По численности жертв она заняла третье место после «польской» и «немецкой» операций. Однако это не окончательная цифра. По «смешанной» карательной акции было осуждено около 1,6 тыс. чел., арестованных в рамках приказа № 00593, но по решению центрального аппарата НКВД включенных в «разные» протоколы, что свидетельствует об интенсификации террора. Поэтому итоговое число репрессированных в рамках «харбинской» операции нуждается в корректировке, что, несомненно, приведет к увеличению численности жертв приказа № 00593.

Важным моментом в изучении «харбинской» операции является то, что некоторые выводы, полученные в результате изучения этой карательной акции, можно перенести на другие репрессивные мероприятия против «инонационалов»

и «инограждан», в том числе выводы о механизмах их проведения, о роли Москвы и регионов в организации «линейных» репрессий, о разграничении карательных полномочий между центральным аппаратом НКВД СССР и территориальными чекистскими органами и т.д. Полученные результаты существенно дополнили представления об организации и проведении серии «национальных» операций.

Санкционировало все репрессивные мероприятия в стране Политбюро ЦК ВКП(б). На постановлениях, открывающих карательные акции, имеются подписи И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и др. Репрессии 1937–1938 гг. представляли собой государственный террор, так как все решения по началу и проведению репрессивных мероприятий принимались на уровне Политбюро ЦК ВКП(б).

Органам НКВД в период Большого террора были предоставлены широкие полномочия. Они приводили в действие механизм репрессий. НКВД имели карательные полномочия. Приговоры выносились внесудебными инстанциями: тройками, Комиссией НКВД и Прокурора СССР, Особым совещанием при НКВД СССР и Особыми тройками. Эти органы, за исключением ОСО, были воссозданы с началом массовых операций. Таким образом, карательными полномочиями были наделены не только центральные, но и территориальные органы НКВД. Основной принцип деятельности таких инстанций заключался во внесудебном рассмотрении дел, что должно было обеспечить массовость проводимых репрессий. В то же время разделение репрессивных полномочий между «двойкой» и «кулацкими» «тройками» способствовало интенсификации террора. В целом внесудебные инстанции выполняли не только карательную функцию, но также контролирующую и проверяющую.

Участие прокуратуры – «блюстителя советской законности» и секретаря как представителя партийной власти узаконивало репрессии. Их присутствие придавало массовым арестам политический характер и позволяло разделить ответственность за террор между всеми его участниками.

Террор 1937–1938 гг. имел вертикальную иерархическую структуру управления. Несмотря на то, что при проведении массовых операций

центральный аппарат НКВД получил широкие полномочия, его деятельность контролировалась Политбюро ЦК ВКП(б). В самом карательном органе информация о репрессиях распространялась не горизонтально, а шла строго в вертикальном, иерархическом направлении.

Если центральный аппарат НКВД выполнял координирующую, организующую и контролирующую функции, то в полномочия территориальных органов входило проведение арестов, ведение следствия и вынесение предварительного приговора. Однако полномочия региональных карательных органов были ограничены. В случае с «национальными» операциями репрессивные решения не могли быть приведены в исполнение без утверждения Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Кроме того, любая местная инициатива не могла быть осуществлена без санкции центрального аппарата и Политбюро ЦК ВКП(б).

Проведенный анализ материалов внесудебных инстанций позволяет в проведении «национальных» операций выделить несколько этапов:

- 1) август 1937 г. – весна 1938 г.;
- 2) весна 1938 г. – начало сентября 1938 г.;
- 3) октябрь – ноябрь 1938 г.

Первый период начинается летом 1937 г. с выходом приказа НКВД СССР № 00485 и продолжается до весны 1938 г. Он характеризуется массовыми арестами и осуждениями по «кулацкой» и серии «национальных» карательных акций. С весны 1938 г., с началом второго этапа, изменяется вектор карательной политики НКВД. Именно с этого времени стартует второй этап Большого террора. В целом на втором этапе лимиты по приказу № 00447 были выполнены, а «линейные» операции заняли главное место в репрессивной политике НКВД. Доля репрессированных национальных групп в рамках «национальных» карательных акций увеличилась. Третий период начинается с работы Особых троек, которые в двухмесячный срок должны были утвердить приговоры по «альбомным» справкам, возвращенным из Москвы. Этот этап стал завершающим в «национальных» операциях. Главной его особенностью было прекращение

массовых арестов. Дела на задержанных после 1 августа 1938 г. передавали на рассмотрение судебным инстанциям или Особому совещанию при НКВД СССР. Роль внесудебных инстанций в это время сократилась. Комиссия НКВД и Прокурора СССР и ОСО практически прекратили вынесение репрессивных решений в отношении арестованных по «национальным» операциям. «Кулацкая» «тройка» уже прекратила свою работу. Кроме того, большая часть приговоров (около 80 %), вынесенных Особыми тройками, не была приведена в исполнение, так как репрессивные решения внесудебной инстанции на основании приказа № 00762 были отменены, а дела на этих лиц – переданы по подсудности. С выходом совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. заканчивается третий, завершающий этап «национальных» операций.

Подводя итог, отметим, что уже в 1939 г. под руководством нового наркома внутренних дел Л.П. Берии началась проверка деятельности органов НКВД за период 1937–1938 гг. Материалы проверки свидетельствовали о массовых фальсификациях работников НКВД. Факты фальсификации подтверждаются заявлениями о пересмотре дел, которые были направлены в Прокуратуру СССР в 1939–1941 гг. осужденными на заключение в ИТЛ или родственниками расстрелянных. Из заявлений следует, что имела место подтасовка фактов, привлечение к делу лжесвидетелей. 9 февраля 1956 г. на Президиуме ЦК КПСС был озвучен доклад комиссии ЦК КПСС во главе с П.Н. Пospelовым по установлению причин массовых репрессий, в том числе и при проведении так называемых национальных операций. В секретном докладе Хрущева на XX съезде КПСС репрессированные в рамках «линейных» карательных акций были упомянуты уже как «безвинные жертвы». В начале 1990-х гг. в большинстве постсоветских стран были приняты законы о реабилитации. В России закон «О реабилитации жертв политических репрессий» был обнародован 18 октября 1991 г. К настоящему времени на всем постсоветском пространстве реабилитационные процессы не завершены, хотя в большинстве стран имеются государственные программы увековечения памяти репрессированных. Российское государство

лишь формально признало террор, однако персонализация жертв репрессий далека от завершения. Так, в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», являющейся на данный момент самым крупным хранилищем сведений о репрессированных на территории СССР, собрано только около 20 % информации о пострадавших от террора. Материалы на осужденных по «харбинской» операции в базе отсутствуют более чем в 80 % случаев. До настоящего времени существуют ограничения в доступе к ведомственным материалам 1937–1938 гг., что затрудняет выявление всех репрессированных лиц. На постсоветском пространстве наблюдается тенденция к табуированию темы террора. До настоящего времени исследование массовых репрессий 1937–1938 гг. сохраняет свою актуальность, так как, пока остаются засекреченными документы карательных органов, пока не названы имена всех репрессированных, пока полностью не изучен механизм государственного террора, пока репрессивная практика государственного управления не осуждена как преступление против человечества, ни одно из постсоветских государств не защищено от повторения массовых политических репрессий.

Список использованных источников и литературы

Источники

Законодательные материалы

1. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М.: Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР». 1940. 299 с.
2. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. М., 1937. 306 с.
3. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР на 1 марта 1940 г. Том 9. ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. С. 363–433.

Справочно-статистические материалы

4. Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс]. URL: <http://stalin.memo.ru> (дата обращения 11.11.2017 г.).
5. «Рано или поздно Сталина все равно убьют»: Оппозиционеры под ударом Кремля и Лубянки. 1926–1936 гг. // [Электронный ресурс]. Россия XX век: альманах. Архив А. Яковлева. – URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1012583> (дата обращения: 09.05.2018).
6. Боль людская: Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40–е и начале 50–х годов: В 5–ти т. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1991–1999. Тт. 1–5.
7. Всесоюзная перепись 1926 года. Отдельный оттиск табличной части тома XXIII. Отдел II. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1930. 332 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов / сост. В.Б. Жиромирская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1999. 208 с.

10. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул, 1998–2001. Тт. 1–3.

11. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4–е изд. М., 2007. 1 электрон, опт. диск (CD–ROM).

12. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

13. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. Новосибирск, 2005. 435 с.

14. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. Новосибирск, 2008. 624 с.

15. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 4. Новосибирск, 2014. 640 с.

16. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск, 2000–2004. Тт. 1–11.

17. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: 1934–1941. Справочник. [Электронный ресурс]: справочник // Сайт историко-просветительского общества «Мемориал». [М., 1999.] URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/index.htm> (дата обращения: 30.03.2017).

18. Поляков Ю. А., Исупов А. А.. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

Периодические издания

19. Газета «Известия» 1937–1938 гг.

20. Газета «Комсомольская правда» 1937–1938 гг.

21. Газета «Правда» 1937–1938 гг.

22. Газета «Спутник агитатора» 1937–1938 гг.

Документальные материалы

23. 1937—1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле / ред. кол.: А. В. Большакова, В. И. Марков, И. В. Родионова, Б. П.

Тренин, Ю. Г. Удодов; сост. Б. П. Тренин. Томск; М.: Водолей Publishers, 2006. 462 с.

24. Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиума ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55752> (дата обращения: 04.12.2017)

25. Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг. Сборник документов. Алматы: Лем, 2014. 740 с.

26. История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / под. ред. Н. Верт, С. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. 730 с.

27. История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – половина 1950 х годов. Собрание документов в 7 томах. Т. 2. Карательная система. Структура и кадры / под. ред. Н. Петрова. М.: РОССПЭН, 2004. 700 с.

28. История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – половина 1950 х годов. Собрание документов в 7 томах. Т. 7. Архивы ГУЛАГа / под. ред. В. Козлова, С. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. 640 с.

29. Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Материк, 2004. 734 с.

30. Поляки в Томском крае. 1920–1940–е гг. (сборник архивных документов и материалов) / сост. В.А. Ханевич. Томск: Издательство Национального исследовательского Томского политехнического университета, 2013. 360 с.

31. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1919–1939. Документы и материалы. в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. РОССПЭН, 2000.

32. Сталинские депортации. 1928—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. 902 с.

33. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. в 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000–2005. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. 702 с.

34. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930–е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / сост. А.И. Савин. Новосибирск: Посох, 2009, 752 с.

Архивные материалы

Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края

35. Ф. Р-2. Управление УФСБ Российской Федерации по Алтайскому краю

Центральный архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации

36. Ф. 3 Фонд НКВД

37. Ф. 8ос. Оп. 1 Статистическая отчетность

38. Ф. 100 Документы ОГПУ–НКВД

Архив УФСБ по Омской области

39. Ф. 6 Протокольный фонд

Архив УФСБ по Новосибирской области

40. Ф. 7/1 Материалы внесудебных инстанций

Архив УФСБ по Читинской области

41. Ф. 2. Оп. 987 Оперативно-статистическая отчетность НКВД

Архив УФСБ по Красноярскому Краю

42. Ф. 2 Оперативно-статистическая отчетность НКВД

43. Ф. 9 Протоколы внесудебных инстанций НКВД 1937–1938 гг.

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины

44. Ф. 5. Уголовные дела на не реабилитированных лиц

45. Ф. 6 Уголовные дела на реабилитированных лиц

46. Ф. 9 Нормативно-распорядительные документы ЧК-КГБ

47. Ф. 13 Коллекция печатных изданий КГБ СССР

48. Ф.16 Документы секретного и не секретного делопроизводства

49. Ф. 42 Оперативно-статистическая отчетность КГБ СССР

Центральный государственный архив общественных объединений Украины

50. Ф. 1 Центральный комитет Коммунистической партии Украины (ЦК КПУ), Киев (1918–1991)

Архив МВД Грузии

1-й отдел

51. Ф. 6 Фонд архивно-уголовных дел

52. Ф. 8. Протоколы заседания тройки при НКВД по Грузинской ССР

53. Ф. 12 Фонд архивных материалов приведения ВМН в исполнение

2-й отдел

54. Ф. 6 Документы И.В. Сталина.

Национальный архив Армении

55. Ф. 1191 МГБ Армянской ССР

Департамент внутренних дел Восточно-Казахстанской области

56. Ф. 19 Фонд НКВД

Литература

57. Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 0044 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 343–362.

58. Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

59. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 298 с.

60. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьба немецкой деревни в Сибири (конец 1920–х – 1930–е годы). М. : IVDK : Лит. агентство "Варяг", 1995. 315 с.

61. Большевистский порядок в Грузии: в 2 т./ сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М.: АИРО-XXI, 2015.

62. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Часть 1. С. Топчиха, 1995. 194 с.

63. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Часть 2. С. Топчиха, 1995. 224 с.

64. Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 187 с.
65. Ватлин А.Ю. Следственные дела 1937–1938 гг. // Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2004. С. 148–218.
66. Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 254 с.
67. Верт Н. Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2011. С. 93–101. 256 с.
68. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2010. 447 с.
69. Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М.: Спектр'1, 1992. 336 с.
70. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2009. 318 с.
71. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 376 с.
72. Гришаев В. Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1995. 238 с.
73. Гурьянов А.Э. Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан. Электронный ресурс. URL: <http://www.memo.ru/history/polacv/vved/obzor.htm> (дата обращения: 01.03.2018).
74. Данилов В.П. Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. 1937. М. РОССПЭН, 2004. С. 7–50.
75. Дацышен В. Г. Интернирование армии Су Бинвэня. Из истории советско-китайских отношений // Мир Евразии. 2010. № 4. С. 23—27.

76. Дацышен В. Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы китайской миграции в России // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 45—58.

77. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII—XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 327 с.

78. Дацышен В. Г. Политические репрессии и китайцы в СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения 11.11.2017).

79. Дацышен В. Г., Кутилова Л. А., Низовских А. В., Тарасов М. Г. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917 — начало 1980-х гг.). Красноярск: СФУ, 2016. 374 с.

80. Дацышен В. Г. Политические репрессии и китайцы в СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения: 11.11.2017).

81. Деннингхаус В. В тени Большого Брата. Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 727 с.

82. Джуха И. Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетейя, 2006. 416 с.

83. Жанбосинова А. С. Репрессивная политика Советского государства в 20–50-е годы XX века (На примере Восточного Казахстана). Усть-Каменогорск: Печатное издательство-агентство «Рекламный Дайджест», 2010. 358 с.

84. Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 255 с.

85. Жданова Г. Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 718–745.

86. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003. 512 с.
87. Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина. М.: «Эксмо»: Алгоритм, 2010. 336 с.
88. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917—1933 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 390 с.
89. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118–127.
90. Земсков В.Н. Массовые репрессии: заключенные // Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000. С. 311–330.
91. История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Материалы международной научной конференции октябрь 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кабак, О. Кувалдина. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.
92. История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Материалы международной научной конференции 5–7 декабря 2008. М: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 790 с.
93. История сталинизма: крестьянство и власть: Материалы международной научной конференции 29 сентября–2 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. 423 с.
94. История сталинизма: репрессированная российская провинция: Материалы международной научной конференции 9–10 октября 2009 / под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 599 с.
95. Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина; РОССПЭН, 2009. 328 с.
96. Кириллов В.М. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России (по материалам Книг памяти) [Электронный ресурс] // Возвращенные имена. URL: <http://vi.krsk.ru/Mat/KP3.doc> (дата обращения: 13.05.2017).
97. Конквест Р. Большой террор. Рига: «РАКСТНИЕКС», 1991. 416 с.

98. Константинов П., Стуканов А. Институт реабилитации // Законность. М., 2004, № 7. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.juristlib.ru/book_2713.html (дата обращения: 20.04.2016).

99. Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.

100. Кропачев С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 годах // Российская история. № 1, 2010. С. 166–172.

101. Кропачев С. А. От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. СПб: Алетейя, 2011. 200 с.

102. Кропачев С.А. «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kubanmemo.ru> (дата обращения: 11.11.2017).

103. Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.

104. Кузнецов Д. В. «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 136–146.

105. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 511 с.

106. Литвин А. Российская историография большого террора [Электронный ресурс]: издательский дом «Первое сентября» // История. 1999. № 33. – URL: <http://his.1september.ru/1999/his33.htm> (дата обращения: 01.06.2016).

107. Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 208 с.

108. Макеев Б.В. Прекращенные уголовные дела по обвинениям в контрреволюционных преступлениях 1937–1938 гг. из архива УФСБ РФ по Смоленской области // Отечественные архивы. 2007. №5. С. 45–52.

109. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.
110. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост.: Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010. 767 с.
111. Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 483 с.
112. Меньковский В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск: БГУ, 2007. 359 с.
113. Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М.: Алгоритм, 2011. 480 с.
114. Мотревич В. П. Иностранные граждане — китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7—8 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2015. С. 178—181.
115. Мусиенко Н.С., Ватлин А.Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924–1938. М.: РОССПЭН, 2014. 240 с.
116. Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. 288 с.
117. Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М.: Новый хронограф, 2010. 608 с.
118. Никольский В.М. Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в УССР, 1937–1938 годы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1, апрель–июнь 2010 г. С. 21–32.
119. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 35–75.

120. Павлова В. И. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. М., 2003. № 10. С. 19–37.
121. Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–56.
122. Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2001. 460 с.
123. Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66.
124. Павлова И.В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98–103.
125. Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.
126. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
127. Папков С.А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 746–785.
128. Папков С.А. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 128–154.
129. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009. 447 с.
130. Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–43.
131. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / Под ред. Г.Н. Безрукова. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2005. 432 с.
132. Полян П.М. Иностранцы в ГУЛАГЕ: советские репрессии против иностранноподданных. [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0147> (дата обращения: 12.07.2016).

133. Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992, № 2. С. 20–31.
134. Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.): Коллективная монография. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Сурузакова», 2017. 280 с.
135. Разгон В.Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937–1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. Ч. 2. С. 249–260.
136. Разгон В.Н. «Большой террор» и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы II Всероссийской научной конференции. 27–28 июня 2009 г. Барнаул: изд-во «Академия развлечений», 2009. С. 208–214.
137. Разгон В.Н. Большой террор 1937–1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2016. №4(92). С. 128–134.
138. Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг. // Сибирские исторические исследования. 2014, № 3. С. 71–87.
139. Роговин В.З. 1937. М.: Б.и., 1996. 479 с.
140. Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. 2012, № 3. С. 40–61.
141. Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 1998. 268 с.
142. Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930–е годы). Красноярск: СФУ, 2015. 198 с.
143. Сон Ж. Российские корейцы: всецелие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М.: Гриф и К, 2013. 528 с.

144. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. 927 с.

145. Степанов А.Ф. Большой террор в Татарской АССР: Массовая «кулацкая» операция по приказу НКВД СССР № 00447 (по материалам протоколов республиканской тройки НКВД) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 193–191.

146. Степанов А.Ф. Политические репрессии 20–30-х годов в СССР: этноконфессиональные и социальные аспекты (на примере Татарской АССР) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции. Часть II. Краснодар, 2013. С. 198–207.

147. Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск: Петрозавод. ун-т, 1998. С. 161–206.

148. Такала И.Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: изд-во «Журнал Невы», 2002. 172 с.

149. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 434 с.

150. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф, АИРО-XXI, 2008. 632 с.

151. Топография террора: Лубянка и окрестности [Электронный ресурс] // Возвращение имен. – URL: <http://october29.ru/wp/gorod/> (дата обращения: 12.06.2014).

152. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: Томский гос. ун-т, 2012. 564 с.

153. Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было. (Западная Сибирь в конце 20–х – начале 50–х годов). Томск: Томский гос. ун-т, 1995. 336 с.
154. Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2012, № 362. С. 103–106.
155. Усенко А.Н. Массовые политические репрессии 1930–х годов на Дону: автореф. дис. канд. истор. наук. Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону, 2006. 32 с.
156. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30–е годы: город. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцин, 2008. 336 с.
157. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 г. М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 432 с.
158. Хаустов В.Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг.// История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М.: РОССПЭН, 2015 С. 106–118.
159. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 295 с.
160. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: РОССПЭН, 2015. 496 с.
161. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 479 с.
162. Цаплин В.А. Архивные материалы о числе заключенных в конце 1930–х гг. // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 157–163.
163. Цаплин В.А. Статистика жертв сталинизма в 30–е годы. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.
164. Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Д. Россман. М.: Пробел-2000, 2017. 680 с.
165. Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930–е годы. М.: «Готика», 1998. 208 с.

166. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М.: РОССПЭН, 2010.

167. Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 511 с.

168. Ширер Д.Р. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском союзе в 1920–1950 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 208–218.

169. Ширер Д.Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 543 с.

170. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Моск. школа полит. исследований, 2006. 608 с.

171. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технологии его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.

172. Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 459–519.

173. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.

174. Baberowski J., Doering-Manteuffel A. The Quest for Order and the Pursuit of Terror. National Socialist Germany and the Stalinist Soviet Union as Multiethnic Empires // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, S. Fitzpatrick. Cambridge. 2009.

175. Baron N. Production and Terror: The Operation of the Karelian GULAG, 1933–1939 // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol. 43.

176. Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe–Asia Studies. 2010. N. 62 (6).

177. Ellman M. Soviet Repression Statistics: Some Comments // *Europe–Asia Studies*. 2002. Vol. 54, No. 7.
178. Etkind A. Post–Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror // *Constellations*. 2009. Vol. 16. № 1.
179. Getty J. A. ‘Excesses are not permitted:’ Mass Terror Operations in the Late 1930s and Stalinist Governance // *The Russian Review*. 2002. № 61. P. 113–139.
180. Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. New York, 1985.
181. Getty J.A., Naymov O. *The road to terror: Stalin and the self–destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven and London, 1999.
182. Gregory P. R., Schröder P.J.H., Sonin K. Rational dictators and the killing of innocents: Data from Stalin’s archives // *Journal of Comparative Economics*. 2011. № 34.
183. Gregory P. Simplified methods and efficiency: Stalin’s terror managers // *Journal of Comparative Economics*. 2009. № 37.
184. Gregory P. *Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin (an Archival Study)*. Yale, 2009.
185. Hagenloh P. *Stalin’s police: public order and mass repressions in the USSR, 1926–1941*. Washington D.C., Baltimore, 2009.
186. Ilić M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // *EuropeAsia Studies*. 2000. Vol. 52, No. 8.
187. Ilić M. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis // *Challenging traditional views on Russian history* / Ed. Stephen G. Wheatcroft. London, 2002.
188. Kostiainen A. Genocide in Soviet Karelia: Stalin's Terror and the Finns of Soviet Karelia // *Scandinavian journal of history*. 1996. № 4.
189. McLoughlin B. Documenting the Death Toll: Research into the Mass Murder of Foreigners in Moscow, 1937–38 // *Perspectives* (American Historical Association Newsletter). Vol. 37. № 5. 1999.
190. McLoughlin B. *Mass Operations of the NKVD, 1937–1938: a survey* // *Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union*. London, 2003.

191. Shearer D., Khaustov V. Stalin and the Lubianka: A Documentary History of the Political Police and Security Organs in the Soviet Union, 1922–1953. In *Annals of Communism*. New Haven, 2015.

192. Stephen G. Wheatcroft. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror. *Australian Journal of Politics and History*: Volume 53, Number 1, 2007.

193. Thurston R. Life and terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996.

194. Wheatcroft S. Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s: Mass Killings // Challenging traditional views on Russian history. London, 2002.

Приложение А

Приказ № 00593 и закрытое письмо к нему

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО

О ТЕРРОРИТИЧЕСКОЙ, ДИВЕРСИОННОЙ И ШПИОНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКОЙ АГЕНТУРЫ ИЗ ХАРБИНЦЕВ.

20 сентября 1937 г.

г. Москва

№ 60268.

(Л. № 86) Органами НКВД учтено до 25.000 человек бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Маньчжоу-Го, так называемых «харбинцев», осевших на железнодорожном транспорте и в промышленных предприятиях Союза.

Имеющиеся учетные и агентурно-оперативные материалы показывают, что прибывшие в СССР харбинцы в значительной части являются бывшими белыми офицерами, полицейскими, жандармами, участниками различных эмигрантских фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности.

I.

ВЕРБОВОЧНАЯ РАБОТА ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ СРЕДИ ХАРБИНЦЕВ.

После разгрома белой армии – КОЛЧАКА, СЕМЕНОВА, МЕРКУЛОВА и других сибирских, забайкальских (Л. № 87) и дальневосточных белогвардейских формирований, в Маньчжурию хлынула волна беженцев и белоэмигрантов.

Эта масса широко проникла на Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся первое время под управлением ген. ХОРВАТА и белогвардейца ОСТРОУМОВА, а после перехода дороги в ведение советского правительства, продолжая там оставаться, приняло советское гражданство и, таким образом, получила возможность свободного въезда в СССР.

В дальнейшем, в течение ряда лет, из Северной Манчжурии в Советский Союз систематически направлялись реэмигранты, в том числе амнистированные колчаковцы, участники капшелевских отрядов, бывшие семеновцы и т.п.

Реэмиграция в Советский Союз приняла еще более широкие размеры в период с 1925 по 1929 год, когда, особенно во время советско-китайского конфликта 1929 года, разрешался

беспрепятственный въезд в СССР всем без исключения служащим Китайско-Восточной железной дороги.

До продажи Китайско-Восточной железной дороги китайская полиция и японская разведка вели широкую провокаторскую работу в партийных, профессиональных и общественных организациях советской колонии в Харбине, а также среди советских граждан на дороге.

(Л. № 88) В этих целях китайская полиция, состоящая в подавляющем большинстве из белогвардейцев и участников эмигрантских объединений («Российский общевойсковой союз», «Братство русской правды», «Казачий союз», «Всероссийская фашистская партия» и друг.) – проводила массовую вербовку агентуры из советских граждан.

В дальнейшем, особенно после захвата Маньчжурии японцами, вербовка агентуры из советской части служащих Китайско-Восточной железной дороги приняла еще большие размеры и проводилась, главным образом, в целях создания диверсионных и шпионских кадров на Китайско-Восточной железной дороге для последующей переброски их на территорию СССР.

Особенно широкая вербовочная работа была развернута японской разведкой среди молодежи, которая втягивалась в различные молодежные фашистские организации.

Практиковавшийся ежегодный призыв в ряды РККА советских граждан, проживающих в Северной Маньчжурии, давал возможность легальной переброски на советскую территорию значительных диверсионных и шпионских кадров, оседавших после демобилизации из армии, чаще всего на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири.

В период продажи Китайско-Восточной железной дороги и депортирования советских служащих в СССР, (Л. № 89) японская разведка, в целях насаждения массовой диверсионно-шпионской сети на территории Союза, привлекла к вербовочной работе эмигрантские центры антисоветских политических партий («Трудовая крестьянская партия», эсеры) и харбинских троцкистов, а также все эмигрантские белогвардейские организации в Маньчжурии, в особенности молодежные фашистские организации («Черное кольцо», «Союз мушкетеров», «Союз христианских молодых людей» и т.п.).

Завербованные харбинцы обычно направлялись на особые диверсионно-шпионские курсы (школа шоферов ЯДЛОВСКОГО, т.н. автотракторные курсы «ПРАГА», «ИНТЕРНАЦИОНАЛ», курсы генерала СЫЧЕВА и др.), после чего проходили «стажировку», выполняя задания по освещению отдельных лиц из советской колонии, выявлению членов местной нелегальной коммунистической организации и т.п.

Таким образом, японская разведка направляла в СССР подготовленные кадры шпионов и диверсантов из харбинцев, уже прошедших специальную школу разведки и проверенных на провокаторской работе.

Вербовочную работу и переброску в СССР диверсионно-шпионской агентуры из харбинцев, ведут в основном следующие японские разведывательные и полицейские органы и эмигрантские фашистские организации:

а) военные миссии. Диверсионно-разведывательную работу против СССР ведут японские военные миссии (*Л. № 90*) в Хайларе, Сахалыне, ст. Пограничная, Маньчжурия, Мишансян, Хулине и Санчагоу, а также японская военно-морская миссия в Шанхае. Для работы против СССР эти миссии располагают значительными кадрами опытных русских агентов. На руководящей работе в военных миссиях находятся офицеры японского генерального штаба, как правило, знающие русский язык и страну.

При проведении вербовочной работы, военные миссии широко используют русские белогвардейские организации в Маньчжурии и Китае, работающие под прямым руководством миссий.

б) жандармские отряды. Широкую вербовку шпионов проводят расположенные в Маньчжурии и в некоторых пунктах Китая японские жандармские отряды, ведущие не только контрразведывательную, но и активную разведывательную работу. Вербовки проводятся, как жандармами, так и русскими агентами, работающими в жандармерии. Особенно большую работу по вербовкам проводил агент харбинского жандармского управления, бывший белый офицер ГРАССЕ. Значительное количество своей агентуры жандармерия приобрела во время массовых арестов советских граждан в период советско-китайского конфликта и накануне продажи КВЖД, принудив часть из них к шпионской и диверсионной работе с помощью пыток.

в) полиция. Вербовкой агентуры для переброски в СССР занимается также японо-маньчжурская полиция. (*Л. № 91*) В этих целях полиция использует русских полицейских и надзирателей, которые имеют по роду своей службы тесное общение с советскими гражданами.

Полиция широко использует для вербовок агентуры свою старую русскую секретную агентуру, через которую вербует агентов, направляемых в СССР.

Особенно активную работу по вербовкам ведет помощник начальника полиции на ст. Пограничная ШИПУНОВ Б.Н., старый японский агент, член эмигрантской фашистской организации «Братство русской правды».

г) японские торгово-промышленные предприятия. Значительную вербовочную работу по заданиям японской разведки ведут различные промышленные и коммерческие японские предприятия. Основными из них являются:

Транспортные общества «Кокусай-Унию», «Сиосен-Гуми», имевшие филиалы в городах Китая, Маньчжурии и Советского Дальнего Востока (Владивосток).

В харбинском отделении общества «Кокусай-Унью» работал старый японский агент, зубной врач НАСОНОВ (сейчас находится в Шанхае). НАСОНОВ вел работу по вербовке для японской разведки преимущественно советской молодежи. Кроме того, вербовочную работу проводят два наиболее крупных японских концерна «Мицуи» и «Мицубиси», занимающиеся снабжением японской армии через свои филиалы, имеющиеся в ряде стран и ведущие большую шпионскую работу.

(Л. № 92) К числу учреждений, ведущих вербовочную работу, принадлежит также харбинское отделение правления Южно-Маньчжурской железной дороги, фактически являющееся резидентурой японского генерального штаба, во главе которого стоял офицер генерального штаба ФУКУЙ, он же ФУКУДА, квалифицированный японский разведчик, живущий в Харбине с 1917 г. В его аппарате работало несколько русских белогвардейцев, которых он использовал, главным образом, в качестве резидентов и вербовщиков (генерал КАСАТКИН, МИХАЙЛОВ, работавшие ранее на КВЖД и уволенные оттуда за связь с японцами).

д) «Всероссийская фашистская партия». Центр этой партии находится в Харбине и возглавляется перебежчиком из СССР Константином РОДЗАЕВСКИМ. Филиалы имеются почти во всех городах Маньчжурии и ряде городов Китая.

Из этой партии японцы, в основном, черпают кадры диверсионных банд и групп, перебрасываемых в СССР, вербуют отдельных террористов и диверсантов.

Центром работы фашистской партии в Харбине является так называемый «Русский клуб», где происходят фашистские собрания, работают разные антисоветские кружки и т.п. При «Русском клубе» функционирует стрелковая школа, где фашистская молодежь обучается стрельбе. Из лиц, прошедших стрелковую школу при клубе, создаются террористические группы, перебрасываемые в СССР.

(Л. № 93) е) «Дальневосточный союз военных». Эта организация возникла из остатков дальневосточного филиала «Российского общевойскового союза» («РОВС»), в свое время распущенного японцами. Во главе этого союза, объединяющего кадры бывших участников белых армий, стоит атаман СЕМЕНОВ, находящийся на службе у японцев. В «Дальневосточный союз военных» вошли почти все члены «РОВСа». Главной задачей союза является сохранение белоэмигрантских кадров, как строевой военной единицы. Из числа участников «Дальневосточного союза военных» формируются диверсионные отряды и создаются диверсионные кадры для посылки в СССР в качестве террористов.

ж) «Эмигрантское бюро». Всероссийская фашистская партия и «Дальневосточный союз военных» объединяются так называемым «Эмигрантским бюро», которое состоит из назначаемых японцами белоэмигрантских деятелей, состоящих у японцев на службе. В функции бюро входит регистрация эмигрантов, учет перебежчиков из СССР и бывших советских граждан. Из этих контингентов «Эмигрантское бюро» подбирает лиц, которых направляет с «повинной» в советское консульство, предварительно вербуя их для диверсионной и шпионской работы.

з) молодежные организации. В течение ряда лет в Харбине существовали разнообразные фашистские организации молодежи, созданные японскими военными миссиями. К этим организациям относятся: «Черное кольцо», (Л. № 94) «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Союз христианских молодых людей», «Русский студенческий союз» и др. Все эти организации подготавливали разведчиков, диверсантов и террористов, перебрасываемых японской разведкой на нашу территорию.

и) спортивные организации. Для вербовочной работы японскими военными миссиями широко используются специально созданные белоэмигрантские спортивные организации: «Комета», «Санитас» и др. Во главе этих организаций стояли японские агенты братья КОСТРИЧЕНКО, МАКАРЕНКО, КУЛЕБЯКИН и др. Состоявшая в этих организациях молодежь обрабатывалась этими руководителями в антисоветском духе и вербовалась для диверсионно-террористической и шпионской деятельности. Завербованные японцами спортсмены перебрасывались в СССР с заданием осесть на каком-либо оборонном объекте или заводе в качестве инструкторов физкультуры, завязать нужные связи и проводить диверсионно-шпионскую работу.

Кроме этих организаций вербовку шпионско-диверсионных кадров ведут созданные японской военной миссией в Харбине различные разведывательные курсы, как-то: «Интернационал», «Прага», «Славия», курсы при «Христианском союзе молодых людей». Аналогичную роль играют существующие в Харбине «Курсы машинописи», «Фармацевтические курсы», «Курсы стенографии» и т.п., используемые японской разведкой.

(Л. № 95) Большую вербовочную работу проводят также по заданиям японской разведки участники официально распущенных организаций «Братство русской правды» и «Национальный союз нового поколения».

II.

МЕТОДЫ ВЕРБОВКИ АГЕНТУРЫ.

В вербовке агентуры японская разведка широко практикует методы провокации, компрометации и шантажа.

В 1932 году, после оккупации Северной Маньчжурии, японские власти приступили к массовым арестам советских граждан, внедряя в среду арестованных свою провокаторскую агентуру. Во время депортации вся эта агентура была направлена в СССР. Одновременно японцы производили новые вербовки из числа заключенных советских граждан, дававших на следствии «откровенные показания», угрожая в случае отказа вести шпионскую работу, сообщить об «откровенных показаниях» советским властям. В этом отношении характерным является дело «Хинганские туннели», по которому было осуждено свыше 30 депортированных из Маньчжурии советских граждан, завербованных японцами во время содержания под стражей и переброшенных в СССР с диверсионными и террористическими заданиями.

Широко практикуется японской разведкой (*Л. № 96*) метод провокационных вербовок. Так, например, агент Харбинского жандармского управления ВОРОНИН, выдавая себя за редизента (*прим. автора: так в тексте документа*) «ИНО ОГПУ», сумел под видом работы в пользу СССР привлечь к провокационной шпионской деятельности в пользу Японии ряд нелегальных работников харбинских профсоюзных, комсомольских и партийных организаций.

Такой же деятельностью занимался японский разведчик СИВИЦКИЙ, выдававший себя за агента советского консульства в Харбине и вербовавший агентуру «для НКВД».

При применении метода компрометации при вербовках агентуры, широко используется женская агентура, которая подставляется лицам, намеченным для вербовки. Так, например, агент японской военной миссии в Харбине, артистка ГРАНОВСКАЯ, была подставлена к одному из ответственных нелегальных работников Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) ВОЛКОВУ-ДЕТКОВУ и систематически изымала у него секретные материалы, которые передавала японцам. Документы фотографировались и через ГРАНОВСКУЮ возвращались на место. Через некоторое время ВОЛКОВ-ДЕТКОВ был вызван в японскую военную миссию, где ему предъявили фотографии изъятых документов и предложили дать согласие на работу в пользу японской разведки. В противном случае японцы угрожали опубликовать все материалы в белой прессе, с указанием, что они «любезно предоставлены для опубликования ВОЛКОВЫМ-ДЕТКОВЫМ». Боясь компрометации, ВОЛКОВ-ДЕТКОВ (*Л. № 97*) согласился работать по заданиям японской разведки.

Нередко для вербовки используются всякого рода долговые записки, векселя, расписки в получении денег и т.п. Например, арестованный в СССР японский разведчик КОЛПАКЧИ был завербован японским агентом МИХАЙЛОВЫМ, который шантажировал его долговой запиской, выданной когда-то его бывшему квартирохозяину. КОЛПАКЧИ было предъявлено готовое клише этой расписки и корректура статьи, которая должна была, якобы, появиться в газетах. В связи с этим КОЛПАКЧИ был вынужден, согласится работать для японской разведки.

Во многих случаях японцы вынуждали харбинцев, выезжавших в СССР, соглашаться на выполнение диверсионных и шпионских заданий под угрозой репрессий в отношении остальных членов семьи, остававшихся в Харбине. Так, например, было со служащим КВЖД ВОВК, который был завербован японской жандармерией в Харбине, под угрозой, что в случае его отказа от шпионской работы, будет выдан его сын, находящийся в СССР и работающий по заданиям японской разведки.

Распространенным методом вербовки харбинцев является также обработка белоэмигрантской профессурой и преподавателями учащихся в высших и средних учебных заведениях в Харбине, в частности в железнодорожных школах Харбина.

(Л. № 98) Наиболее проверенные японские агенты получают при переброске в СССР специальные задания по вербовке агентуры для диверсионно-разведывательной деятельности на территории СССР.

В этих случаях вербовки производятся исключительно среди антисоветских правотроцкистских элементов, бывших членов партии, исключенных по политическим мотивам, бывших белых, бывших членов антисоветских политических партий, раскулаченных и т.п.

При вербовках используются материальные затруднения или применяются шантаж, угрозы разоблачения высказанных антисоветских взглядов, настроений и т.п.

В ряде случаев вербуемым предлагался совместный побег за кордон, при этом указывалось, что при переходе границы с целью закрепления своего положения, на первое время, необходимо передать какие-либо шпионские материалы.

В дальнейшем вербуемый включался в активную диверсионно-шпионскую деятельность в пользу (Л. № 99) Японии, а побег за кордон откладывался на неопределенное время.

Такой метод вербовки, например, применял харбинец ГОЛОВАНЕВСКИЙ.

III.

РАБОТА ЧЕРЕЗ ДВОЙНИКОВ И ПЕРЕВЕРБОВКА НАШЕЙ ЗАКОРДОННОЙ АГЕНТУРЫ.

Одним из опасных методов, практикуемых японской разведкой, является использование двойников, перевербовка нашей агентуры и внедрение своей агентуры в наши разведывательные и контрразведывательные аппараты. С этой целью японская разведка широко подставляет нам своих агентов, разрешает для закрепления их сообщать нам о самом факте своей связи с японцами. Особенно отличается применением этого метода японская жандармерия и военная миссия в корейском городе ХУНЧУН (вблизи нашей границы), неоднократно разрешавшая свои агентам и даже официальным сотрудникам вербоваться для работы у нас. Японцы не только подставляют (Л. № 100) нам свою агентуру, но и

перевербовывают выявленную ими агентуру наших органов и Разведупра (*прим. автора: так в тексте документа*) РККА. В этом направлении значительных результатов добилась японская военная миссия в Харбине, установившая, что тамошняя резидентура Разведупра РККА использует в своей работе аппараты экономического бюро КВЖД. Выяснив это, японцы перевербовали несколько видных служащих экономического бюро КВЖД, являвшихся также агентами Разведупра, и включались, таким образом, в работу резидентуры Разведупра, получая наравне с ней все интересующиеся японцев материалы по Северной Маньчжурии.

За последнее время нашими органами арестован ряд бывших закордонных агентов 7-го отдела ГУГБ Разведупра РККА, оказавшихся двойниками, работавшими в течение ряда лет на японцев и систематически дезинформировавшими нас. Наиболее характерными являются следующие дела:

а) / Дело БАКШЕЕВА / Красноярск/.

Арестован бывший групповод и закордонный агент Хайларской резидентуры УНКВД ДВК Бакшеев А.И., уличенный в шпионской работе для японцев. Из показаний БАКШЕЕВА видно, что когда он работал в Хайларской резидентуре, к нему обратился его знакомый сотрудник японского жандармского управления в Хайларе, белоэмигрант ПОРТНЯГИН, который заявил БАКШЕЕВУ, что японцам известно о работе БАКШЕЕВА для СССР. На этой основе ПОРТНЯГИН перевербовал БАКШЕЕВА, который затем выдал ему всю свою агентурную сеть, с которой работал в Хайларе.

Получив от БАКШЕЕВА всю его агентуру, японцы значительную часть этих агентов перевербовали. Установлено, что таким образом японцами был перевербован один из агентов (*Л. № 101*) Хайларской резидентуры ЦАВИЦОВИЧ, связанный с БАКШЕЕВЫМ и знавший о его провокаторской роли.

Когда японцы решили перебросить БАКШЕЕВА на советскую территорию, ими был через свою агентуру распространен дезинформационный слух о том, что БАКШЕЕВ подлежит аресту. Ввиду этого, наша резидентура перебросила его на советскую территорию.

Перед переброской БАКШЕЕВ получил явку на Хабаровское японское консульство. В дальнейшем БАКШЕЕВ по заданиям японцев вел практическую диверсионно-шпионскую работу в СССР.

Из этого дела видно, что японцы, переворбывая наша агентуру, умело пользуются нашими каналами для переброски ее в Советский Союз.

Еще более характерно для этого метода японской разведки дело бывших колчаковских генералов – братьев СУКИНЫХ.

б/ Дело СУКИНА /Казахстан/.

В 1923 году Маньчжурской резидентурой Разведупра РККА были завербованы бывшие генералы – братья СУКИНЫ, активно боровшиеся в продолжение ряда лет против советской власти. По заявлению, связанных с ними ответственных сотрудников Разведупра, СУКИНЫ оказали им очень ценные услуги и в связи с этим были оба восстановлены в советском гражданстве. Вскоре после получения советского паспорта, в 1926 году один из братьев СУКИНЫХ – Николай, поставил вопрос о том, что он провалился, привлек к себе внимание японской жандармерии. В связи с этим обстоятельством он был переброшен в СССР. Однако при этой переброски совершенно не был учтен ряд серьезных материалов, свидетельствовавших о явной неискренности СУКИНА Николая, двойной игре, ведшейся им с нами.

(Л. № 102) После прибытия в СССР, СУКИН Николай был назначен преподавателем в Киевскую [...] (*прим. автора: текст не разборчив*) школу.

По линии Особого отдела с ним было установлена связь. На первых же явках СУКИН, в порядке личной инициативы, предложил установить связь с японским посольством в Москве, к чему у него якобы имелись возможности. От установления такой связи отказались. Однако к предложению СУКИНА отнеслись беспечно, и оно не возбудило ни каких сомнений в отношении подлинности предлогов, по которым СУКИН Николай был переброшен в Советский Союз. Только следствием, проведенным в 1937 году, было установлено, что СУКИН в тот период уже установил связь с японцами в Москве, выполняя их разведывательные задания, и своим предложением пытался легализовать эти связи.

Выяснилось, что после того как СУКИН был завербован Разведупром, он был вызван японскими военными властями в Мукден, которые сообщили ему, что знают о его работе в пользу СССР и предложили дать согласие на работу в пользу японцев. С того времени СУКИН активно сотрудничал с японцами и по их заданиям систематически дезинформировал Разведупр.

После переброски в СССР СУКИНА Николая, его брат Александр оставался в Харбине, на службе в Управлении КВЖД, в качестве зав. отделом воинских перевозок и одновременно использовался Разведупром. По своей работе он был тесно связан с японцами и, в частности, с офицером генерального штаба ФУКО, который перевербовал его для японцев. Свою шпионскую связь с японцами СУКИН Александр (Л. № 103) прикрывал служебными заданиями и поручениями резидентов Разведупра. Переброска в СССР СУКИНА Александра была произведена японцами также по нашим каналам, под предлогом угрозы ареста.

Ряд других дел также показывают, что значительная часть закордонной агентуры, находящейся сейчас в СССР, вела двойную игру с нами и перевербована японцами. Это объясняется главным образом тем, что в руководстве Маньчжурской резидентуры Разведупра

РККА долгое время находились лица, разоблаченные теперь как агенты японской разведки. Произведенные ими вербовки носили провокационный характер и связанная с ними агентура под их прикрытием работали против нас.

IV.

МЕТОДЫ ПЕРЕБРОСКИ АГЕНТУРЫ.

Переброска японской разведкой своей диверсионно-шпионской агентуры в СССР почти во всех случаях проводилась с таким расчетом, чтобы обеспечить агентам легальный въезд и дать возможность укрепиться, осесть на месте, наладить необходимые связи и до известного времени / иногда в течение нескольких лет/ не вести никакой нелегальной работы. В активную разведывательную работу агент включается лишь после того, как разведка убеждается в крепости его положения, наличии нужных связей и т.п.

(Л. № 104) В ряде случаев, для маскировки агентуры, намеченной к переброске в СССР, японцами используется белая пресса. Для этой цели в газетах помещаются «разоблачительные» статьи о лице, которое направляется в Союз, о его якобы антияпонской коммунистической деятельности, связях с советским консульством и т.п. Так, арестованный на Ленинской жел. дороге харбинец СЫЦЯНКО показал, что при переброске его в СССР японской полицией был ранее пущен слух о якобы предстоящем его аресте.

После того, как этот слух широко распространился и проник в газеты, СЫЦЯНКО был вызван в советское консульство, которое приняло меры к скорейшему выезду его в СССР.

Для связи с переброшенной в СССР агентурой японской разведки была создана среди харбинцев сеть явочных пунктов, широко практикуется посылка специальных связников, применение тайнописи, кодов и паролей. Например, упомянутый харбинец СЫЦЯНКО при переброске из Харбина получил пароль для связи «Привет вам от КИМА», по которому связался с резидентом японской разведки, к которому прибыл.

Другой японский шпион – харбинец ЗАРУЦКИЙ, работавший в качестве контролера поездов на ст. Москва дороги им. Дзержинского, установил связь с другим агентом японской разведки МИХАЙЛОВЫМ, по данному ему в Харбине паролю: «Я из Красноярска».

Харбинец ТЮТЮННИК, бывший прораб станции Волово Московско-Донбасской дороги, передавал все шпионские материалы через специально приезжавшего к нему разъездного агента, связывавшегося с ним по паролю «рус». При отсутствии связного, ТЮТЮННИК направлял шпионские сведения в письмах, составленных особым кодом.

(Л. № 105) Переброшенная японцами в СССР агентура оплачивается ими по средствам баратных операций (*прим. автора: Баратные операции – нелегальные переводные операции иностранной валюты и золота*). Прибывший из Харбина АРАНОВИЧ М.И. занимался широкими баратными операциями с Харбином и выплачивал в СССР большие денежные

суммы разным харбинцам. Как выяснилось, японская разведка использовала АРАНОВИЧА для выплаты денег своей агентуре.

Особо следует отметить широко применяемый японской разведкой метод переброски с диверсионно-шпионскими заданиями в СССР агентов-женщин.

Для легализации, установления необходимых связей и получения шпионских сведений, направляющимся в СССР японским агентам-женщинам рекомендовалось выходить замуж за ответственных работников, командиров РККА, инженеров, работающих на железных предприятиях, особенно на заводах оборонной промышленности и других объектах, интересующих японскую разведку.

Установлен ряд случаев, когда в соответствии с этими заданиями, переброшенные в СССР харбинки выходили замуж за интересовавших их лиц, меняли фамилии и получали таким образом возможность вести широкую шпионскую работу, ускользя при этом из поля наших органов. Так, в Москве арестована группа шпионок, прибывших из Харбина. В эту группу входили: ТАБОЛИНА/КАШИНА, ГЛЫБОВСКАЯ и др. Все эти женщины были завербованы японской разведкой в Харбине, прошли перед переброской в СССР специальную подготовку и с заданиями диверсионно-разведывательного порядка были направлены в СССР. Поселившись в Москве, ТАБОЛИНА и ГЛЫБОВСКАЯ вели свободный образ жизни, заводили знакомства среди военнослужащих и инженерно-технического персонала оборонных предприятий, собирая через свои связи шпионские сведения, которые направляли в Харбин.

(Л. № 106) Жена японского агента КАТАЕВА – шпионка ИКОННИКОВА, имевшая специальные задания собрать ряд разведывательных сведений по частям Приволжского военного округа, вступила в сожительство с несколькими командирами расположенных в Сталинграде частей РККА.

В другом случае, японская шпионка ШЕРЕМЕТ-ШЕВЧЕНКО Надежда, по указанию разведки, явилась в Харбине в советское консульство с легендой о своем кратковременном пребывании в рядах фашистской партии, наступившем затем разочаровании и желании въехать в СССР для честного труда. При посещении консульства ШЕРЕМЕТ-ШЕВЧЕНКО познакомилась и вступила в половую связь с одним ответственным сотрудником консульства, через которого ей удалось получить разрешение на въезд в СССР. Поселившись в Харькове, она приступила к практическому выполнению террористических заданий, полученных ею лично от руководителя «Русской фашистской партии» японского агента РОДЗАЕВСКОГО.

V.

ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ХАРБИНЦЕВ В СССР

Следствием по ряду японских диверсионно-шпионских организаций, раскрытых за последнее время, установлено, что переброшенным в СССР харбинцам разведкой давались следующие сведения:

1. Устанавливать контакт с антисоветским правотроцкистским подпольем, в целях использования его для широкого разворота террористической деятельности, диверсии, (Л. № 107) вредительств и шпионажа.

2. Создавать самостоятельные террористические группы и совершать теракты над руководителями партий и правительств.

3. Насаждать кадры для подготовки и диверсионных актов, главным образом в военное время, на военных заводах и предприятиях оборонного значения, железных дорогах / мосты, паровозные депо, водокачки, механизированные горки и т.п. /.

4. Подготавливать на военное время особые диверсионные группы, располагающие средствами бактериологической диверсии, заражение источников водоснабжения, хлебофуражных и продовольственных складов бактериями эпидемических болезней.

5. Устраивать крушение поездов и поджоги важнейших технических сооружений и складов на железнодорожных узлах, совершать диверсии в промышленности и в Красной Армии.

6. Вести широкую шпионскую работу, собирая сведения о работе предприятий военной и оборонной промышленности, а также могут быть использованными для этих целей в военное время мобилизационных расчетов железных дорог, перевозках воинских грузов, дислокация, передвижениях и перебросках частей РККА, обращая особое внимание на авиационные и технические части РККА.

Выполняя полученные задания по диверсии и шпионажу, переброшенные в СССР харбинцы, имея непосредственную связь с японскими разведывательными центрами, являются активными организаторами диверсионных кадров, возглавляют шпионские (Л. № 108) резидентуры, а в ряде случаев были непосредственными исполнителями диверсионных актов.

Подрывная работа, проводимая харбинцами на транспорте и в промышленности, характеризуется следующими примерами:

Одна ликвидированная террористическая, диверсионно-шпионская организация возглавлялась группой харбинцев-«эмиссаров» «Трудовой крестьянской партии», в прошлом видных эсеровских деятелей, руководителей белогвардейских восстаний на Дальнем Востоке, переброшенных японской разведкой в СССР с целью организации диверсионных групп и совершения центрального террористического акта.\

Еще до переброски, часть этих эмиссаров по заданию японской разведки проникла на Китайско-Восточную железную дорогу, где проводила шпионскую и вредительскую работу, войдя в контакт с троцкистской организацией на КВЖД.

Прибыв в Москву, эти эмиссары развернули большую подрывную и шпионскую работу, связавшись с японским посольством и троцкистской организацией в КПС.

Участники организации ТРУПП, МИХАЙЛОВ-ФИЛИППОВ, КИРСАНОВ, ДЕМИДОВ создали шпионскую резидентуру в международном управлении НКПС (*прим. автора: НКПС – народный комиссариат путей сообщения СССР*) и провели шпионскую и подрывную работу в области международных железнодорожных отношений между СССР, Японией и Польшей.

Одним из эмиссаров, ЗАВОЛГИН-АВДЕЕВ, развернул шпионскую работу в управлении паровозоремонтных заводов, а затем в центральном паровозном управлении НКПС систематически сообщал японской разведке данные о состоянии паровозных заводов и паровозного парка.

Руководитель переброшенной группы эмиссаров, бывший член правительства МЕДВЕДЕВА во Владивостоке, СЛАВЯНСКИЙ-ЦЫПЛЕНКОВ, организовал террористическую группу для совершения террористического акта над тов. Сталиным.

Другие участники организации – харбинцы БАШМАКОВ-КАШКАДАМОВ, ЗАВОЛГИН-АВДЕЕВ и ВЫХРЕСТОВ одновременно создали еще ряд террористических групп.

(Л. № 109) По делу арестовано 60 человек, из которых 51 харбинец.

На железной дороге им. Дзержинского в июле текущего года раскрыто пять диверсионно-шпионских резидентур, состоявших из харбинцев, переброшенных японской разведкой.

Резидентуры возглавлял харбинец – инженер ТЮТЮНИК, участник белогвардейской фашистской партии «Черное кольцо».

В 1933 году ТЮТЮНИК был завербован японской разведкой, прошел специальные разведывательные курсы и был переброшен в СССР.

ТЮТЮНИК получил задание осесть на железнодорожной станции вблизи Москвы, упрочить свое положение и приступить к подготовке центрального террористического акта. Позднее японская разведка должна была направить в его распоряжение группу харбинских боевиков-террористов.

После приезда в СССР ТЮТЮНИК по паролю «Русь» связался с четырьмя другими харбинцами – агентами японской разведки и приступил к подготовке террористического акта, для чего изучал расположение входов в Кремль и прилегающую к ним местность.

В ожидании прибытия террористов из Харбина, ТЮТЮНИК развернул шпионскую работу и передал японской разведке сведения по Воронежскому заводу № 18, об аэродромах в

Воронеже и Ельце, состоянии их охраны, о наличии военных авиационных школ, военной подготовке населения, в частности, учащихся, а также о политических настроениях населения.

Эти шпионские сведения ТЮТЮНИК сообщал в зашифрованном виде письмами по заранее условленным адресам.

Установлено, что японская разведка ведет специальную работу по насаждению своей агентуры из харбинцев в пунктах Московского железнодорожного узла.

На Московском железнодорожном узле в июле текущего года раскрыта сеть японских резидентур, возглавлявшихся харбинцем ЯНЧЕВСКИМ и проводивших на протяжении долгого времени разрушительную и шпионскую работу.

(Л. № 110) По показаниям ЯНЧЕВСКОГО, переброшенные в СССР харбинцы имели специальное задание осесть на железнодорожных станциях вблизи Москвы, в целях создания явочной диверсионно-шпионской базы для японской агентуры, направленной в Москву /по делу арестовано 20 харбинцев/.

На ст. Москва-пассажирская, дороги им. Дзержинского арестован проводник вагонов харбинец БАТУРО, бывший полицейский, в прошлом – торговец опиумом.

В 1934 году БАТУРО был переброшен японской разведкой в СССР со следующими заданиями:

- вести диверсионную работу на железной дороге путем совершения крушений поездов, поджогов складов и технических сооружений.

- собирать и передавать японской разведке шпионские сведения по авиации, в частности, о наземных базах авиачастей, состоянии железнодорожного транспорта, передвижении воинских частей и политических настроениях населения.

После приезда в СССР, БАТУРО по паролю связался с агентом японской разведки ЕРЕМИНЫМ, который, в свою очередь, связал его еще с 7-ю агентами разведки, ранее переброшенными в СССР и уже работавшими на дороге им. Дзержинского.

Связавшись с группой харбинцев, БАТУРО создал три резидентуры на станциях Москва-пассажирская, Москва-техническая и на заводе имени Кагановича.

Созданные БАТУРО резидентуры провели значительную диверсионную работу, систематически разрушая путевое хозяйство на ряде участков дороги и вызывая аварии и крушения поездов.

По делу арестовано 53 харбинца, из них на Московском узле.

Установлено участие переброшенных японской разведкой харбинцев в диверсионно-шпионской работе целого ряда антисоветских троцкистских организаций.

Харбинец ДВУЖИЛЬНЫЙ, переброшенный в СССР в 1929 году, (Л. № 111) получил от начальника японкой разведки в Харбине НАМАКУРА задание связаться с троцкистской организацией и развернуть подрывную и шпионскую работу.

ДВУЖИЛЬНЫЙ вошел в контакт с руководителем троцкистской организации на Оренбургской дороге, бывшим начальником этой дороги ПОДШИВАЛИНЫМ, и совместно с участниками троцкистской организации провел значительную разрушительную и шпионскую работу:

- подготовил и совершил ряд крушений поездов, в том числе несколько крупных крушений с человеческими жертвами;
- вывел из строя ряд агрегатов силовых установок на крупных железнодорожных станциях;
- путем вредительства систематически выводил из строя вагонный парк на ряде участков дороги;
- разрушал путевое хозяйство, которое в 1936 году было приведено в состояние полного упадка по всей линии дороги.

Наряду с этим, ДВУЖИЛЬНЫЙ через агентуру японской разведки в Москве поддерживал регулярно связь с начальником японской разведки в Харбине НАКАМУРА, которому передавал важные шпионские сведения о состоянии пропускной способности дороги, технической оснащенности вагоноремонтных пунктов, депо и заводов.

По заданию японской разведки на Оренбургскую дорогу прибыло свыше 80 харбинцев, которые были расставлены ДВУЖИЛИНЫМ на различных участках хозяйства дороги и введены в состав троцкистской организации.

Харбинец КОЖЕВНИКОВ, переброшенный в СССР японской разведкой в 1935 году, состоял в Харбине в эмигрантском фашистском «Союзе освобождения России» и вел провокаторскую работу по заданиям японской разведки.

После приезда в СССР, КОЖЕВНИКОВ установил связь с переброшенным ранее японским агентом МИХЕТКО, активным участником троцкистской организации на дороге им. Дзержинского.

(Л. № 112) КОЖЕВНИКОВ развернул шпионскую работу, сообщая шифрованными письмами в Маньчжурию секретные сведения о работе Тагильского военного завода № 63.

На Амурской и Дальневосточных железных дорогах выявлено свыше 400 харбинцев, являвшихся резидентами и агентами японской разведки, входивших в состав раскрытой на этих дорогах крупной троцкистской диверсионно-шпионской организации.

По заданиям японской разведки, входившие в состав организации харбинцы, совершили ряд крупных диверсионных актов: крушение поездов, поджоги железнодорожных сооружений,

а также широко проводили вредительство, направленное на разрушение паровозного и вагонного парка и дезорганизацию движения поездов.

Бывший начальник Санотдела Южно-Уральской дороги – харбинец, врач ВОЛЧКОВ, был завербован японской разведкой в 1934 году специально для создания диверсионных групп для бактериологической диверсии в военное время.

Получив это задание, ВОЛЧКОВ выехал на Южно-Уральскую дорогу, где приступил к подготовке диверсионных групп, которые должны были с началом военных действий распространять бациллы брюшного тифа и дизентерии среди воинских частей, следующих в поездах.

В числе ликвидированных диверсионно-шпионских организаций выявлен ряд резидентур, работавших одновременно для японской и польской разведок.

Ряд диверсионно-террористических, шпионских организаций, созданных японской разведкой из харбинцев, выявлен на промышленных предприятиях.

В Свердловске арестован харбинец КРАСОВСКИЙ, бывший белый офицер, работавший для японской разведки с 1923 года. После переброски в СССР в 1926 году КРАСОВСКИЙ приступил к (*Л. № 113*) практической работе по заданиям, полученным им из Харбина через приезжавшего к нему в Свердловск сотрудника японского консульства в Новосибирске. Через него же КРАСОВСКИЙ передавал собранные шпионские сведения.

В 1931 году с КРАСОВСКИМ связался троцкист – японский шпион ТУРОК, руководившей диверсионной и шпионской работой группы КРАСОВСКОГО.

В 1932 году японская разведка через ТУРОКА передала КРАСОВСКОМУ задание развернуть диверсионную сеть в энергетическом хозяйстве и на предприятиях оборонной промышленности. Выполняя это задание, КРАСОВСКИЙ создал ряд диверсионных групп на государственных районных электростанциях Урала, совершивших в 1934, 1935 и 1936 гг. несколько диверсионных актов.

Кроме связников, к КРАСОВСКОМУ из Харбина специально прибывали с паролями японской разведки агенты, которых КРАСОВСКИЙ должен был использовать в качестве исполнителей диверсионных актов, а также для шпионской работы.

В Ярославле ликвидирована террористическая, диверсионно-шпионская группа, созданная агентами японской разведки КОЛОСОВСКИМ, перебросенным в 1932 году в Советский Союз из Харбина.

Участники этой группы харбинцы, в количестве 15 человек, в разное время завербованные японской разведкой, были перебросены в Советский Союз, с явкой к КОЛОСОВСКОМУ и по его указаниям осели в Ярославле, где устроились на предприятиях оборонного значения и железнодорожном транспорте.

Деятельность созданной КОЛОСОВСКИМ группы заключалась:

- в подготовке центрального террористического акта, для этой цели КОЛОСОВСКИЙ и другие участники группы систематически выезжали в Москву.

(Л. № 114) - в организации диверсионных актов на важнейших оборонных предприятиях Ярославля / Ярославский резиноасбестовый комбинат, автомобильный завод и др. /;

- в сборе шпионских материалов по характеру продукции, выпускаемой для нужд обороны страны Ярославскими заводами;

- в сборе шпионских материалов по РККА;

Вербовка новой агентуры участниками группы производилась не только из харбинцев, но и из среды местных жителей.

Так, например, участник группы – харбинец КАРДАШИНСКИЙ завербовал техника центральной лаборатории Ярославского резиноасбестового комбината ГРУЗЕВИЧА, через которого добыл ряд секретных данных о мощности специальных цехов резинового комбината.

В Орджоникидзевском крае ликвидирована диверсионно-шпионская и террористическая резидентура японской разведки, созданная, прибывшем в 1935 году в СССР из Харбина, бывшим подполковником белой армии ЯЦЕНКО.

Задания, полученные ЯЦЕНКО от японской разведки, сводились к созданию на наиболее уязвимых пунктах Бакинских и Грознинских нефтепромыслов и на основных железнодорожных узлах дороги – террористических и диверсионно-повстанческих групп, которые к началу войны Японии с Советским Союзом должны были приступить к активным разрушительным действиям.

Основную массу своей агентуры ЯЦЕНКО вербовал из троцкистов, антисоветски настроенного элемента, бывших белых офицеров, кулаков и т.п.

ЯЦЕНКО создал ряд диверсионных групп на нефтепроводах, нефтекачках и электростанциях, питающих грозненский нефтепромысловый район и железнодорожный узел.

(Л. № 115) Целый ряд диверсионно-террористических организаций, созданных японской разведкой, вскрыт в приграничных районах и областях Дальнего Востока и Восточной Сибири, где они должны были развернуть активную разрушительную работу к началу военных действий между Японией и СССР. Уже сейчас эти организации, расставив в соответствующих пунктах свою агентуру, приступили к активной подготовке диверсионно-террористических актов.

В Благовещенске ликвидировано диверсионно-шпионская организация, созданная японцами через так называемую «Русскую фашистскую партию» в Маньчжурии.

Эта организация возглавлялась бывшими купцами КОТЕЛЬНИКОВЫМ и ФЕДЧЕНКО, которые через консульство Маньчжоу-Го в Благовещенске были связаны с руководителем «Русской фашистской партии» в Харбине РОДЗАЕВСКИМ.

Помимо связи через консульство Маньчжоу-Го, «Русская фашистская партия» посылала в Благовещенск своих эмиссаров, используя для этой цели нелегально переходивших границу японских агентов – белогвардейцев.

Организация имела свою агентуру на ряде оборонных объектов Амурской области и вела свою работу по следующим направлениям:

- создание террористической группы для совершения терактов над партийно-советским активом области;
- насаждала диверсионные группы на оборонных объектах;
- создавала фашистские ячейки в селах Амурской области и фашистские группы среди учащейся молодежи;
- создавала повстанческие организации и вела антисоветскую агитацию среди населения;
- вела шпионскую работу по заданиям консульства Маньчжоу-Го.

Участники этой организации, по заданиям японской разведки, (*Л. № 116*) совершили ряд актов бактериологической диверсии, распространяя бактерии брюшного тифа.

В Восточно-Сибирской области ликвидирована диверсионно-повстанческая организация японской разведки, возглавлявшаяся одним из бывших руководителей карательного отряда атамана СЕМЕНОВА БАШМАКОВЫМ-БУШМАКИНЫМ, нелегально прибывшим из Харбина в 1932 году и создавшим эту крупную диверсионно-повстанческую организацию. БАШМАКОВ поддерживал систематическую связь с прибывшими нелегально из Маньчжурии эмиссарами атамана СЕМЕНОВА – агентами японской разведки ВЕРШИНИНЫМ, ГУРУЛЕВЫМ и другими, от которых получил указания выехать в Забайкалье и там приступить к созданию из бывших белогвардейцев, служивших у СЕМЕНОВА, диверсионных групп на Молотовской и Восточно-Сибирской ж.д., военных заводах и других военных предприятиях, имеющих оборонное значение.

Активное действие этих диверсионных групп были рассчитаны на военное время.

В соответствии с полученными указаниями, БАШМАКОВ-БУШМАКИН создал диверсионную группу на паровозоремонтном заводе в Улан-Удэ численностью 22 человека, перед которой поставил следующие задачи: подготовить взрыв ж.д. моста через реку Селенгу, поджог важнейших цехов завода, устраивать крушение воинских поездов, собирать шпионские сведения по оборонным объектам. Также диверсионные группы были им созданы в ряде других важнейших стратегических пунктах Восточной Сибири.

(*Л. № 117*) В нескольких приграничных районах Восточно-Сибирской области агентами БАШМАКОВА-БУШМАКИНА созданы кулацкие повстанческие группы.

Японская разведка за последние 4-5 лет систематически перебрасывает на нашу территорию специально информированные террористические группы, состоящие из харбинцев для совершения центрального террора.

Из числа ликвидированных за последнее время харбинских террористических групп, показательны две увязанные между собой террористические группы ВАСИЛЕВСКОГО в Ленинграде и ГНИЦЕНКО в Днепропетровске, переброшенные в СССР во время эвакуации бывших рабочих и служащих КВЖД.

Группа ВАСИЛЕВСКОГО. Арестованный в Ленинграде харбинец ВАСИЛЕВСКИЙ был завербован японцами через одного из руководителей харбинского отдела БРП (*прим. автора «Братство Русской Правды»*) бывшего полковника белой армии ГРЫЗОВА, который знал ВАСИЛЕВСКОГО по работе в «арестованном в союзе молодых людей».

От ГРЫЗОВА ВАСИЛЕВСКИЙ получил задание выехать в Ленинград и приступить к подготовке террористического акта против т. ЖДАНОВА. Ему была дана явка в Днепропетровск к ГНИЦЕНКО.

Заехав по этой явке в Днепропетровск, ВАСИЛЕВСКИЙ установил связь с функционировавшей там террористической группой ГНИЦЕНКО.

Группа ГНИЦЕНКО. Группа ГНИЦЕНКО, в которую помимо него входили харбинцы ТАРАСЕВИЧ, КУШЛЯНСКИЙ и др., была создана японской военной миссией в Харбине. Она ставила своей задачей подготовку и организацию центрального террористического акта.

(Л. № 118) Для инструктажа группы в Днепропетровск специально приезжал из Харбина некто ГИНХ Борис, нелегально перешедший границу из Маньчжурии в СССР. ГИНХ, по указаниям японской военной миссией, настаивал на необходимости форсировать подготовку террористических актов.

Группа ИВАНОВА. В 1936 году в гор. Горьком был арестован некто ИВАНОВ В.К., член союза «Мушкетеров», прибывший из Шанхая. По дороге в СССР ИВАНОВ заезжал в Харбин, где он по заданию шанхайской организации «Мушкетеров» установил связь с сотрудниками японской военной миссии бывшим полковником СМИРНОВЫМ, который поручил ему выехать в СССР для совершения центрального террористического акта.

С этой целью СМИРНОВ предложил ИВАНОВУ обосноваться в каком-либо городе недалеко от Москвы, ориентировочно был указан гор. Горький, откуда ИВАНОВ должен был систематически наезжать в Москву.

Перед отъездом в СССР СМИРНОВ свел ИВАНОВА с двумя другими харбинцами, которые вместе с ним выехали в Горький для участия в возглавляемой им террористической группе.

Большинство участников, перечисленных выше, террористических группировок принадлежит к числу харбинской так называемой «золотой молодежи», с раннего детства находившихся под влиянием разных белогвардейских молодежных организаций «Союз мушкетеров», «Черное кольцо», «Крестоносцы» ХОМЛ и т.п., являющихся, как указывалось выше, вербовочной базой японской разведки.

Аналогичные террористические группы ликвидированы в целом ряде других краев и областей и на дорогах им. Молотова, Ворошиловской, Орджоникидзевской, Юго-Восточной, Казанской, Ленинской, Восточно-Сибирской, Красноярской, Томской и (Л. № 119) ряду других.

Все изложенные выше данные прямо указывают, что в лице харбинцев, мы имеем серьезную угрозу безопасности наших предприятий и важнейших железнодорожных сооружений, особенно в предвоенный и военные периоды. Между тем вся работа по харбинцам в большинстве УНКВД и ДТО ГУГБ ведется неудовлетворительно и страдает рядом крупных недостатков.

Настоящее закрытое письмо используйте при проведении операции по харбинцам в соответствии с моим приказом № 00593.

п.п.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСН.

/ЕЖОВ/.

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
Мл. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
/ПОЛЯКОВ/.

*Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 9. Д. 81. Л. 85–119.
Копия. Машинопись.*

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА
ССР № 00593

(Л. № 32) Органами НКВД учтено до 25.000 человек, так называемых «харбинцев» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза.

Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении

ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности.

Доказательством этого могут служить также и следственные материалы. Например, на железнодорожном транспорте и промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4.500 харбинцев. Следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполнявшуюся работу японской разведки по организации на территории Советского Союза диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Рассылая при настоящем приказе закрытое письмо о террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской (Л. № 33) агентуры из харбинцев, в целях разгрома насажденных на транспорте и в промышленности СССР шпионских кадров из харбинцев

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1-го октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы:

а) избранные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований;

д) участники разных эмигрантских фашистских организаций («Российский общевойсковой союз», «Союз казачьих станиц», «Союз мушкетеров», «Желтый Союз», «Черное кольцо», «Христианский союз молодых людей», «Русское студенческое общество», «Братство русской правды», «Трудовая крестьянская партия» и т.п.);

е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Манчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го;

ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма ЧУРИНА и друг.);

з) окончившие в Харбине известные курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»;

и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.);

к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов;

л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство;

(Л. № 34) м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т.п.;

н) участники контрреволюционных сектантских группировок.

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в первую очередь арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

б) во вторую очередь – всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч.

4. Харбинцев, не попавших под перечисленные в пункте втором категории, независимо от наличия компрометирующих данных, немедленно удалить из железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также из промышленных предприятий, приняв одновременно меры к недопущению впредь на эти объекты.

5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.

Выявляемую в процессе следствия харбинцев новую сеть шпионов, вредителей и диверсантов – НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) к первой категории – отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу;

б) ко второй категории – всех остальных, менее активных харбинцев, подлежащих заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет.

7. На харбинцев, отнесенных в процессе следствия к первой и ко второй категории – ежедекадно составлять альбом (отдельная справка на каждого арестованного), с конкретным изложением следственных и агентурных материалов, определяющих степень виновности арестованных.

Альбом направлять в НКВД СССР на утверждение.

(Л. № 35) Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производится на основании агентурных и следственных данных – Народным Комиссаром Внутренних Дел республики – начальником УНКВД, области или края, начальником ДТО ГУГБ НКВД, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение – НЕМЕДЛЕННО.

9. Освобождение из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывающих наказание за шпионаж, диверсию и вредительство – ПРЕКРАТИТЬ.

На этих лиц представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

10. Операцию по харбинцам использовать для приобретения квалифицированной агентуры, приняв меры к недопущению в секретный аппарат двойников.

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репрессированных харбинцев руководствоваться моим приказом № 00486 от 15 августа 1937 года.

13. О ходе операции доносить мне по телеграфу каждые пять дней (5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца).

п.п. НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР -
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЕЖОВ

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 9. Д. 81. Л. 32–35.

Копия. Машинопис

Приложение Б

Статистические сведения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 по регионам

Таблица Б.1 – Статистические сведения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 по регионам

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Азербайджанская ССР														
246	03.01.1938	АзССР	5	4	1		5							
379	13.02.1938	АзССР	11	6	5		11							
425	23.02.1938	АзССР	5	1	4		5							
		Всего	21	11	10	0	21	0	0	0	0	0	0	0
Белорусская ССР														
318	21.01.1938	БССР	41	40	1		41							
497	28.05.1938	БССР	21	17	1		18	1	2				3	
		Всего	62	57	2	0	59	1	2	0	0	0	3	0
Казахская ССР														
91	19.11.1937	ДТО Тур.-Сиб. ж.д.	7	7			7							
99	21.11.1937	ДТО Тур.-Сиб. ж.д.	13	13			13							
121	26.11.1937	КССР	12	11	1		12							
138	01.12.1937	КССР	2	2			2							
172	19.12.1937	КССР	2	2			2							
185	23.12.1937	КССР	20	19	1		20							
248	03.01.1938	ДТО Тур.-Сиб. ж.д.	15	11	4		15							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВГ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
277	08.01. 1938	КССР	25	22	3		25							
291	14.01. 1938	КССР	9	8	1		9							
340	31.01. 1938	КССР	12	10			10	1	1				2	
377	11.02. 1938	КССР	71	65	5		70		1				1	
400	20.02. 1938	КССР	33	31	1	1	33							
417	22.02. 1938	ДТО Тур.- Сиб. ж.д.	3	2	1		3							
430	26.02. 1938	КССР	12	11	1		12							
455	29.03. 1938	КССР	6	6			6							
471	19.04. 1938	ДТО Тур.- Сиб. ж.д.	2	1			1	1					1	
521	05.09. 1938	КССР	376	339	6	6	351	22	2		1		25	
554	05.09. 1938	КССР	136	120	3		123	11			2		13	
		Всего	756	680	27	7	714	35	4	0	3	0	42	0
Киргизская ССР														
307	17.01. 1938	КирССР	4	3	1		4							
428	26.02. 1938	Кир ССР	8	6	2		8							
520	05.09. 1938	КирССР	272	68	193		261	11					11	
562	05.09. 1938	КирССР	116	51	65		116							
581	05.09. 1938	КирССР	142	86	56		142							
		Всего	542	214	317	0	531	11	0	0	0	0	11	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	10 ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Грузинская ССР														
249	03.01. 1938	ДТО Закавказск ой ж.д.	11	1	9		10	1					1	
256	04.01. 1938	ГрССР	48	29	14	1	44	4					4	
393	17.02. 1938	ГрССР	27	13	12		25	2					2	
434	05.03. 1938	ДТО Закавказск ой ж.д.	3	2	1		3							
440	11.03. 1938	ГрССР	7	4	2		6	1					1	
522	15.07. 1938	ГрССР	25	11	14		25							
		Всего	121	60	52	1	113	8	0	0	0	0	8	0
Узбекская ССР														
48	30.10. 1937	ДТО Ташкентск ой ж.д.	11	9	2		11							
96	21.11. 1937	ДТО Ташкентск ой ж.д.	21	11	10		21						0	
161	14.12. 1937	УзбССР	10	6			6	4					4	
179	21.12. 1937	ДТО Ташкентск ой ж.д.	81	34	47		81						0	
210	27.12. 1937	ДТО Ташкентск ой ж.д.	30	8	22		30						0	
217	27.12. 1937	УзбССР	57	21	36		57						0	
316	20.01. 1938	ДТО Ташкентск ой ж.д.	13	2	11		13						0	
364	05.02. 1938	УзбССР	16	5	10		14	2					2	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
368	07.02. 1938	ДТО Ташкентск ой ж.д.	12	5	7		12							
433	02.03. 1938	ДТО Ташкентск ой ж.д.	9	5	4		9							
452	29.03. 1938	УзбеССР	24	19	2		21	2		1			3	
472	19.04. 1938	ДТО Ташкентск ой ж.д.	9	2	7		9							
475	22.04. 1938	ДТО Ташкентск ой ж.д.	23	9	12		21	2					2	
483	07.05. 1938	ДТО Ташкентск ой ж.д.	5	3	1		4	1					1	
		Всего	321	139	170	0	309	11	0	1	0	0	12	0
Туркменская ССР														
69	09.11. 1937	ДТО Ашхабад. ж.д.	6	5			5	1					1	
116	25.11. 1937	ДТО Ашхабад. ж.д.	8	5	2		7	1					1	
254	04.01. 1938	ДТО Ашхабад. ж.д.	9	4	5		9						0	
299	15.01. 1938	Туркм. ССР	18	9	9		18						0	
349	01.02. 1938	Туркм. ССР	6	3	3		6						0	
354	03.02. 1938	ДТО Ашхабад. ж.д.	88	70	18		88						0	
369	07.02. 1938	ДТО Ашхабад. ж.д.	7	6	1		7						0	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
448	26.03. 1938	ДТО Ашхабад. ж.д.	2	1	1		2							
481	07.05. 1938	ДТО Ашхабад. ж.д.	13	10	2		12		1				1	
		Всего	157	113	41	0	154	2	1	0	0	0	3	0
Таджикская ССР														
226	30.12. 1937	ТаджССР	7	7			7							
308	17.01. 1938	ТаджССР	6	1	5		6							
411	21.02. 1938	ТаджССР	3	2	1		3							
		Всего	16	10	6	0	16	0	0	0	0	0	0	0
Украинская ССР														
8	12.10. 1937	УССР Центр	50	50			50							
21	19.10. 1937	ДТО Сталинск. ж.д.	7	7			7							
22	19.10. 1937	ДТО Одесской ж.д.	2		2		2							
25	20.10. 1937	УССР Центр	50	42	6		48	2					2	
42	29.10. 1937	ДТО Южной ж.д.	28	25	3		28							
44	29.10. 1937	ДТО Сталинск. ж.д.	11	11			11							
47	29.10. 1937	ДТО Одесской ж.д.	1	1			1							
55	02.11. 1937	УССР Центр	50	38	11		49	1					1	
62	09.11. 1937	ДТО Сев.- Дон. ж.д.	13	13			13							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
65	09.11. 1937	ДТО Одесской ж.д.	1	1			1							
67	09.11. 1937	ДТО Сталинск. ж.д.	8	6	2		8							
82	14.11. 1937	Чернигов. обл.	2	1			1	1					1	
87	17.11. 1937	УСССР Центр	50	39	10		49	1					1	
103	22.11. 1937	ДТО Южн.-Дон. ж.д.	1	1			1							
109	25.11. 1937	ДТО Одесской ж.д.	7	7			7							
117	25.11. 1937	Чернигов. обл.	2	1	1		2							
118	25.11. 1937	ДТО Сталинск. ж.д.	9	5	4		9							
126	26.11. 1937	УСССР Центр	30	20	8		28	2					2	
127	28.11. 1937	Чернигов. обл.	2		2		2							
153	11.12. 1937	УСССР Центр	38	32	5		37	1					1	
162	14.12. 1937	Винницкая обл.	6	6			6							
199	26.12. 1937	Киевская обл.	25	13	9		22	3					3	
205	26.12. 1937	УСССР Центр	22	14	8		22							
221	28.12. 1937	Чернигов. обл.	14	6	6		12	2					2	
233	31.12. 1937	ДТО Южной ж.д.	24	14	10		24							
241	02.01. 1938	ДТО Одесской ж.д.	9	4	5		9							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
245	03.01. 1938	ДТО Сталинск. ж.д.	15	12	2		14				1		1	
250	03.01. 1938	ДТО Сев.- Дон. ж.д.	9	9			9							
262	05.01. 1938	Полтавская обл.	6	4	2		6							
276	08.01. 1938	ДТО Юго- Западной ж.д.	26	12	10		22	2	1		1		4	
294	14.01. 1938	УССР Центр	31	12	14		26	5					5	
304	25.01. 1938	УССР Центр	1	1			1							
305	16.01. 1938	Донецкая обл.	2		2		2							
329	25.01. 1938	УССР Центр	8	1	5		6	2					2	
331	25.01. 1938	Киевская обл.	8	5	2		7	1					1	
332	26.01. 1938	Днепропет ровская обл.	12	7	5		12							
334	27.01. 1938	Днепропет ровская обл.	4	3	1		4							
341	31.01. 1938	Донецкая обл.	4	2	2		4							
350	01.02. 1938	Николаев. обл.	4	1	2		3	1					1	
360	04.02. 1938	Харьков. обл.	10	6	4		10							
366	07.02. 1938	Чернигов. обл.	10		8		8	2					2	
372	07.02. 1938	Николаев. обл.	1	1			1							
380	13.02. 1938	Чернигов. обл.	4	1	3		4							
384	14.02. 1938	ДТО Сев.- Дон. ж.д.	6	6			6							

[illegible]

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Крымская АССР														
29	26.10.1937	Крымская АССР	8	7	1		8							
50	02.11.1937	Крымская АССР	5	5			5							
66	04.11.1937	Крымская АССР	4	4			4							
90	19.11.1937	Крымская АССР	8	1	6		7	1					1	
136	29.11.1937	Крымская АССР	10	10			10							
323	24.01.1938	Крымская АССР	19	11	6		17			2			2	
367	07.02.1938	Крымская АССР	15	5	8		13	2					2	
378	13.02.1938	Крымская АССР	19	16	2		18	1	0				1	
394	17.02.1938	Крымская АССР	12	8	4		12							
		Всего	100	67	27	0	94	4	0	2	0	0	6	0
Дагестанская АССР														
298	15.01.1938	Дагестан. АССР	13	12	1		13							
412	21.02.1938	Дагестан. АССР	4	1	3		4							
		Всего	17	13	4	0	17	0	0	0	0	0	0	0
Марийская АССР														
137	29.11.1937	Марийская АССР	11	3	8		11							
506	24.06.1938	Марийская АССР	13	10	2		12		1				1	
		Всего	24	13	10	0	23	0	1	0	0	0	1	0
Якутская АССР														
383	14.02.1938	Якутская АССР	21	15	5		20	1					1	
499	31.05.1938	Якутская АССР	878	5	811		816	61	1				62	
		Всего	899	20	816	0	836	62	1	0	0	0	63	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
АССР Немцев Поволжья														
32	26.10.1937	АССР Немцев Поволжья	4	4			4							
135	29.11.1937	АССР Немцев Поволжья	5	5			5							
208	26.12.1937	АССР Немцев Поволжья	7	6	1		7							
306	17.01.1938	АССР Немцев Поволжья	4	1	3		4							
363	05.02.1938	АССР Немцев Поволжья	6		5		5	1					1	
		Всего	26	16	9	0	25	1	0	0	0	0	1	0
Карельская АССР														
296	14.01.1938	Карельская АССР	8	5	3		8							
333	26.01.1938	Карельская АССР	11	6	2		8	3					3	
		Всего	19	11	5	0	16	3	0	0	0	0	3	0
Коми АССР														
345	31.01.1938	Коми АССР	10	3	7		10							
		Всего	10	3	7	0	10	0	0	0	0	0	0	0
Мордовская АССР														
53	02.11.1937	Мордовск. АССР	11	7	4		11							
314	19.01.1938	Мордовск. АССР	4	2	2		4							
		Всего	15	9	6	0	15	0	0	0	0	0	0	0
Северо-Осетинская АССР														
187	23.12.1937	Северо-Осетинск. АССР	23	11	10		21	2					2	
		Всего	23	11	10	0	21	2	0	0	0	0	2	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Татарская АССР														
97	21.11.1937	ДТО Казанской ж.д.	25	20	5		25							
173	19.12.1937	ДТО Казанской ж.д.	24	24			24							
193	25.12.1937	ДТО Казанской ж.д.	80	55	25		80							
288	13.01.1938	Татарская АССР	95	55	39		94	1					1	
330	25.01.1938	Татарская АССР	8	7	1		8							
402	20.02.1938	ДТО Казанской ж.д.	12	7	5		12							
421	22.02.1938	ДТО Казанской ж.д.	9	1	6		7	2					2	
477	27.04.1938	ДТО Казанской ж.д.	25	7	13		20	1	2	2			5	
482	07.05.1938	ДТО Казанской ж.д.	11	7	3		10		1				1	
505	19.06.1938	Татарская АССР	10	3	7		10							
		Всего	299	186	104	0	290	4	3	2	0	0	9	0
Удмуртская АССР														
54	02.11.1937	Удмуртск. АССР	10	6	4		10							
131	28.11.1937	Удмуртск. АССР	34	10	24		34							
170	19.12.1937	Удмуртск. АССР	64	10	49		59	5					5	
414	26.02.1938	Удмуртск. АССР	10		10		10							
		Всего	118	26	87	0	113	5	0	0	0	0	5	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Чечено-Ингушская АССР														
129	28.11.1937	Чечено-Ингушская АССР	67	67			67							
244	03.01.1938	Чечено-Ингушская АССР	9	8	1		9							
352	02.02.1938	Чечено-Ингушская АССР	3		3		3							
		Всего	79	75	4	0	79	0	0	0	0	0	0	0
Чувашская АССР														
302	15.01.1938	Чувашская АССР	14	9	3		12	1			1		2	
429	26.02.1938	Чувашская АССР	5	4	1		5							
		Всего	19	13	4	0	17	1	0	0	1	0	2	0
Алтайский край														
165	15.12.1937	Алтайский край	125	119	5		124	1					1	
196	26.12.1937	Алтайский край	50	50			50							
197	26.12.1937	Алтайский край	42	42			42							
269	05.01.1938	Алтайский край	39	38	1		39							
271	07.01.1938	Алтайский край	30	30			30							
342	31.01.1938	Алтайский край	50	45	4		49	1					1	
518	05.09.1938	Алтайский край	100	36	50		86	13			1		14	
555	28.08.1938	Алтайский край	182	57	116		173	9					9	
556	05.09.1938	Алтайский край	21	7	14		21							
		Всего	639	424	190	0	614	24	0	0	1	0	25	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высыл	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Дальневосточный край (ДВК)														
98	21.11. 1937	ДТО Дальнев. ж.д.	14	12	2		14							
223	28.12. 1937	ДВК	346	285	59		344		2				2	
229	31.12. 1937	ДТО Дальнев. ж.д.	61	20	39		59	2					2	
237	02.01. 1938	ДТО Амурской ж.д.	15	1	14		15							
387	15.02. 1938	ДТО Амурской ж.д.	32	9	22		31	1					1	
388	15.02. 1938	ДТО Дальнев. ж.д.	51	10	33		43	7			1		8	
396	19.02. 1938	ДТО Дальнев. ж.д.	45	24	18		42	3					3	
408	21.02. 1938	ДВК	106	49	57		106							
510	02.09. 1938	ДВК	365	362	2		364					1	1	
511	02.09. 1938	ДВК	124	116	8		124							
513	18.07. 1938	ДВК	38	19	16		35		3				3	
514	18.07. 1938	ДВК	38	9	27		36	1				1	2	
515	18.07. 1938	ДВК	72	2	68		70	1	1				2	
516	18.07. 1938	ДВК	35	5	30		35							
525	02.09. 1938	ДВК	329	92	229	8	329							
526	02.09. 1938	ДВК	517	255	254	8	517							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/выс	Всего осуждено	Доследовани	ВКСВ	ВГ	Суд	Надзор	Всего отпущено	Освобожден
527	02.09.1938	ДВК	592	183	401	8	592							
528	02.09.1938	ДВК	125	98	27		125							
529	02.09.1938	ДВК	409	136	203	70	409							
530	02.09.1938	ДВК	297	90	203	4	297							
531	02.09.1938	ДВК	400	173	154	72	399	1					1	
532	02.09.1938	ДВК	451	351	79	21	451							
533	02.09.1938	ДВК	369	133	223	5	361		8				8	
534	02.09.1938	ДВК	439	75	357	7	439							
536	05.09.1938	ДВК	200	170	30		200							
537	05.09.1938	ДВК	90	21	60	9	90							
538	05.09.1938	ДВК	344	210	134		344							
540	05.09.1938	ДВК	260	35	215	10	260							
541	05.09.1938	ДВК	493	346	102	44	492							1
542	05.09.1938	ДВК	505	120	360	25	505							
544	05.09.1938	ДВК	799	688	111		799							
547	05.09.1938	ДВК	398	345	53		398							
549	05.09.1938	ДВК	326	54	256	16	326							
551	05.09.1938	ДВК	181	71	93	17	181							
552	05.09.1938	ДВК	570		549	21	570							
553	05.09.1938	ДВК	415	1	377	37	415							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
559	28.08.1938	ДТО Дальнев. ж.д.	39	2	22		24	9	2		4		15	
560	28.08.1938	ДВК	89	56	25		81				8		8	
588	28.08.1938	ДТО Дальнев. ж.д.	28	10	16		26	1			1		2	
589	05.09.1938	ДТО Дальнев. ж.д.	56	11	45		56							
590	28.08.1938	ДТО Дальнев. ж.д.	21	11			11	6	3		1		10	
		Всего	10084	4660	4973	382	10015	32	19	0	15	2	68	1
Краснодарский край														
76	11.11.1937	Красн. край	18	14	4		18							
146	08.12.1937	Красн. край	38	32	6		38							
156	13.12.1937	Красн. край	31	11	18		29	2					2	
311	18.01.1938	Красн. край	77	63	14		77							
365	05.02.1938	Красн. край	2	2			2							
374	10.02.1938	Красн. край	30	30			30							
381	14.02.1938	Красн. край	16	14	2		16							
		Всего	212	166	44	0	210	2	0	0	0	0	2	0
Красноярский край														
79	13.11.1937	Кр. край	34	33	1		34							
123	26.11.1937	Кр. край	19	15	3		18	1					1	
151	11.12.1937	Кр. край	31	25	6		31							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследован	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего освобождено
191	25.12.1937	Кр. край	62	48	13		61	1					1
258	04.01.1938	Кр. край	88	88			88						
274	07.01.1938	Кр. край	15	15			15						
353	03.02.1938	Кр. край	73	60	9		69	3	1				4
464	09.04.1938	Кр. край	50	44	3		47	3					3
494	19.05.1938	Кр. край	105	76	29		105						
496	25.05.1938	Кр. край	68	62	6		68						
504	02.09.1938	Кр. край	481	462	19		481						
		Всего	1026	928	89	0	1017	8	1	0	0	0	9
Орджоникидзевский край													
77	11.11.1937	Ордж. край	10	10			10						
211	27.12.1937	ДТО Ордж-зе	34	34			34						
214	27.12.1937	Ордж. край	7	5	2		7						
321	21.01.1938	ДТО Ордж-зе	8		8		8						
392	17.02.1938	Ордж. край	29	6	21		27	1	1				2
415	21.02.1938	ДТО Ордж-зе	2		2		2						
419	22.02.1938	ДТО Ордж-зе	3	1	1		2	1					1
484	07.05.1938	ДТО Ордж-зе	4	3	1		4						
500	19.06.1938	ДТО Ордж-зе	16	3	12		15		1				1
		Всего	113	62	47	0	109	2	2	0	0	0	4

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Архангельская область														
347	01.02.1938	Арханг. обл.	23	2	18		20	3					3	
410	21.02.1938	Арханг. обл.	4	3	1		4							
561	28.08.1938	Арханг. обл.	22	2	6		8	14					14	
		Всего	49	7	25	0	32	17	0	0	0	0	17	0
Вологодская область														
242	02.01.1938	ДТО Северн. ж.д.	20	5	14		19	1					1	
325	24.01.1938	ДТО Северн. ж.д.	5		4		4		1				1	
461	12.04.1938	Волог. обл.	13	5	8		13						0	
469	15.04.1938	ДТО Северн. ж.д.	5	2			2	1	2				3	
		Всего	43	12	26	0	38	2	3	0	0	0	5	0
Воронежская область														
6	12.10.1937	ДТО М-Донб. ж.д.	20	18	2		20							
16	18.10.1937	Ворон. обл.	28	24	3		27	1					1	
17	18.10.1937	ДТО Юго-Вост. ж.д.	13	13			13							
40	29.10.1937	ДТО Юго-Вост. ж.д.	32	28	4		32							
56	05.11.1937	ДТО М-Донб. ж.д.	54	54			54							
57	05.11.1937	Ворон. обл.	53	40	11		51	2					2	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
81	14.11. 1937	Ворон. обл.	30	19	10	1	30							
92	21.11. 1937	ДТО М-Донб. ж.д.	59	41	16		57	2					2	
94	21.11. 1937	ДТО Юго- Вост. ж.д.	75	24	51		75							
106	25.11. 1937	ДТО М-Донб. ж.д.	34	18	16		34							
107	25.11. 1937	ДТО Юго- Вост. ж.д.	42	17	21		38	4					4	
141	02.12. 1937	Ворон. обл.	104	50	53		103	1					1	
147	08.12. 1937	ДТО М-Донб. ж.д.	42	20	21		41	1					1	
164	14.12. 1937	ДТО Юго- Вост. ж.д.	152	80	71		151	1					1	
178	21.12. 1937	ДТО М-Донб. ж.д.	87	26	58		84	3					3	
200	26.12. 1937	ДТО Юго- Вост. ж.д.	108	44	62		106	2					2	
218	27.12. 1937	Ворон. обл.	15	6	9		15							
220	28.12. 1937	ДТО М-Донб. ж.д.	82	21	60		81	1					1	
247	03.01. 1938	Ворон. обл.	11	4	6		10	1					1	
293	14.01. 1938	Ворон. обл.	22	12	10		22							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
327	24.01.1938	ДТО Юго-Вост. ж.д.	3	2	1		3							
343	31.01.1938	Ворон. обл.	1	1			1							
356	04.02.1938	ДТО Юго-Вост. ж.д.	46	16	22		38		8				8	
404	21.02.1938	Ворон. обл.	8	3	5		8							
413	21.02.1938	ДТО М-Донб. ж.д.	61	6	53		59	2					2	
460	31.03.1938	ДТО Юго-Вост. ж.д.	2	1			1	1					1	
462	03.04.1938	ДТО М-Донб. ж.д.	14		11		11	3					3	
465	12.04.1938	Ворон. обл.	16	5	9		14	2					2	
487	09.05.1938	ДТО М-Донб. ж.д.	27	4	22		26	1					1	
		Всего	1241	597	607	1	1205	28	8	0	0	0	36	0
Горьковская область														
24	20.10.1937	ДТО Горьк. ж. д.	11	11			11							
49	01.11.1937	Горьк. обл.	25	24			24	1					1	
101	21.11.1937	ДТО Горьк. ж.д.	9	9			9							
122	26.11.1937	Горьк. обл.	22	22			22							
154	12.12.1937	Горьк. обл.	22	22			22							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
180	22.12.1937	Горьк. обл.	69	65	4		69							
207	26.12.1937	ДТО Горьк. ж. д.	35	23	10		33	2					2	
273	07.01.1938	Горьк. обл.	45	29	16		45							
		Всего	238	205	30	0	235	3	0	0	0	0	3	0
Ивановская область														
144	07.12.1937	Иванов. обл.	35	21	13		34	1					1	
171	19.12.1937	Иванов. обл.	2	1			1				1		1	
286	13.01.1938	Иванов. обл.	8	7	1		8							
		Всего	45	29	14	0	43	1	0	0	1	0	2	0
Иркутская область														
204	26.12.1937	Иркут. обл.	25	22	3		25							
225	30.12.1937	ДТО Вост.-Сиб. ж.д.	23	18	5		23							
319	21.01.1938	ДТО Вост.-Сиб. ж.д.	20	12	7		19	1					1	
358	04.02.1938	Иркут. обл.	34	32	2		34							
391	16.02.1938	Иркут. обл.	17	17			17							
403	20.02.1938	ДТО Вост.-Сиб. ж.д.	15	9	6		15							
438	09.03.1938	ДТО Вост.-Сиб. ж.д.	1	1			1							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
495	19.05.1938	ДТО Вост.-Сиб. ж.д.	79	58	10		68	2	9				11	
509	05.09.1938	Иркут. обл.	126	100			100	8			18		26	
545	05.09.1938	Иркут. обл.	177	154	17		171	1			5		6	
546	05.09.1938	Иркут. обл.	136	115	20		135		1				1	
548	05.09.1938	Иркут. обл.	362	159	177	1	337	24	1				25	
550	05.09.1938	Иркут. обл.	239	226	12		238		1				1	
563	28.08.1938	Иркут. обл.	76	65	5		70	2	3		1		6	
		Всего	1330	988	264	1	1253	38	15	0	24	0	77	0
Калининская область														
45	29.10.1937	ДТО Калинин. ж.д.	2	2			2							
68	09.11.1937	ДТО Калинин. ж.д.	1	1			1							
100	21.11.1937	ДТО Калинин. ж.д.	4	2	2		4							
112	25.11.1937	ДТО Калинин. ж.д.	2	2			2							
120	26.11.1937	Калин. обл.	40	27	9		36	1	1	2			4	
238	02.01.1938	Калин. обл.	39	30	7		37	2					2	
470	16.04.1938	Калин. обл.	10	4	2		6	3	1				4	
		Всего	98	68	20	0	88	6	2	2	0	0	10	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/выс ылка	Всего осуждено	Доследовани	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего освобождено	Освобождено
Кировская область														
212	27.12. 1937	Киров. обл.	3	3			3							
300	15.01. 1938	Киров. обл.	7	5	2		7							
		Всего	10	8	2	0	10	0	0	0	0	0	0	0
Куйбышевская область														
36	29.10. 1937	Куйб. обл.	17	17			17							
84	16.11. 1937	ДТО Куйб. ж.д.	26	12	8		20	6					6	
152	11.12. 1937	Куйб. обл.	40	20	17		37	3					3	
157	13.12. 1937	ДТО Куйб. ж.д.	132	48	56		104	28					28	
166	15.12. 1937	ДТО Куйб. ж.д.	145	33	86		119	26					26	
227	30.12. 1937	ДТО Куйбыш ж.д.	149	37	102		139	10					10	
259	05.01. 1938	Куйб. обл.	80	25	52		77	3					3	
280	12.01. 1938	Куйб. лбл.	31	22	9		31							
344	31.01. 1938	Куйб. обл.	32	10	21		31	1					1	
357	04.02. 1938	ДТО Куйб. ж.д.	37	16	21		37							
409	21.02. 1938	ДТО Куйб. ж.д.	72	12	29	31	72							
458	31.03. 1938	ДТО Куйб. ж.д.	21	3	17		20	1					1	
480	04.05. 1938	ДТО Куйб. ж.д.	100	16	83		99	1					1	
		Всего	882	271	501	31	803	79	0	0	0	0	79	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Ленинградская область														
3	10.10.1937	Ленин. обл.	50	50			50							
5	12.10.1937	Ленин. обл.	50	50			50							
12	14.10.1937	Ленин. обл.	50	50			50							
26	20.10.1937	Ленин. обл.	50	48	2		50							
34	28.10.1937	Ленин. обл.	50	50			50							
51	02.11.1937	Ленин. обл.	50	50			50							
78	12.11.1937	Ленин. обл.	50	48	2		50							
88	19.11.1937	Ленин. обл.	50	50			50							
142	03.12.1937	Ленин. обл.	99	79	4		83		16				16	
167	16.12.1937	Ленин. обл.	50	49			49	1					1	
252	04.01.1938	Ленин. обл.	50	48	2		50							
267	05.01.1938	Ленин. обл.	51	51	0		51							
267 а	05.01.1938	Ленинградская обл.	1		1		1							
282	12.01.1938	Ленин. обл.	51	48	1		49		2				2	
284	12.01.1938	Ленин. обл.	50	50			50							
310	18.01.1938	Ленин. обл.	82	67	4		71		11				11	
476	16.04.1938	Ленин. обл.	100	87	8		95	1	4				5	
502	02.09.1938	Ленин. обл.	100	71			71	17	3		9		29	
		Всего	1034	946	24	0	970	19	36	0	9	0	64	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Московская область														
1	29.09.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	6	6			6							
2	10.10.1937	Моск. обл.	50	41	5		46	4					4	
10	12.10.1937	ДТО М-Окружн. ж.д.	4	2	2		4							
13	14.10.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	17	13			13	4					4	
18	18.10.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	18	10	8		18							
19	18.10.1937	Моск. обл.	50	39	6		45	5					5	
37	29.10.1937	Моск. обл.	44	40	1		41	3					3	
46	29.10.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	7	6	1		7							
74	10.11.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	10	8	2		10							
83	15.11.1937	ДТО Ленин. ж.д.	91	63	25		88	3					3	
115	25.11.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	13	11	2		13							
133	28.11.1937	Моск. обл.	162	137	25		162							
158	13.12.1937	Моск. обл.	54	36	13		49	5					5	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
169	17.12.1937	ДТО Ленин. ж.д.	123	22	101		123							
176	21.12.1937	Моск. обл.	82	33	40		73	7	1	1			9	
183	23.12.1937	Моск. обл.	100	28	63		91	9					9	
189	23.12.1937	Моск. обл.	151	47	85	3	135	16					16	
203	26.12.1937	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	42	23	18		41	1					1	
230	31.12.1937	ДТО Ленин. ж.д.	15	1	14		15							
265	05.01.1938	ДТО М-Окружн. ж.д.	2	2			2							
328	24.01.1938	Моск. обл.	20	13	7		20							
386	15.02.1938	Моск. обл.	20	18	1		19			1			1	
401	20.02.1938	Моск. обл.	40	38	2		40							
406	21.02.1938	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	8	1	5		6	1			1		2	
420	19.04.1938	ДТО Ленин. ж.д.	24	5	18		23	1					1	
422	22.02.1938	ДТО ж.д. им. Дзерж-го	3		2		2	1					1	
437	09.03.1938	ДТО М-Окружн. ж.д.	4		3		3	1					1	
443	23.03.1938	Моск. обл.	50	43	6		49			1			1	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
478	28.04.1938	ДТО Ленинс. ж.д.	7	1	6		7						0	
489	09.05.1938	Моск. обл.	97	42	43		85		12				12	
493	17.05.1938	Московская обл.	114	92	12		104		10				10	
578	02.09.1938	Моск. обл.	67	61	6		67						0	
		Всего	1495	882	522	3	1407	61	23	3	1	0	88	0
Курская область														
35	28.10.1937	Курская обл.	12	11			11	1					1	
139	01.12.1937	Курская обл.	30	27	3		30							
243	02.01.1938	Курская обл.	27	16	11		27							
338	29.01.1938	Курская обл.	20	7	13		20							
580	05.09.1938	Курская обл.	32	6	16		22	7			3		10	
		Всего	121	67	43	0	110	8	0	0	3	0	11	0
Новосибирская область														
38	29.10.1937	Нов. обл.	66	66			66							
71	10.11.1937	Нов. обл.	121	121			121							
80	14.11.1937	Нов. обл.	51	50	1		51							
93	21.11.1937	Нов. обл.	55	42	13		55							
104	23.11.1937	Нов. обл.	59	54	5		59							
143	03.12.1937	Нов. обл.	69	69			69							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
145	08.12. 1937	Нов. обл.	51	43	8		51							
163	14.12. 1937	Нов. обл.	104	99	5		104							
168	17.12. 1937	Нов.обл.	103	102	1		103							
201	26.12. 1937	ДТО Томской ж.д.	58	54	3		57				1		1	
209	27.12. 1937	Нов. обл.	68	68			68							
228	31.12. 1937	Нов. обл.	234	231	2		233		1				1	
232	31.12. 1937	Нов. обл.	107	104	1		105		2				2	
251	03.01. 1938	Нов. обл.	230	227	3		230							
270	06.01. 1938	Нов. обл.	15	15			15							
290	13.01. 1938	ДТО Томской ж.д.	71	64	3		67		4				4	
292	14.01. 1938	Нов. обл.	214	198	16		214							
315	20.01. 1938	Нов. обл.	255	240	14		254		1				1	
373	10.02. 1938	Нов. обл.	102	98	3		101	1					1	
390	16.02. 1938	ДТО Томской ж.д.	22	21	1		22							
436	05.03. 1938	ДТО Томской ж.д.	5	4			4	1					1	
439	11.03. 1938	Нов. обл.	35	34	1		35							
441	16.03. 1938	Нов. обл.	4	4			4							
450	28.03. 1938	Нов. обл.	35	31	4		35							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
492	17.05.1938	ДТО Томской ж.д.	17	16	1		17							
498	28.05.1938	Нов. обл.	64	64			64							
		Всего	2215	2119	85	0	2204	2	8	0	1	0	11	0
Омская область														
64	09.11.1937	ДТО Омской ж.д.	12	8	4		12							
113	25.11.1937	Омская обл.	23	16	7		23							
124	26.11.1937	Омская обл.	27	24	3		27							
160	14.12.1937	Омская обл.	19	7	12		19							
181	22.12.1937	Омская обл.	56	33	21		54	2					2	
234	02.01.1938	ДТО Омской ж.д.	18	8	10		18							
272	07.01.1938	Омская обл.	67	19	48		67							
287	13.01.1938	Омская обл.	13	10	3		13							
320	21.01.1938	ДТО Омской ж.д.	8	5	3		8							
359	04.02.1938	Омская обл.	24	14	9		23	1					1	
398	20.02.1938	Омская обл.	9	2	7		9							
423	22.02.1938	ДТО Омской ж.д.	2	2			2							
488	29.05.1938	ДТО Омской ж.д.	11	4	5		9	2					2	
		Всего	289	152	132	0	284	5	0	0	0	0	5	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Надзор	Всего отложено	Освобождено
Оренбургская область														
150	10.12.1937	Оренб. обл.	64	63	1		64							
175	20.12.1937	ДТО Оренб. ж.д.	200	197	3		200							
192	25.12.1937	ДТО Оренб. ж.д.	181	175	6		181							
231	31.12.1937	Оренб. обл.	33	30	3		33							
468	14.04.1938	ДТО Оренб. ж.д.	6	5			5	1					1	
485	07.05.1938	ДТО Оренб. ж.д.	8	8			8							
558	05.09.1938	Оренб. обл.	95	79	8		87	4			4		8	
		Всего	587	557	21	0	578	5	0	0	4	0	9	0
Орловская область														
177	21.12.1937	Орлов. обл.	68	41	26		67		1				1	
317	20.01.1938	Орлов. обл.	9	2	4		6	3					3	
		Всего	77	43	30	0	73	3	1	0	0	0	4	0
Ростовская область														
11	12.10.1937	ДТО ж.д. им. Ворошилова	9	9			9							
39	29.10.1937	ДТО ж.д. им. Ворошилова	20	20			20							
75	10.11.1937	ДТО ж.д. им. Ворошилова	20	20			20							
105	23.11.1937	Ростов. обл.	28	19	9		28							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
114	25.11.1937	ДТО ж.д. им. Ворошилова	16	16			16							
198	26.12.1937	Ростов. обл.	26	23	3		26							
216	27.12.1937	ДТО ж.д. им. Ворошилова	52	41	11		52							
268	05.01.1938	Ростов. обл.	77	58	17	2	77							
339	31.01.1938	Ростов. обл.	13	6	6		12	1					1	
362	05.02.1938	Ростов. обл.	24	22	2		24							
397	20.02.1938	ДТО ж.д. им. Ворошилова	22	20	1		21	1					1	
405	21.02.1938	Ростов. обл.	9	3	5		8		1				1	
486	07.05.1938	ДТО ж.д. им. Ворошилова	7	6	1		7							
523	05.09.1938	Ростов. обл.	70	35	31		66	4					4	
543	05.09.1938	Ростов. обл.	110	47	50		97	10			3		13	
		Всего	503	345	136	2	483	16	1	0	3	0	20	0
Саратовская область														
140	01.12.1937	Саратов. обл.	9	5	4		9							
174	19.12.1937	ДТО Рязано-Уральск. ж.д.	242	104	126		230	12					12	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
190	25.12.1937	ДТО Рязано-Уральск. ж.д.	185	75	102		183	2					2	
235	02.01.1938	Саратов. обл.	4	2	2		4							
240	02.01.1938	Саратов. обл.	9	2	7		9							
257	04.01.1938	Саратов. обл.	6	3	2		5	1					1	
260	05.01.1938	Саратов. обл.	8	4	4		8							
261	05.01.1938	Саратов. обл.	2	1	1		2							
285	12.01.1938	Саратов. обл.	42	23	19		42							
456	29.03.1938	ДТО Рязано-Уральск. ж.д.	40	11	25		36	4					4	
		Всего	547	230	298	0	528	19	0	0	0	0	19	0
Рязанская область														
128	28.11.1937	Рязанск. обл.	1	1			1							
222	28.12.1937	Рязанск. обл.	10	7	3		10							
295	14.01.1938	Рязанск. обл.	8	3	3		6	2					2	
		Всего	19	11	6	0	17	2	0	0	0	0	2	0
Свердловская область														
23	20.10.1937	Свердл. обл.	60	55	3		58	2					2	
52	02.11.1937	Свердл. обл.	50	47	1		48	2					2	
70	10.11.1937	Свердл. обл.	91	80	11		91							
110	25.11.1937	ДТО ж.д. им. Каганов.	16	12	4		16							
132	28.11.1937	Свердл. обл.	111	104	7		111							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
194	25.12.1937	Свердл. обл.	142	129	10		139	3					3	
195	25.12.1937	Свердл. обл.	112	79	32		111	1					1	
202	26.12.1937	ДТО ж.д. им. Каганов.	59	35	24		59							
278	10.01.1938	Свердл. обл.	145	123	22		145							
301	15.01.1938	Свердл. обл.	197	185	8		193		4				4	
385	15.02.1938	ДТО ж.д. им. Каганов.	8	6			6	2					2	
459	31.03.1938	ДТО ж.д. им. Каганов.	3	1	2		3							
508	15.07.1938	Свердл. обл.	460	306	74		380		45	35			80	
517	19.07.1938	Свердл. обл.	138	71	25		96	36	6				42	
		Всего	1592	1233	223	0	1456	46	55	35	0	0	136	0
Смоленская область														
7	12.10.1937	Смол. обл.	5	5			5							
9	12.10.1937	Смол. обл.	11	11			11							
27	25.10.1937	Смол. обл.	7	7			7							
60	09.11.1937	ДТО Западн. ж.д.	8	8			8							
73	10.11.1937	Смол. обл.	8	8			8							
155	12.12.1937	Смол. обл.	20	6	12		18	2					2	
213	27.12.1937	Смол. обл.	9	4	4		8	1					1	
236	02.01.1938	ДТО Западн. ж.д.	14	4	9		13				1		1	

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
324	24.01. 1938	Смоленс кая обл.	16	13	2		15	1					1	
		Всего	98	66	27	0	93	4	0	0	1	0	5	0
Сталинградская область														
4	10.10. 1937	Сталинг радская обл. 3 отд. УГБ УНКВД	25	19	5		24	1					1	
14	14.10. 1937	Стал. обл.	31	26	3		29	2					2	
33	28.10. 1937	Стал. обл.	45	36	8		44	1					1	
58	06.11. 1937	ДТО Сталин. ж.д.	32	15	16		31	1					1	
72	10.11. 1937	Стал. обл.	16	10	6		16							
86	17.11. 1937	Стал. обл.	12	12			12							
108	25.11. 1937	ДТО Сталин. ж.д.	36	26	10		36							
148	09.12. 1937	Стал. обл.	26	6	20		26							
182	22.12. 1937	ДТО Сталин. ж.д.	54	26	28		54							
186	23.12. 1937	Стал. обл.	22	5	13		18		4				4	
474	22.04. 1938	ДТО Сталин. ж.д.	21	13	6		19	2					2	
479	04.05. 1938	Стал. обл.	27	16	9		25		2				2	
		Всего	347	210	124	0	334	7	6	0	0	0	13	0

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
Тульская область														
28	25.10.1937	ДТО М-Киевск. ж.д.	12	12			12							
206	26.12.1937	Тул. обл.	82	42	38		80	2					2	
255	04.01.1938	ДТО М-Киевск. ж.д.	8	5	3		8							
297	15.01.1938	Тул. обл.	3	1	2		3							
303	15.01.1938	Тул. обл.	21	12	9		21							
371	07.02.1938	ДТО М-Киевск. ж.д.	1	1			1							
442	21.03.1938	Тул. обл.	18	10	5	3	18							
490	11.05.1938	Тул. обл.	31	7	20		27		4				4	
		Всего	176	90	77	3	170	2	4	0	0	0	6	0
Челябинская область														
15	18.10.1937	Челяб. обл.	20	20			20							
31	26.10.1937	Челяб. обл.	20	17			17	3					3	
43	29.10.1937	ДТО Южно-Уральск. ж.д.	14	14			14							
61	09.11.1937	ДТО Южно-Уральск. ж.д.	8	8			8							
63	09.11.1937	Челяб. обл.	16	16			16							
85	17.11.1937	Челяб. обл.	37	37			37							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
102	22.11. 1937	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	12	7	5		12							
119	26.11. 1937	Челяб. обл.	64	64			64							
134	29.11. 1937	Челяб. обл.	130	129	1		130							
159	14.12. 1937	Челяб. обл.	211	210	1		211							
184	23.12. 1937	Челяб. обл.	28	28			28							
224	30.12. 1937	Челяб. обл.	18	18			18							
283	12.01. 1938	Челяб. обл.	51	50	1		51							
283 а	28.06. 1938	Челяб. обл.												
313	19.01. 1938	Челяб. обл.	3	3			3							
326	24.01. 1938	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	2	1	1		2							
336	29.01. 1938	Челяб. обл.	32	32			32							
370	07.02. 1938	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	13	8	5		13							
382	14.02. 1938	Челяб. обл.	7	7			7							
416	21.02. 1938	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	5	4			4		1				1	
444	23.03. 1938	Челяб. обл.	23	21	2		23							
449	28.03. 1938	Челяб. обл.	54	53	1		54							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
453	29.03. 1938	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	4	1	3		4							
463	09.04. 1938	Челяб. обл.	188	187			187		1				1	
466	14.04. 1938	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	1	1			1							
473	22.04. 1938	Челяб. обл.	190	175	12		187	3					3	
569	05.09. 1938	ДТО Южно- Уральск. ж.д.	83	38	39		77	1			5		6	
		Всего	1234	1149	71	0	1220	7	2	0	5	0	14	0
Читинская область														
41	29.10. 1937	ДТО ж.д. им. Молотова	6	6			6							
89	19.11. 1937	Чит. обл.	17	15	2		17							
111	25.11. 1937	ДТО ж.д. им. Молотова	4	4			4							
130	28.11. 1937	Чит. обл.	40	40			40							
149	10.12. 1937	Чит. обл.	52	52			52							
188	23.12. 1937	Чит. обл.	31	31			31							
215	27.12. 1937	ДТО ж.д. им. Молотова	65	62	3		65							
239	02.01. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	56	50	6		56							
266	05.01. 1938	Чит. обл.	77	76	1		77							

Продолжение таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
275	08.01. 1938	Чит. обл.	142	141	1		142							
312	19.01. 1938	Чит. обл.	45	44			44	1					1	
322	24.01. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	22	19			19	1	2				3	
335	28.01. 1938	Чит. обл.	57	55	1		56	1					1	
346	01.02. 1938	Чит. обл.	62	51	9		60	2					2	
355	04.02. 1938	Чит. обл.	50	37	11		48	2					2	
355 а	13.10. 1938	Чит. обл.	-1		-1		-1							
361	04.02. 1938	Чит. обл.	56	54	1		55	1					1	
375	11.02. 1938	Чит. обл.	154	148	4		152	2					2	
376	11.02. 1938	Чит. обл.	213	207	2		209	4					4	
389	16.02. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	35	32	1		33		2				2	
395	19.02. 1938	Чит. обл.	45	37	4		41	4					4	
427	26.02. 1938	Чит. обл.	31	27	4		31							
431	02.03. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	94	83	1		84	8	2				10	
435	05.03. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	42	38			38	3	1				4	
445	25.03. 1938	Чит. обл.	53	52	1		53							
446	25.03. 1938	Чит. обл.	37	31	4	1	36		1				1	
451	29.03. 1938	Чит. обл.	49	34	9		43	2			4		6	

Окончание таблицы Б.1

№ протокола	Дата	Представлен	Всего рассмотрено	ВМН	ИТЛ	Ссылка/высылка	Всего осуждено	Доследование	ВКСВ	ВТ	Суд	Назор	Всего отложено	Освобождено
457	31.03. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	40	34			34	2	4				6	
467	31.05. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	49	24	25		49							
512	02.09. 1938	Чит. обл.	380	344	30		374	4	1				5	1
519	29.08. 1938	Чит. обл.	133	104	27		131	2					2	
524	22.08. 1938	Чит. обл.	180	140	34		174	6					6	
535	22.08. 1938	Чит. обл.	95	93	2		95							
539	28.08. 1938	Чит. обл.	116	80	20		100	3	10				13	3
565	05.09. 1938	ДТО ж.д. им. Молотова	72	2	70		72							
579	28.08. 1938	Чит. обл.	46	42	4		46							
		Всего	2645	2289	275	1	2566	48	23	0	4	0	75	4
Ярославская область														
95	21.11. 1937	ДТО Яр. . ж.д.	26	20	4		24	2					2	
253	04.01. 1938	ДТО Яр. ж.д.	8	3	5		8							
289	13.01. 1938	Яр. обл.	35	28	7		35							
348	01.02. 1938	Яросл. обл.	6	5	1		6							
447	26.03. 1938	ДТО Яр. ж.д.	4	1	2		3		1				1	
501	02.06. 1938	ДТО Яр. ж.д.	10	3	5		8	1	1				2	
		Всего	89	60	24	0	84	3	2	0	0	0	5	0

Составлено по: Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593 // Архив УФСБ по Омской области. Ф.6.